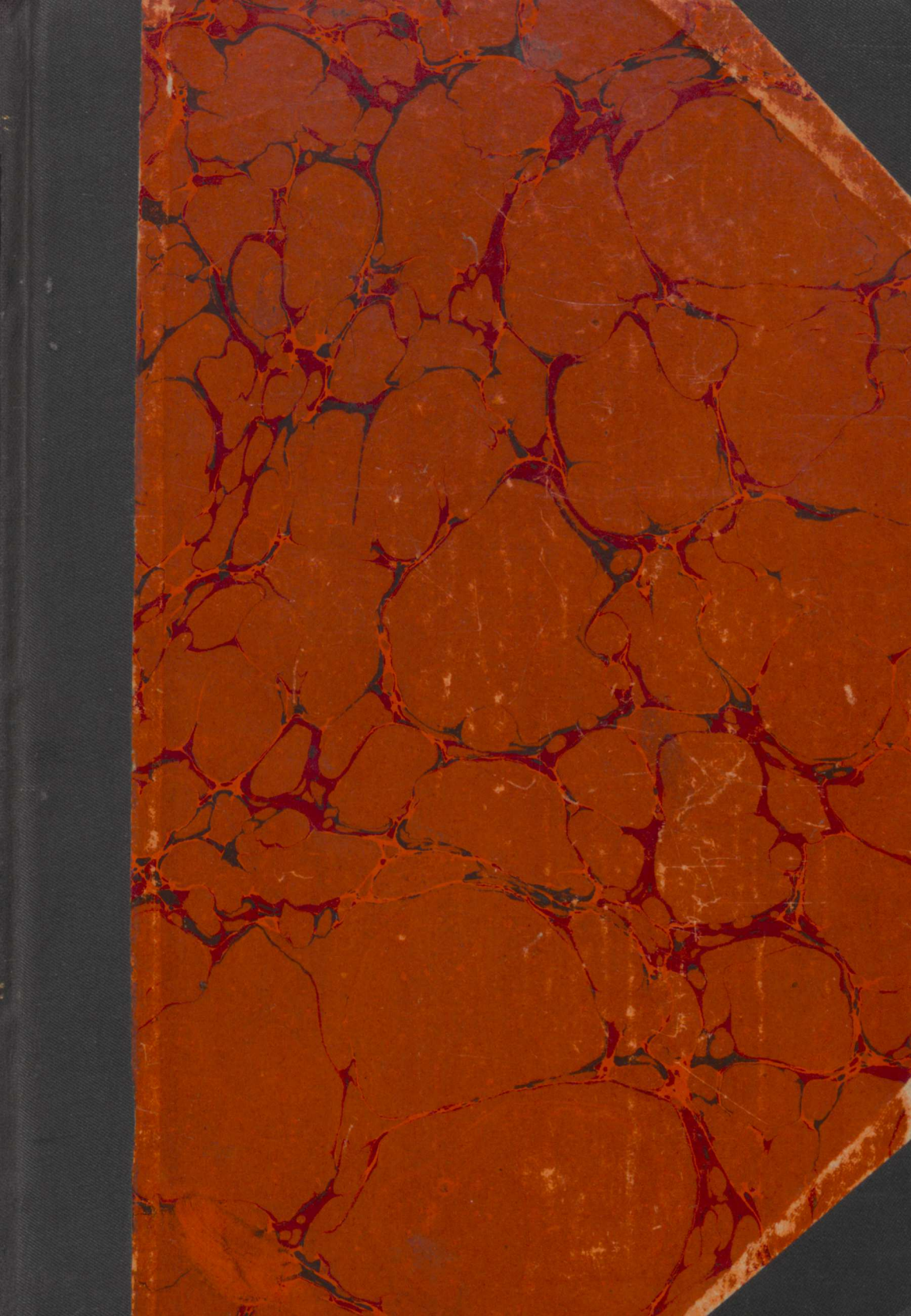

37. 43. 3. 96.

Историческая записка

1-й

ПЪШЕЙ ГУРІЙСКОЙ ДРУЖИНЫ

въ войну 1877—1878 г.г.

(воспоминанія офицера участника).

СОСТАВИЛЪ

Генералъ-Маіоръ Кн. И. Р. Манаевъ.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1913.

Историческая записка

1-й

ПЪШЕЙ ГУРІЙСКОЙ ДРУЖИНЫ

въ войну 1877—1878 г.г.

(воспоминанія офицера участника).

СОСТАВИЛЪ

Генералъ-Маіоръ Кн. И. Р. Манаевъ.

ТИФЛИСЪ

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1913.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.

Стр.

Формированіе на случай войны съ Турціей 1-й Гурійской дружины.—Обмундированіе, вооруженіе и довольствіе.—Командиръ дружины и составъ г.г. офицеровъ.—Служба дружины до объявленія войны.—Смотры: генераловъ Цитовича, Денибекова, командующаго войсками Приріонскаго края генераль-лейтенанта Окложію и Главнокомандующаго всей Кавказскою арміею Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича

1

Глава II.

Переходъ 1-й пѣшей Гурійской дружины на передовую позицію, находящуюся за рѣчкою Бзуджу, въ 3 верстахъ отъ г. Озургеты, на высоту Экадіо.—Служба строевая и прохожденіе курсовой стрѣльбы.—Смотры: Командующаго войсками Приріонскаго края генераль-лейтенанта Окложію, генераль-маіора Цитовича и Денибекова.—Смотръ Августѣйшаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича

10

Глава III.

Приготовленіе 1-й пѣшей Гурійской дружины къ походу.—Выступленіе съ позиціи Экадіо.—Объявленіе военныхъ дѣйствій съ Турціею, молебствіе, наступленіе дружины къ Чолокскому посту, ночлегъ на этомъ посту.—Переходъ 13 апрѣля за границу.—Бой дружины въ этотъ день.—Вступленіе на Муха-Эстате, взятіе его и стоянка.—Бой 29-го апрѣля и взятіе Хуцъ-Убани

16

Глава IV.

Стоянка на позиціи Хуцъ-Убани; бой у сел. Зенита, Ачкуасъ-тави, Чохотскихъ высотъ

38

Глава V.

Бой 11-го и 12-го іюня.—Атака Цихисдзирскихъ укрѣпленій. Отступленіе Кобулетскаго отряда. Наступленіе турокъ

57

Глава VI.

Отходъ Кобулетскаго отряда на Муха-Эстате въ виду уменьшенія численности отряда.	90
---	----

Глава VII.

Бой 19 октября.	106
-------------------------	-----

Глава VIII.

Второй штурмъ Цихидзирскихъ позицій 13-го января 1878 года	128
---	-----

Глава IX. Заключение	140
--------------------------------	-----

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
и
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Наслѣдникъ Цесаревичъ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Его Императорское Высочество
великій князь
МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Г л а в а I.

Формированіе на случай войны съ Турціей 1-й Гурійской дружины.— Обмундированіе, вооруженіе и довольствіе.— Командиръ дружины и составъ г.г. офицеровъ.— Служба дружины до объявленія войны.— Смотры: генераловъ Цитовича, Денибекова, командующаго войсками Приріонскаго края генераль-лейтенанта Оклобжіо и Главнокомандующаго всей Кавказскою арміею Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Съ ноября мѣсяца 1876 года стали усиленно поговаривать о войнѣ Россіи съ Турціей и съ этою цѣлью вся Россія стала готовиться. Кавказская армія на всемъ протяженіи границъ нашихъ съ Турціей сосредоточилась на трехъ важныхъ пунктахъ: Александропольскомъ—подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, Эриванскомъ—подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Теръ-Гукасова и въ бассейнѣ рѣки Ріона—подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Оклобжіо, подъ общимъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Въ составъ войскъ Приріонскаго края вошла 1-я пѣшая Гурійская дружина.

Командующій войсками Приріонскаго края генераль-лейтенантъ Оклобжіо, найдя необходимымъ имѣть при ввѣренномъ ему войскѣ части, хорошо знакомыя съ мѣстностью, въ которой приходилось вести войну съ Турціею и знакомыя съ пограничными жителями кобулетцами, пожелалъ сформировать изъ мѣстныхъ жителей Озургетскаго уѣзда охотниковъ для опредѣленія на службу на случай войны. Съ этою цѣлью приказано было начальнику штаба полковнику Генеральнаго Штаба Казбеку набрать изъ мѣстныхъ жителей Озургетскаго уѣзда 1000 человекъ милиціонеровъ, не выше 40 лѣтъ отъ роду и, по своему усмотрѣнію, офицеровъ по милиціи, также изъ мѣстныхъ жителей, а часть офицеровъ изъ регулярныхъ частей по представленію самого командующаго войсками, испрашивая разрѣшеніе Главнокомандующаго Кавказскою арміею, преимущественно отъ 41 пѣхотной дивизіи.

Полковникъ Казбекъ, какъ только получилъ распоряженіе отъ командующаго войсками о сформированіи дружины, немедленно приступилъ къ призыву, черезъ уѣзднаго начальника, молодыхъ людей, исключительно съ Озургетскаго уѣзда. По первому призыву, въ началѣ декабря мѣсяца 1876 года явились, съ желаніемъ поступить на службу, только на случай войны, болѣе 3000 человекъ въ г. Озургеты, а такъ какъ нужно было только 1000 человекъ, то полковникъ Казбекъ сталъ отбирать болѣе подходящихъ: здоровыхъ и видныхъ людей. Желаящіе поступить на службу являлись даже 13—14 лѣтъ, которые со слезами просили принять ихъ на службу, но полковникъ Казбекъ

отказывалъ, обѣщая принять черезъ годъ, но они на обѣщаніе отвѣчали: „на что намъ поступить черезъ годъ, когда къ тому времени кончится война. Теперь же желаемъ положить голову за Царя и Отечество“. Полковникъ Казбекъ, видя большое желаніе со стороны молодыхъ гурійцевъ непременно поступить на службу, давалъ имъ слово, что не далѣе, какъ черезъ два мѣсяца будутъ формироваться еще нѣсколько дружинъ изъ гурійцевъ и они будутъ приняты; дѣйствительно, послѣ сформированія 1-й пѣшей Гурійской дружины были сформированы во время самой войны еще три дружины тысячнаго состава изъ Озургетскаго уѣзда. Поступили на службу даже 13 лѣтніе мальчики, такъ что одинъ Озургетскій уѣздъ выставилъ на случай войны болѣе 4000 человекъ молодыхъ милиціонеровъ, готовыхъ на защиту Царя и дорогого намъ Отечества.

Къ 15-му декабря 1876 года закончился наборъ и всѣ принятые 1000 человекъ были раздѣлены на 4 части, по числу 4-хъ сотенъ и въ каждую сотню были прибавлены кадровые, старослужащіе, милиціонеры, въ числѣ 105 человекъ съ 105 ружьями, изъ бывшихъ двухъ пѣшихъ сотенъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка*). Командиръ дружины и г.г. офицеры съ регулярныхъ частей были назначены по представленію командующаго войсками Приріонскаго края, Его Высочествомъ Августѣйшимъ главнокомандующимъ, слѣдующія лица: командиромъ дружины—ротмистръ князь

*) Въ составъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка входили 2 пѣшія сотни: одна 5-я сотня вошла въ качествѣ учителей въ 1-ю пѣшую дружину, а другая сотня—во 2-ю пѣшую Гурійскую дружину.

Гуріели (Яссе), князь владѣтельный и вліятельный въ цѣломъ Озургетскомъ уѣздѣ, хорошо знакомый съ пограничною мѣстностью и пользующійся большою репутаціею между жителями-кобулетцами; помощникомъ командира дружины—маіоръ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка Чхеидзе (Давидъ), казначеетъ, онъ-же адъютантъ, поручикъ 161 пѣхотнаго Александропольскаго полка Беридзе (Георгій), сотенные командиры: 1-й—поручикъ 162 пѣхотнаго Ахалцихскаго полка князь Микеладзе (Дариспанъ), къ нему младшіе офицеры: подпоручикъ милиціи Глonti (Георгій) и прапорщикъ милиціи князь Гуріели (Давидъ); 2-й сотни—поручикъ князь Абашидзе (Иванъ), офицерами подпоручикъ князь Эристовъ (Фома) и прапорщикъ милиціи Беридзе (Сіо); 3-й сотни—прапорщикъ князь Гунава (Георгій), офицерами: прапорщики милиціи Мгеладзе (Вата) и Карцевадзе (Антонъ); 4-й сотни—я въ чинѣ прапорщика отъ 163 пѣхотнаго Ленкоранскаго полка; ко мнѣ офицеромъ, прапорщикъ милиціи Капанадзе (Ираклій). При такомъ составѣ была сформирована 1-я пѣшая Гурійская дружина, согласно приказа по дружинѣ отъ 17 декабря 1876 года.

Обмундированіе нижнихъ чиновъ дружины состояло изъ куртки чернаго сукна съ открытою грудью и жилета, шароваръ такого же сукна или изъ черной шали, со складками вверху и узкіе до самаго низа; поясомъ служилъ кушакъ изъ шелковой матеріи, а на нѣкоторыхъ—простої матеріи; вмѣсто шинели—бурка, которая привязывалась къ кожаному мѣшку, головнымъ уборомъ служилъ башлыкъ; обувь: легкія чусты

съ ноговицами и шерстяные носки. Все это обмундированіе казенное. Вооруженіе состояло: изъ ружья системы Карле (игольчатое), имѣли право носить и кинжалы, а также пистолетъ. Снаряженіе: кожаный мѣшокъ изъ юфты, замѣнявшій ранецъ, куда помѣщались вторыя куртки, шаровары и бѣлье; маленький кожаный мѣшечекъ для ружейныхъ принадлежностей: кожаный стаканъ и множество мелкихъ ремешковъ, для подвязыванія къ кожанному мѣшку бурки. Жалованье давалось простому милиціонеру 5 руб., уряднику—10 руб., вахмистру—20 руб. Пища, подходящая ихъ вкусу, отпускалась $\frac{3}{4}$ ф. мяса, горячая пища большею частью состояла изъ супа, приготовленнаго въ видѣ лапши, хлѣба кукурузнаго (мчады), вмѣсто каши приготавливали гоми.

Со второго же дня по отдачѣ приказа по дружинѣ, т. е. 18 декабря, началась усиленная подготовка молодыхъ милиціонеровъ строевому и стрѣлковому дѣлу, имѣя въ каждой сотнѣ по 25 ружей, принесенныхъ кадровыми милиціонерами. Учащихся знакомили съ частями ружей сборкою, разборкою и заряженіемъ винтовки. Подготовка шла подъ личнымъ руководствомъ сотенныхъ командировъ, которые настолько были заинтересованы подготовкою милиціонеровъ, что съ большимъ вниманіемъ и съ энергіею относились къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ по обученію милиціонеровъ. Наблюдающимъ за правильной подготовкой, по распоряженію командующаго войсками Приріонскаго края, былъ назначенъ начальникъ 2-й бригады 41 пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Цитовичъ, ко-

торому было приказано въ два мѣсяца приготовить дружину такъ, чтобы она могла съ успѣхомъ идти въ бой. И, командуя сотнею, назначенъ былъ въ то же время завѣдывающимъ оружіемъ; генераломъ Цитовичемъ возложена была на меня подготовка милиціонеровъ стрѣлковому дѣлу и прохожденіе курса стрѣльбы, хотя до 600 шаговъ.

По разбивкѣ дружины по сотнямъ отведены были помѣщенія для 1, 2 и 3 сотенъ въ деревянныхъ баракахъ, построенныхъ близъ дома князя Григорія Гуріели, а для 4-й сотни—въ частномъ домѣ на Гуріеловскомъ плацу, близъ городской церкви.

Приказомъ по Гурійскому отряду на 27-е декабря начальникомъ отряда генераломъ Цитовичемъ былъ назначенъ смотръ всей дружинѣ, для чего приказано было выстроить сотни у своихъ казармъ къ 9-ти часамъ утра; такъ какъ ружья къ этому времени не были получены, то выстроить сотни для встрѣчи безъ ружей, имѣя при сотнѣ ружья, которыя были переданы отъ старослужащихъ по 25 штукъ въ каждую сотню. Генераль Цитовичъ въ 9-ть часовъ утра 29 декабря началъ смотръ съ 1-й сотни и къ 11 часамъ осмотрѣлъ всѣ 3 сотни; остался доволенъ порядкомъ этихъ 3-хъ сотенъ, поблагодарилъ сотенныхъ командировъ; затѣмъ въ 12 часовъ того же дня началъ смотръ 4-й сотни, которая была выстроена на самомъ Гуріеловскомъ плацу развернутымъ фронтомъ, правымъ флангомъ къ дому генераль-маіора князя Дмитрія Гуріели, а лѣвымъ флангомъ къ церкви. Принявъ рапортъ отъ меня и подойдя къ сотнѣ съ лѣваго фланга,

генераль Цитовичъ съ самаго же начала остался недовольнымъ, такъ какъ на привѣтствіе люди отвѣчали не одновременно; затѣмъ приказано было вызвать учителей нижнихъ чиновъ передъ сотней, стать имъ по разнымъ мѣстамъ, затѣмъ приказалъ мнѣ командовать: „молодые милиціонеры, бѣгомъ по своимъ учителямъ“. Приказаніе мною было въ точности исполнено, но милиціонеры смѣшались и не могли отыскать своихъ учителей; тогда генераль Цитовичъ обратился ко мнѣ: „У васъ, прапорщикъ кн. Макаевъ, полнѣйшій безпорядокъ, люди не знаютъ своихъ учителей, во фронтѣ шевелятся, а вотъ въ тѣхъ сотняхъ я нашелъ полнѣйшій порядокъ, даже дѣлали ружейные приемы“;—затѣмъ обратился ко мнѣ: „могутъ-ли обращаться съ ружьемъ?“ Мною было доложено: „да, они съ дѣтства привыкаютъ стрѣлять“. Лично вывелъ двухъ милиціонеровъ впередъ и приказалъ учителю командовать пальбу, но я доложилъ, что они приемы не знаютъ, а только знакомились съ ружьями и зарядженіемъ. На мой докладъ генераль началъ распекать меня: „Вы, прапорщикъ кн. Макаевъ, позволяете себѣ меня надувать“. При этомъ выразился, что я не имѣю понятія о командованіи и, что я совершенно неопытенъ въ командованіи сотнею и кто меня назначилъ командовать. Видя себя въ высшей степени оскорбленнымъ я позволилъ себѣ доложить: „Ваше превосходительство, прошу васъ меня не оскорблять, если я негоденъ командовать, то сдѣлайте распоряженіе объ отчисленіи обратно въ полкъ; я назначенъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ по представленію командующаго войсками При-

ріонскаго края, всего не болѣе 3-хъ дней какъ обучаются, не знаютъ русскаго языка, совершенно невозможно въ продолженіи 3-хъ дней выучить всѣмъ тѣмъ приемамъ, которые вы изволите требовать; если вамъ тѣ командиры сотенъ представили хорошо свои сотни, то это не мое дѣло, я надѣюсь, что отъ нихъ не остану". Тогда генераль Цитовичъ успокоился, еще разъ прошелъ по фронту и поблагодарилъ сотню и этимъ закончился первый смотръ.

Приказомъ по Гурійскому отряду начальникомъ отряда генераломъ Цитовичемъ былъ назначенъ второй смотръ спустя 9 дней, т. е. 3-го января 1877 года, въ присутствіи адъютанта Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Главнокомандующаго Кавказскою арміею Великаго Князя Михаила Николаевича—полковникъ Барановъ, который специально былъ командированъ для присутствія при смотрѣ.

Въ 9 часовъ утра для смотра дружина была выстроена на Гуріеловскомъ плацу по-сотенно покоемъ. Къ 9¹/₂ часамъ подъѣхалъ съ полковникомъ Барановымъ генераль Цитовичъ. По принятіи рапорта отъ командира дружины ротмистра князя Гуріели, объѣхалъ всѣ 4 сотни, здороваясь съ каждой сотней отдѣльно, остался очень доволенъ видомъ и стройностью дружины, хвалилъ каждую сотню; затѣмъ произвелъ нѣкоторое строевое ученіе каждой сотни отдѣльно; ружейные приемы, повороты, захожденіе по взводу и полуротно и закончилъ церемоніальнымъ маршемъ. По окончаніи церемоніальнаго марша, потребовалъ всѣхъ сотенныхъ командировъ и г.г. офицеровъ къ

Начальникъ Штаба Кобулетскаго отряда
ПОЛКОВНИКЪ КАЗБЕКЪ.

себѣ высказался о результатѣ смотра такъ: „Господа, адъютантъ командированъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ для присутствованія на смотре дружинѣ и онъ пораженъ и удивленъ, какъ дружина въ такой короткій, всего двухнедѣльный, срокъ успѣла подготовиться такъ, что хоть сейчасъ вести этихъ молодцовъ въ бой и онъ стѣняется доложить Его Высочеству, ибо не повѣрять его докладу Я, господа сотенные командиры, приношу вамъ сердечную благодарность, что вы представили свои сотни выше всякой похвалы, лучше, чѣмъ бы слѣдовало, а вамъ, прапорщикъ,—обращаясь ко мнѣ,—не ставлю въ упрекъ, но все-таки ваша сотня немного отстала отъ прочихъ трехъ сотенъ, хотя она дѣлала все образцово“.

Г л а в а І І.

Переходъ 1-й пѣшей Гурійской дружины на передовую позицію, находящуюся за рѣчкою Бзуджу, въ 3 верстахъ отъ г. Озургеты, на высоту Экодю.—Служба строевая и прохожденіе курсовой стрѣльбы.—Смотры: Командующаго войсками Приріонскаго края генераль-лейтенанта Ок-лобжію, генераль-маіора Цитовича и Денибекова.—Смотръ Августѣйшаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1877 года по распоряженію начальства 1-я пѣшая Гурійская дружина перешла на передовую позицію на высоту Экодю и расположилась въ заранѣе устроенныхъ плетневыхъ баракахъ. На этой позиціи также были расположены: баталіонъ Александропольскаго пѣхотнаго полка, 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й пѣшій Пластунскій баталіонъ и восемь орудій 1-й батареи 41-й Артиллерійской бригады.

Дружина, въ виду ожиданія скорой войны съ Турціею, усиленно готовилась строевыми, какъ уставными, такъ тактическими, сотенными и дружинными ученіями и боевою стрѣльбою. Къ 1-му марта сотнями были

пройдены: уставное сотенное учение и часть тактического обучения и стрельба до 400 шаговъ. Въ половинѣ марта мѣсяца войска, находящіеся на позиціи Экодію, посѣтилъ командующій войсками Приріонскаго края. Къ приѣзду его превосходительства генераль-лейтенанта Оклобжію, войска Экодійскаго лагеря были выстроены передъ своими бараками на переднюю линейку. Командующій войсками въ 10 часовъ утра началъ объѣздъ всѣхъ частей. Особенное его вниманіе было обращено на вновь сформированную дружину, онъ долго бесѣдовалъ съ молодыми милиціонерами, остался очень доволенъ стройностью и видомъ; между прочимъ провѣрилъ знаніе одиночнаго стрѣлка, для чего онъ вызвалъ одного милиціонера и приказалъ впереди себя занять стрѣлковую позицію и опредѣлить разстояніе до предмета и поставить прицѣлъ по соответствующему разстоянію. Милиціонеръ быстро примѣнился къ мѣстности и въ точности выполнилъ всѣ условія, касающіеся одиночнаго стрѣлка, за что командующій войсками поблагодарилъ сотеннаго командира, а нижнимъ чинамъ сказалъ: „Вы, молодцы гурійцы, видя васъ, я убѣжденъ, что вы вполне приготовлены драться съ врагомъ. Въ случаѣ войны желаю полного успѣха“.

Послѣ смотра командующаго войсками, генераль Цитовичъ къ концу марта произвелъ третій смотръ. На этотъ разъ провѣрилъ дружину въ знаніи всего строевого учения, какъ уставнаго, такъ и тактического. Дружина представилась очень хорошо. Въ особенности онъ подробно провѣрялъ ввѣренную мнѣ 4-ю сотню,

остался очень довольнымъ и выразился такъ: „Прапорщикъ князь Макаевъ, сотня ваша въ началѣ была подготовлена хуже прочихъ, а теперь она на много опередила прочія сотни“. Затѣмъ поблагодарилъ сотенныхъ командировъ и господъ офицеровъ, а нижнимъ чинамъ объявилъ отъ службы спасибо и при этомъ добавилъ, что къ сожалѣнію ему приходится, по распоряженію начальства, покидать ихъ, не быть очевидцемъ при боевыхъ работахъ дружины на случай войны. Спустя нѣсколько дней генераль Цитовичъ былъ откомандированъ въ Александропольскій отрядъ, а вмѣсто него былъ назначенъ командиръ 2-й бригады 41 пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Денибековъ.

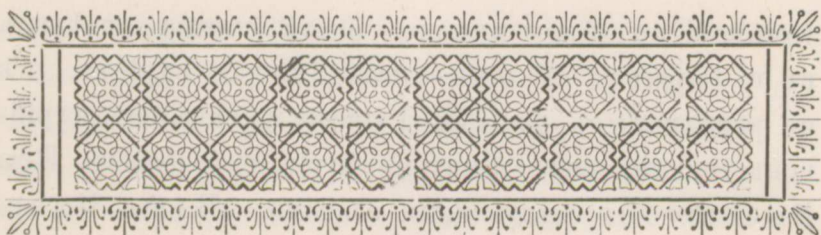
Въ началѣ апрѣля генераль Денибековъ произвелъ смотръ всему Гурійскому отряду, для чего всѣ войска Экодійскаго лагеря были выстроены на большомъ плацу за г. Озургетомъ. Генераль Денибековъ остался доволенъ смотромъ всего отряда, также особенное вниманіе было обращено на 1-ю Гурійскую дружину. Любовался представительностью и стройностью гурійцевъ. Обратился къ дружинѣ со слѣдующими словами: „Вы, Гурійцы, молодцы, надѣюсь, въ случаѣ придется драться съ турками, покажете себя героями“. Вслѣдъ за смотромъ генерала Денибекова стало извѣстно, что 5-го апрѣля изволить посѣтить войска Приріонскаго края Августѣйшій Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и дѣйствительно, къ этому времени Его Высочество изволилъ прибыть и объѣхать войска, расположенныя на позиціи

Экодю, въ томъ числѣ и Гурійскую дружину; остался довольнымъ лагернымъ расположеніемъ. Поблагодарилъ командира дружины и г.г. офицеровъ за успѣшную подготовку ихъ сотни къ боевому дѣлу и при этомъ изволилъ высказать: „Съ такими молодцами смѣло можно идти въ бой“ и съ нѣкоторыми молодыми Гурійцами черезъ переводчика изволилъ разговаривать; очень понравились и видъ и стройность. Въ этотъ же день Его Высочество изволилъ отъѣхать съ Экодійской позиціи въ г. Озургеты. На слѣдующій день Его Высочество изволилъ произвести смотръ войскамъ какъ Экодійскаго лагеря, такъ и расположеннымъ въ г. Озургетахъ, а именно: 1-му баталіону 161 пѣхотнаго Александропольскаго полка, Озургетскому мѣстному баталіону, 2-му Кавказскому стрѣлковому баталіону, 1-му пластунскому баталіону, 1-й пѣшей Гурійской дружинѣ и 1-й батарее 41 Артиллерійской бригады.

Войска были выстроены для встрѣчи Его Высочества въ одну линію баталіонныхъ колоннъ за городомъ, по лѣвой сторонѣ дороги въ Ногомари. Въ 9-ть часовъ утра начался объѣздъ. Его Высочество остался очень доволенъ видомъ и стройностью каждой части, въ особенности Его Высочеству понравилась Гурійская дружина; любовался красотою и стройностью каждого гурійца. Послѣ объѣзда по фронту войска были собраны для производства церемоніальнаго марша; войска проходили мимо Его Высочества церемоніальнымъ маршемъ по-ротню, также 1-я пѣшая Гурійская дружина, имѣя по 80 рядовъ въ сотнѣ. Его Высочество хвалилъ каждую сотню,

особенное вниманіе Его Высочества было обращено на командира 3-й сотни, идущаго передъ сотней въ гурійской формѣ, въ куртку изъ малиноваго бархата, украшеннаго оружіемъ, всего покрытаго сѣдиною. Его Высочеству до того понравился этотъ сотенный командиръ, что онъ пожелалъ справиться о немъ, для этого подозвалъ къ себѣ состоящаго при свитѣ Его Высочества флигель-адъютанта генераль-маіора князя Трубецкого и приказалъ справиться о чинѣ и фамиліи командира 3-й сотни Гурійской дружины, сколько лѣтъ отъ роду и что понудило его въ такихъ лѣтахъ поступить на службу. Во исполненіе приказанія Его Высочества, по окончаніи церемоніальнаго марша, въ то время, когда Его Высочество объѣзжалъ отдѣльно каждую часть, генераль-князь Трубецкой подошелъ къ командиру 3-й сотни и обратился къ нему со слѣдующими словами: „По приказанію Его Высочества рекомендую: я князь Трубецкой, состоящій при ихъ Высочествѣ. Его Высочеству желательно знать вашъ чинъ, фамилію, сколько лѣтъ отъ роду и что заставило такихъ лѣтъ поступить на службу?“ На вопросъ князя Трубецкого былъ отвѣтъ: „Прапорщикъ князь Гугунава, 45 лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу по случаю боя и затѣмъ, по окончаніи войны, если останусь живымъ, не буду служить“. По полученіи справки князь Трубецкой доложилъ Его Высочеству слово въ слово отвѣтъ прапорщика князя Гугунава и Его Высочество изволилъ выразиться: „Ай да молодець! Моихъ лѣтъ, а какимъ молодцомъ онъ передъ фрон-

томъ“. Его Высочество послѣ смотра отѣхать въ г. Озургеты въ домъ князя Дмитрія Гуріели, гдѣ въ разговорѣ съ княземъ Гуріели расхвалилъ гурійцевъ; на это князь Дмитрій Гуріели доложилъ Его Высочеству слѣдующими словами: „Ваше Императорское Высочество, Гурійскій народъ настолько преданъ Царю и Отечеству, что готовъ по первому призыву выставить не то что одну дружину, но 4 такихъ и положить голову за батюшку Царя и отечество. Народъ храбрый и воинственный и при томъ находится въ большой враждѣ съ пограничными жителями кобулетцами“. Дѣйствительно въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій съ Озургетскаго уѣзда были выставлены еще 3 дружины, тысячнаго состава каждая, съ соотвѣтствующими г.г. офицерами частью по милиціи, частью опять съ регулярныхъ частей по распоряженію Начальства.

Г л а в а III.

Приготовленіе 1-й пѣшей Гурійской дружины къ походу.—Выступленіе съ позиціи Экодю.—Объявленіе военныхъ дѣйствій съ Турціею, молебствіе, наступленіе дружины къ Чолокескому посту, ночлегъ на этомъ посту.—Переходъ 13 апрѣля за границу.—Бой дружины въ этотъ день. Вступленіе на Муха-Эстате, взятіе его и стоянка.—Бой 29 Апрѣля и взятіе Хуць-Убани.

Апрѣля 11-го по Гурійской дружинѣ разнесся слухъ, что войны не будетъ, а приказано въ каждую сотню принять по шести чарводарскихъ лошадей и 4 на дружинный штабъ, для перевозки тяжестей въ г. Озургеты. Съ вечера дѣйствительно приняли чарводарскихъ лошадей и дружина была готова къ выступленію обратно въ Озургеты, но рано утромъ въ 7 часовъ 12 апрѣля пріѣхалъ изъ Озургетъ командиръ дружины Гуріели (Яесе) съ помощникомъ маіоромъ Чхсидзе и казначеемъ поручикомъ Беридзе и немедленно приказалъ сотеннымъ командирамъ быть готовыми къ выступленію въ походъ, но куда именно, было неизвѣстно; для этой цѣли приказано было взять необходимыя вещи и сухари на выючныхъ лошадяхъ,

КОМАНДИРЪ 1-й ГУРІЙСКОЙ ДРУЖИНЫ
КНЯЗЬ ЯССЕ ГУРІЕЛИ.

$\frac{3}{4}$ ф. мяса и на три дня сухарей на себя и къ 8-ми часамъ быть готовыми къ выступленію; къ этому времени сотни вывести на переднюю линію передъ своими бараками. Въ 8 часовъ утра 12 апрѣля пріѣхалъ верхомъ командиръ дружины князя Гуріели, вывелъ дружину передъ серединою расположенія, выстроилъ въ дружинную колонну и поздравилъ съ походомъ. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра выступилъ въ походномъ порядкѣ по направленію стрѣльбищнаго плаца, гдѣ на самомъ плацу остановилъ дружину, сюда же стали прибывать всѣ войска Гурійскаго отряда. Войска въ ожиданіи пріѣзда командующаго войсками Приріонскаго края составили ружья, расположились на отдыхъ; наконецъ вдали показалась группа верховыхъ и какъ электрическая искра пронеслось по отряду о пріѣздѣ командующаго войсками. Въ 12 часовъ, 12 апрѣля изволилъ прибыть съ большою свитою и конвоемъ командующій войсками генераль-лейтенантъ Оклобжію. Войска были выстроены къ пріѣзду его превосходительства въ баталіонныхъ колоннахъ. Командующій войсками объѣхалъ всѣ войска, поздравилъ каждую отдѣльную часть съ войною съ Турцією, пожелалъ успѣха и счастливаго возвращенія на родину; затѣмъ совершенно было молебствіе священникомъ Гурійской дружины о. Романозомъ Дарчіевымъ; по окончаніи молебствія войска двинулись впередъ тремя колоннами. Гурійская дружина вошла въ составъ лѣвой колонны подъ начальствомъ генерала Денибекова. Задачею этой колонны было 13 апрѣля перейти границу и направиться на самую Хуць-Убани и взять

эту позицію, въ томъ предположеніи, что кобулетцы сопротивленія не окажутъ. Для этой цѣли Гурійская дружина подъ начальствомъ командира дружины князя Гуріели была съ мѣста направлена лѣвѣе остальныхъ частей лѣвой колонны. Къ вечеру 12 апрѣля дружина пришла къ Чолокскому посту и расположилась на ночлегъ, не переходя рѣчки Чолокъ, выставивъ въ сторожевую цѣпь 4-ю сотню, подъ моимъ начальствомъ и эта сотня по диспозиціи съ разсѣвомъ должна перейти черезъ рѣчку Чолокъ и первой вступить на турецкую границу. Въ 5-ть часовъ утра 1-я пѣшая Гурійская дружина, имѣя въ головномъ отрядѣ всю 4-ю сотню съ крикомъ „ура“ перешла рѣчку Чолокъ и заняла противоположный берегъ.

1) По переходѣ черезъ рѣчку Чолокъ къ 4-й сотнѣ присоединились 16 человѣкъ храбрыхъ, боевыхъ пограничныхъ съ кобулетцами жителей Лехаурцевъ, которые обратились съ просьбою ко мнѣ: принять ихъ въ качествѣ передовыхъ и проводниковъ непременно въ 4-ю сотню. Объ этомъ я доложилъ командиру дружины князю Гуріели и, получивъ разрѣшеніе, принялъ всѣхъ въ томъ числѣ мясного подрядчика, который промѣнявъ на это свою профессію, захотѣлъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Лехаурцы самые заядлые враги кобулетцевъ, отъ которыхъ, какъ отъ сосѣдей, приходилось имъ переносить много убытковъ и непріятностей. Лехаурцы эти много способствовали успѣшному дѣйствію цѣлой Гурійской дружины, какъ самые бѣвые и воинственные, при томъ прекрасно знакомые съ мѣстностью. Они же

предупредили князя Гуріели, чтобы онъ не вѣрилъ никому, что кобулетцы якобы встрѣтятъ русскихъ дружелюбно, напротивъ, ими было доложено командиру дружины о томъ, что кобулетцы готовятся встрѣтить русскихъ огнемъ и какъ только русскія войска перейдутъ рѣку Чолокъ—начнется бой. Предупрежденіе это оправдалось: кобулетцы оказали сильное сопротивление и вмѣсто того, чтобы 13 апрѣля по диспозиціи занять Хуць-Убани, весь отрядъ принужденъ былъ ограничиться занятіемъ позиціи на Муха-Эстате.

4-я сотня не останавливаясь продолжала движеніе пѣшью; не успѣла еще пройти нѣсколько шаговъ, какъ была встрѣчена огнемъ кобулетцевъ, вмѣсто того, чтобы быть встрѣченной дружелюбно, какъ и были предупреждены. По диспозиціи 4-я сотня должна все время безостановочно наступать, за 4-ю сотнею въ частномъ резервѣ 3-я сотня, 1-я и 2-я сотни въ общемъ резервѣ, гдѣ находился командиръ дружины. Согласно полученнаго приказанія 4-я сотня въ разсыпномъ строѣ, встрѣченная усиленнымъ огнемъ непріятеля, шагъ за шагомъ преслѣдовала Кобулетцевъ, выбивала изъ занятыхъ ими заваловъ и продолжала преслѣдовать ихъ до того пункта, далѣе котораго невозможно было наступать по случаю оказавшагося широкаго и глубокаго оврага. Не переходя оврага, 4-я сотня заняла оставленную кобулетцами позицію и отсюда продолжала поражать огнемъ непріятеля, занявшаго по ту сторону оврага укрѣпленную позицію, приведенную въ оборонительное положеніе. Для того, чтобы овладѣть противоположнымъ берегомъ предстояло сотнѣ совершить

большой обходъ и должна была отдѣлиться отъ остальныхъ сотенъ. Сотня остановилась въ ожиданіи подхода резерва, котораго въ чащѣ лѣса близко не оказалось. 4-я сотня безъ всякаго резерва, оставленная одна, должна была остановиться и необходимо было дать передохнуть чрезмѣрно утомленнымъ и несшимъ на своихъ плечахъ весь бой 13-го апрѣля нижнимъ чинамъ. И вотъ наконецъ невдалекѣ отъ 4-й сотни послышались учащенные выстрѣлы,—это были 1-я и 2-я сотни, которыя завязали бой съ кобуетцами еще лѣвѣе 4-й сотни. До 5-ти часовъ вечера велась съ обѣихъ сторонъ учащенная стрѣльба. Мѣстность, по которой пришлось наступать дружинѣ по переходѣ черезъ Чолокъ, въ высшей степени гористая, сильно пересѣченная, покрытая густымъ лѣсомъ, садами и усадьбами, такъ что наступленіе съ боемъ представляло большое затрудненіе. Сотни на этихъ мѣстахъ дѣйствовали каждая отдѣльно, почти оцѣпью, не зная гдѣ находится одна и другая сотня.

Помимо сопротивленія со стороны кобуетцевъ большимъ препятствіемъ къ движенію на Хуцъ-Убани оказала мѣстность гористая, покрытая густымъ лѣсомъ, по которому движеніе въ высшей степени затруднялось. Люди разсѣялись въ лѣсу, выходили изъ рукъ своихъ начальниковъ; дошли до того, что во время послѣдней остановки 4-й сотни у большого оврага изъ всей сотни въ 180 человекъ въ моемъ распоряженіи осталось не болѣе 25 человекъ милиціонеровъ, а изъ 4-хъ человекъ прикрытія, двое были ранены при мнѣ. Видя себя отдѣлившимся отъ всѣхъ прочихъ частей дружи-

ны и дабы привести свою сотню въ порядокъ, я оставилъ 25 человекъ на мѣстѣ подѣ командою старшаго урядника Шавишвили самъ же съ двумя милиціонерами сталъ обходить лѣсъ; въ это самое время слышу крикъ и стонъ, они были слышны за оврагомъ по направленію расположенія кобулетцевъ. Одинъ изъ находящихся при мнѣ милиціонеровъ попросилъ остановиться и не трогаться впередъ, самъ же съ присущей гурійцамъ ловкостью быстро направился къ оврагу и, не пройдя шаговъ 20, увидѣлъ лежавшаго раненнымъ вахмистра 4-й сотни, въ высшей степени браваго и представительнаго красавца Джомлета Бажунашвили и при немъ 3 хъ милиціонеровъ. Вахмистръ этотъ за неимѣніемъ офицера командовалъ полусотнею, двигался впередъ и выбивалъ изъ занятыхъ заваловъ, кобулетцевъ; у него также вся полусотня разбрелась такъ, что при немъ остались въ это время всего три милиціонера, которыхъ кобулетцы не замѣтили, а были убѣждены, что раненый гуріецъ валется и бросались было, по своему обыкновенію, отрѣзать голову; но тутъ выскочили три гурійца; одинъ изъ нихъ, Аробелидзе, взялъ на прицѣлъ и однимъ выстрѣломъ своимъ уложилъ кобулетца на мѣстѣ. Въ это время подоспѣли мы и сильно раненаго вахмистра Бажунашвили я приказалъ на тутъ же устроенныхъ носилкахъ отнести на перевязочный пунктъ.

Благодаря такому затруднительному движенію и чрезмѣрности мѣстныхъ препятствій, въ добавокъ при усиленномъ огнѣ непріятеля, да еще вслѣдствіе наступающей темноты, въ этотъ день Хуць-Убани не былъ занятъ.

Въ 5-ть часовъ прискакалъ адъютантъ отъ начальника лѣвой колонны генерала Денибекова съ приказаніемъ дружинѣ держаться вправо, на соединеніе со всей лѣвой колонной, спуститься къ рѣчкѣ Легвы и расположить дружину на отдыхъ. Съ 5-ти часовъ утра дружина безъ отдыха, не ѣвши цѣлый день работала и выбивала непріятеля съ одной позиціи на другую. Въ 6-ть часовъ дружина согласно приказанія спустилась къ рѣчкѣ Легвы и остановилась на полянкѣ; здѣсь провѣренъ былъ результатъ боя 13 апрѣля, оказалось убитыми и ранеными 35 человекъ и большая часть приплась на долю 4 сотни и за цѣлый день выпущено было 36,000 патроновъ. У рѣчки Легвы дружинѣ данъ былъ обѣдъ, затѣмъ отдохнувши два часа, въ 7 часовъ продолжала движеніе впередъ, но не на Хуць-Убани, а на Муха-Эстате и въ 9-ть часовъ безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля вступила на Муха-Эстате. Въ виду скверной дороги и пересѣченной лѣсистой мѣстности, дружина утомленная, наконецъ, пришла на Муха-Эстате къ 9-ти часамъ ночи и расположилась на ночлегъ, выставивъ отъ себя впередъ въ сторожевую цѣнь 1-ю сотню. На другой день 14 Апрѣля въ 4 часа къ сторонѣ сторожевого расположенія 1-й сотни началась стрѣльба со стороны непріятеля, затѣмъ отрядъ по тревогѣ сталъ въ боевой готовности. Командиръ дружины ротмистръ князь Гуріели приказалъ мнѣ съ ввѣренной мнѣ 4-й сотней немедленно идти на защиту 1-й сотни, на которую наступали кобулетцы. По прибытіи 4 сотни кобулетцы, совмѣстно съ 1-й сотней, были отброшены и преслѣдуемы за

рѣчку Ачкуасъ-тави, муха-эстатская позиція окончательно была очищена отъ непріятеля благодаря 1-й пѣшей Гурійской дружинѣ, въ особенности 4-й сотни, которая оказалась героемъ дней 13, 14 апрѣля. Съ 15-го по 28-е апрѣля Кобулетскій отрядъ не двигаясь впередъ занимался устройствомъ муха-эстатской позиціи, приведеніемъ въ оборонительное положеніе и постройкою разныхъ видовъ укрѣпленій; дружина все это время несла сторожевую службу, занималась рекогносцировкой къ сторонѣ деревни Гвары, Ачкуасъ-тави, Аламборо и Хуцъ-Убани и при этомъ еще принимала лазутчиковъ перебѣжчиковъ со стороны кобулетцевъ, которыми доставлялись сколько возможно свѣдѣнія о непріятелѣ, лично ротмистру князю Гуріели, а тотъ въ свою очередь доводилъ до начальника штаба Кобулетскаго отряда полковника Казбека.

Въ дни 13 и 14 апрѣля всѣ чины лѣвой колонны отдавали дань беззавѣтному мужеству 1-й пѣшей Гурійской дружины, которая въ эти дни, какъ наша легкая пѣхота и какъ знакомая болѣе или менѣе съ мѣстностью, была все время впереди и при этомъ 4-я сотня въ передовомъ отрядѣ, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть боя. (Воспоминаніе очевидца-офицера исторіи Кобулетскаго отряда, капитана Колюбакина, нынѣ профессора Академіи).

Съ 28 по 29 апрѣля дружинѣ, какъ утомленной предшествующими боями, данъ былъ отдыхъ и только на долю 4-й сотни подъ моимъ начальствомъ пришлось въ эту ночь нести сторожевую службу. Въ виду сильно пересѣченной и лѣсной мѣстности стороже-

вая служба должна быть соблюдаема въ высшей степени строго, съ большою бдительностью. Кобулетцы, пользуясь такою мѣстностью, очень часто беспокоили русскій отрядъ, они безнаказанно подходили почти вплотную къ нашей цѣпи, открывали стрѣльбу и вотъ въ часъ ночи съ 28 на 29 апрѣля кобулетцы напали скрытно на лѣвофланговый постъ ввѣренной мнѣ сотни и чуть было не сняли постъ, но къ счастью въ это время подходилъ патруль въ числѣ 4-хъ человекъ подъ командою урядника и тутъ совместно съ постомъ открыли по подошедшимъ кобулетцамъ стрѣльбу и заставили ихъ отступитъ. Что дѣлалось въ это время въ остальныхъ частяхъ войскъ Кобулетскаго отряда дружины не было извѣстно, между тѣмъ съ 4-хъ часовъ утра 29 апрѣля къ сторонѣ Ачкуасъ-тави слышны были частые несмолкаемые выстрѣлы, оказалось, что русскія войска двумя колоннами: лѣвая—подъ общимъ начальствомъ генерала Денибекова, состоявшая изъ 164 Закатальскаго полка, 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1-го пластунскаго баталіона, роты саперовъ, сотни конно-иррегулярнаго полка, 6-ти орудій горной батарей, должна была наступитъ на правый флангъ непріятельской передовой позиціи и овладѣть ею и слѣдовать далѣе для занятія Хуцъ-Убани. Правая колонна подъ общимъ начальствомъ генерала Шелеметьева, въ составъ которой вошли: 2-й стрѣлковый баталіонъ, части Ленкоранскаго полка и Кутанесскаго конно-иррегулярнаго полка и 4 орудія 19 артиллерійской бригады, должна была наступать на лѣвый флангъ непріятельской позиціи, притянуть на себя

часть его силъ и, по исполненіи этой операціи, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Лѣвая колонна дошла до Ачкуасъ-тави и остановилась, не переходя ея вслѣдствіе мѣстныхъ препятствій, не трогалась съ мѣста и терпѣла большой уронъ, такъ что перебита была часть прислуги горной батареи; въ такомъ положеніи колонна генерала Денибекова находилась довольно продолжительное время и не имѣя дальнѣйшаго пути наступленія. Генераль донесъ командующему войсками о своемъ положеніи и ожидалъ дальнѣйшаго распоряженія; между тѣмъ кобулетцы, занимая завалы противоположнаго берега, безнаказанно разстрѣливали войска лѣвой колонны. Хотя съ нашей стороны и дѣйствовали 32 полевыхъ орудія противъ непріятеля, занимавшаго высоты за рѣкою Ачкуасъ-тави, но все-таки не могли заставить ихъ бросить свои позиціи. Командующій войсками генераль Оклобжіо, находясь на артиллерійской позиціи, откуда наблюдалъ за ходомъ дѣла, видя противъ центра непріятельской позиціи удобное пространство для наступленія и при этомъ замѣтилъ, что удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, какъ будто непріятель сдѣлался значительно слабѣе, то онъ вмѣсто того, что бы согласно донесенія командующаго лѣвой колонной приказалъ бы отступить, вспомнилъ, какъ герои дня 13 и 14 апрѣля, 4-ю сотню 1-й пѣшей Гурійской дружины и потребовалъ къ себѣ подъ своимъ начальствомъ эту сотню. Въ 8-мъ часовъ утра на стоянку дружины прискакалъ казакъ съ запискою отъ командира дружины ротмистра князя Гуріели съ приказані-

емъ ко мнѣ: „собрать всю 4-ю сотню и при двухъ офицерахъ немедленно прибыть на артиллерійскую позицію“. 4-я сотня, только что смѣнившись со сторожевой службы и не успѣла отдохнуть, утомленная отъ ночной службы, во исполненіе приказанія мною была собрана, въ 180 человекъ нижнихъ чиновъ, при двухъ офицерахъ, прапорщиковъ Капаладзе и Карцевадзе и въ продолженіи получаса сотня, сопровождаемая казакомъ, была приведена къ артиллерійской позиціи, гдѣ находились самъ командующій войсками генераль Оклобжіо, его начальникъ штаба полковникъ Краевичъ, начальникъ штаба кобулетскаго отряда полковникъ Казбекъ, нынѣ въ отставкѣ генераль отъ инфантеріи, начальникъ артиллеріи полковникъ Филимоновъ и его адъютантъ штабсъ-капитанъ Колюбакинъ (нынѣ генераль-маіоръ Профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба).

На лицахъ людей 4-й сотни несмотря на утомленіе, выражалась полная радость къ вызову въ бой, и наоборотъ зависть къ 4-й сотнѣ прочихъ сотенъ дружины, выражавшаяся даже въ неудовольствіи на своихъ начальниковъ, высказываемомъ вслухъ: „почему все время 4-ю сотню водятъ въ бой, а о насъ совершенно позабыли“.

Сейчасъ же по приводѣ 4-й сотни на артиллерійскую позицію, я явился своему командиру дружины, который доложилъ командующему войсками генералу Оклобжіо; командующій войсками лично обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „князь Макаевъ, я вызвалъ вашу сотню, какъ героя дня 13 - 14 апрѣля,

и приказываю съ сотнею своею взять вотъ ту высоту (указывая рукою), что противъ насъ, для чего вы безъ выстрѣла должны атаковать и во что бы ни было выбить изъ заваловъ непріятеля, иначе не возвращаться живыми. Имѣйте въ виду, что непріятель удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи значительно ослабленъ и вамъ не предстоитъ большого труда“. Затѣмъ изволилъ подойти къ сотнѣ, поздоровался и при этомъ сказалъ: „молодцы Гурійцы, я васъ посылаю взять центральную передовую позицію и какъ все время вы вели себя молодцами и героями и теперь покажите себя такими же молодцами“. При этомъ приказалъ мнѣ: „какъ только возьмете позицію, выставьте флагъ и подожгите вотъ тотъ домъ, что на самой позиціи и донесите въ какую сторону отступилъ непріятель, отброшенный вами“. Все вышесказанное приказаніе отдавалось мнѣ, какъ командиру 4 сотни, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, въ свитѣ состоящихъ г.г. офицеровъ. Я, получивъ приказаніе, сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе въ сотнѣ, касающееся наступленія и атаки непріятельской позиціи и затѣмъ, чтобы менѣе терпѣть отъ непріятельскаго огня, всю сотню разсыпалъ на мѣстѣ и приказалъ въ такомъ строѣ наступать, при этомъ слѣдить, если я самъ буду наступать бѣгомъ, то и всѣмъ за мною бѣгомъ, гдѣ я остановлюсь, тамъ и всѣмъ остановиться и примѣниться къ мѣстности, но ни въ какомъ случаѣ не оставать другъ отъ друга, все время бѣгомъ или шагомъ наступать предъ собою въ разсыпномъ же строѣ. Затѣмъ двинулъ сотню сначала шагомъ и когда прошелъ черезъ цѣпь стрѣлковъ

Ленкоранскаго полка, сталъ наступать бѣгомъ; пробѣжавъ полъ пути до непріятельской позиціи, остановился и положилъ сотню, дабы дать передохнуть; во время первой перебѣжки были ранены 10 человекъ, это въ продолженіи 15-ти минутъ; на томъ же мѣстѣ, гдѣ сотня по моему приказанію легла, несмотря на то, что непріятель все болѣе учащалъ свой огонь. вслѣдствіе пониженія мѣстности выстрѣлы непріятеля не причиняли никакого ущерба. пули перелетали черезъ головы стрѣлковъ гурійцевъ. Это былъ такой моментъ, что гурійцы находились между двухъ огней: сзади стрѣльба съ нашей артиллеріи, а спереди—непріятельской. Все время съ начала наступленія 4-й сотни, до самой атаки, всѣ взоры начальствующихъ лицъ были обращены на сотню Гурійской дружины. Послѣ отдыха сотня снова была поднята и съ крикомъ „ура“ пробѣжавъ вторую часть поляны, бросилась въ рѣчку Ачкуасъ-тави, которая въ это время разлилась до того, что глубина доходила въ полъ роста человека. Гурійцы быстро, подъ усиленнымъ огнемъ непріятеля, пробѣжали всю поляну, бросились въ рѣчку Ачкуасъ-тави и поддерживаемые стрѣльбою нашей артиллеріи, атаковали позицію, отбросили непріятеля, который, не выдержавъ натиска молодцевъ гурійцевъ, уступилъ позицію и бѣжалъ назадъ, провожаемый огнемъ гурійцевъ; въ это время былъ раненъ прапорщикъ Капанадзе. Согласно даннаго мнѣ приказанія мною былъ поднятъ флагъ, а сами нижніе чины схватили меня и стали подбрасывать вверхъ; но въ это время командиръ 2-хъ ротъ Севастопольскаго полка майоръ Боро-

ковскій откуда то явился на занятую мною позицію, обнялъ меня и сталъ поздравлять съ успѣхомъ. Какъ было приказано поджегъ тотъ самый домъ, который былъ приведенъ въ оборонительное положеніе и гдѣ у непріятеля былъ складъ патроновъ и мертвыя тѣла, которыхъ не успѣли еще взять. На занятой позиціи сотня отдыхала съ часъ; спустя это время я получилъ записку отъ Командира дружины, слѣдующаго содержания: „Прапорщикъ князь Макаевъ, продолжайте движеніе впередъ и займите самую Хуць-Убани и тамъ выберите самое лучшее мѣсто для дружины и мнѣ домикъ“. Во исполненіе полученной мною записки я собралъ всю сотню и продолжалъ движеніе впередъ по тропинкѣ, какъ единственной дорогѣ; до самой Хуць-Убани отъ передовой позиціи было еще 3 версты, пространство въ высшей степени пересѣченное оврагами, горами, покрытыми садами, лѣсомъ и домами жителей сел. Аламбары и Гвари, такъ что весьма затруднительно и опасно было одной сотнѣ продолжать наступленіе, не имѣя сзади никакой поддержки. Гурійцы, наступая далѣе до самой Хуць-Убани, предавали огню дома жителей, вѣковыхъ враговъ своихъ кобулетцевъ. Турки, преслѣдуемые Гурійскою сотней, бѣжали куда попало по всей линіи и оставили въ рукахъ гурійцевъ самую Хуць-Убани. Недоходя 1-й версты до самой Хуць-Убани съ Голаго Кургана сотня была встрѣчена нѣсколькими залпами кобулетцевъ. Гурійцы съ крикомъ „ура“ атаковали этотъ курганъ и заняли его и огнемъ продолжали провожать бѣжавшихъ къ сторонѣ рѣчки Кинтриши кобулетцевъ; это вторая укрѣпленная

позиція, взята гурійцями подь моимъ начальствомъ. По овладѣніи Голымъ Курганомъ 4-ю сотнею, я приказалъ остановиться и привести Курганъ въ оборонительное положеніе. Въ это время младшій офицеръ прапорщикъ Карцевадзе докладываетъ: „Ваше сіятельство, сотня ушла отъ главныхъ силъ очень далеко, около 4-хъ верстъ и одна единственная, не имѣетъ сзади никакой поддержки, можетъ на такой пересѣченной мѣстности попасть въ руки непріятеля, совѣтую оставить занятіе Кургана и отойти назадъ“. На предложеніе прапорщика Карцевадзе я не согласился, наоборотъ приказалъ занять позицію, разсыпать всю сотню и примѣниться къ мѣстности на случай встрѣчи непріятеля; въ такомъ положеніи 4-я сотня 1-й пѣшей Гурійской дружины находилась почти часъ: за это время нѣкоторые милиціонеры продолжали наступать впередъ и по дорогѣ шнырять по всѣмъ домикамъ жителей кобулетцевъ, нѣкоторые прошли и самую позицію Хуць-Убани, которую нужно было взять и на ней утвердиться и доходили до рѣки Кинтришъ. После часового ожиданія подхода главныхъ силъ, наконецъ вдали отъ насъ показалась какая то движущаяся по дорогѣ группа людей, сначала по направленію на нашъ правый флангъ, затѣмъ обогнувъ дорогу движущаяся часть сдѣлала направленіе обратно противъ нашего лѣваго фланга и эта группа людей, благодаря разнымъ перекрестнымъ дорогамъ и пересѣченной мѣстности и овраговъ нѣсколько разъ перемѣняла направленіе, наконецъ видно было, какъ цѣпь двигалась противъ насъ съ цѣлью открыть по насъ огонь, приз-

навѣ насъ за кобулетцевъ, такъ какъ одѣяніе гурійцевъ во всемъ тождественно съ кобулетцами. Когда я убѣдился, что движущаяся часть — главные силы подѣ начальствомъ генерала Денибекова, приказалъ играть горнисту разные сигналы. Если бы генераль Денибековъ не былъ предупрежденъ командиромъ Пластунскаго баталіона полковникомъ Козелковымъ о томъ, что впереди 4-я сотня Гурійской дружины, онъ приказалъ бы открыть стрѣльбу противъ насъ. Для того, чтобы окончательно убѣдить генерала Денибекова въ безопасности, я распорядился выслать навстрѣчу урядника и сигналиста. Урядникъ явился къ генералу Денибекову и доложилъ: „4-я сотня заняла Голый Курганъ и командиръ сотни ждетъ подхода главныхъ силъ, хотя нѣкоторые милиціонеры уже на Хуць-Убани“. Генераль Денибековъ, убѣдившись, что гурійцы впереди и дальнѣйшее движеніе безопасно, рядами въ порядкѣ продолжалъ движеніе, имѣя впереди только что прибывшій изъ Озургеты и поступившій въ составъ войскъ Кобулетскаго отряда, совершенно свѣжій 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ съ 1-ю ротой во главѣ, и идущаго передъ ротой представительнаго ротнаго командира капитана Горскаго. Гурійцы, видя подходящія части, кричали: „опоздали, уже Хуць-Убани заняты нами, нѣкоторые милиціонеры даже дошли до самой рѣчки Кинтришъ“. Со стороны вновь прибывшихъ частей слышались отвѣты: „Ничего, возьмемъ свое“—и пройдя сквозь цѣпь гурійцевъ открыли по неимѣющемуся передъ собою непріятелю огонь, совершенно въ пустое пространство. Когда же подѣ

ѣхалъ начальникъ лѣвой колонны генераль Денибековъ, я подошелъ съ рапортомъ, при чемъ доложилъ, что Хуць-Убани взять 4-й сотней Гурійской дружины и часть гурійцевъ преслѣдуя кобулетцевъ находится у самой рѣчки Кинтришъ; Генераль Денибековъ на мой докладъ отвѣтилъ мнѣ такъ: „Вы, прапорщикъ князь Макаевъ, черезчуръ увлеклись, надо было дожидаться главныхъ силъ и вмѣстѣ взять Хуць-Убани, прошу собрать всю вашу сотню на этомъ мѣстѣ, я же поставлю войска на позиціи и возвращусь къ вамъ“. Какъ было приказано, такъ я и исполнилъ: собралъ всю сотню, привелъ въ извѣстность и, какъ мнѣ помнится, противъ первоначальной численности не оказалось 27 человекъ милиціонеровъ и одного офицера, которые какъ раненые были отнесены на перевязочную станцію Муха-Эстате; патроновъ было выпущено очень мало, такъ какъ завалы гурійцы брали безъ выстрѣловъ; какъ и было мною передано, расходовано было только при самомъ преслѣдованіи кобулетцевъ. При преслѣдованіи былъ такой случай, урядникъ Шарашанидзе, раненый въ лѣвую руку, одной рукой держалъ ружье, преслѣдуя бѣжавшаго непріятели и разстрѣливалъ ихъ на ходу. Гурійцы до того воодушевились послѣдствіемъ своего успѣха, что невозможно было удержать ихъ и нѣкоторые изъ нихъ намѣревались уже переправиться по ту сторону рѣчки Кинтришъ, несмотря на то, что съ самаго прихода на бивакъ послѣ сторожевой службы съ 8-ми часовъ утра 29-го апрѣля до 5-ти часовъ оставались неѣвшими. Въ ожиданіи прибытія генерала Денибекова сотня къ 5-ти часамъ пополудни

29 апрѣля была собрана и выстроена въ развернутомъ флангѣ у Голого Кургана. Генераль Денибековъ, окончивъ разстановку на Хуць-Убанской позиціи войскъ Кобулетскаго отряда, возвратился съ 1-мъ баталіономъ Ленкоранскаго полка къ 4-й сотнѣ. Поздоровавшись, онъ обратился со слѣдующими словами: „молодцы, 4-я сотня, вы изъ всѣхъ частей Кобулетскаго отряда были героями дней 13 и 14 апрѣля, а теперь въ особенности показали себя и вамъ приписываю успѣхъ сегодняшняго дня, я васъ поведу по всему Кобулетскому отряду, который будетъ встрѣчать, какъ виновниковъ взятія Хуць-Убани, снимите башлыки, повѣсьте на штыки и такъ, имѣя своего Командира впереди, идите за мною“. Генераль Денибековъ желая оказать 4-й сотнѣ 1-й пѣшей Гурійской дружины почестъ по случаю отличія, дѣйствительно повелъ по всему отряду и приказывалъ кричать гурійцамъ „ура“; пришлось также проходить мимо 1-го Кавказскаго Его Высочества стрѣлковаго баталіона, который, по приказанію своего командира полковника князя Барятинскаго, вышелъ на переднюю линію и съ крикомъ „ура“ привѣтствовалъ гурійцевъ, командиръ же князь Барятинскій поздравивъ гурійцевъ съ побѣдою подошелъ ко мнѣ расцѣловалъ, также поздравилъ съ побѣдою. Въ такомъ порядкѣ сотня къ 7-ми часамъ вечера пришла на стоянку Муха-Эстате, гдѣ была встрѣчена командиромъ дружины ротмистромъ княземъ Гуріели. Я подошелъ съ рапортомъ, князь Гуріели обнялъ меня, расцѣловалъ и при этомъ высказался: „Вы, князь, своимъ молодецкимъ дѣйствіемъ подняли всю Гурію на

такую высоту, что навѣки васъ будетъ помнить Гурійскій народъ. Въ доказательство, вотъ посмотрите, старики и молодые гурійцы, отцы и братья пришли благодарить и поздравить васъ съ благополучнымъ успѣхомъ“. Въ Озургетахъ распустили слухъ, что командиръ 4 сотни повелъ сотню гурійцевъ на убой противъ кобулетцевъ и что все перебиты и мало кто остался въ живыхъ и вотъ, желая взять хоть раненыхъ своихъ дѣтей, явились на Муха-Эстате и когда къ ихъ удивленію и большой радости увидѣли живыми и здоровыми изъявляли благодарность за сохраненіе жизни дѣтей и братьевъ своихъ.

Хотя въ день 29 апрѣля въ Хуць-Убанскомъ дѣлѣ не принимали участіе прочія сотни 1-й пѣшей Гурійской дружины, но все время несли усиленную службу, производили рекогносцировки къ сторонѣ непріятеля, такъ что все время вся дружина работала безъ отдыха съ 14 апрѣля по день взятія Хуць-Убани, а затѣмъ послѣ нѣсколькихъ дней неимоверныхъ трудностей 1-я пѣшая Гурійская дружина была переведена на передовую, вновь занятую, позицію; лѣвѣе Хуць-Убани, заняла у деревни Контиди, не доходя деревни Верхнихъ Кобулетъ, позицію, откуда продолжала все время тревожить турокъ и заниматься рекогносцировками и приѣмомъ лазутчиковъ и перебѣжчиковъ съ непріятельской стороны.

Что дѣйствительно 29 апрѣля 1877 года исключительно 4-й сотнею 1-й пѣшей Гурійской дружины взята штурмомъ приведенная разными искусственными преградами въ оборонительное положеніе центральная

передовая позиція и самый Хуць-Убани, можетъ служить подлинное выраженіе въ военномъ сборникѣ за 1883 годъ, гдѣ сказано: „съ появленіемъ 4-й сотни 1-й пѣшей Гурійской дружины подъ командою прапорщика князя Макаева (Ивана) только и была взята Хуць-Убанская позиція и дѣло Кобулетскаго отряда рѣшено“. Дѣйствія 4-й сотни по овладѣнію Хуць-Убанскими высотами также были помѣщены и въ другихъ исторіяхъ, даже въ иностранныхъ, но извиняюсь, что по давности не имѣю возможности вспомнить.

Доказательствомъ дѣйствительности моего настоящаго описанія можетъ служить удостоеніе меня наградами за 13, 14 и 29 апрѣля въ одинъ день, въ одномъ Высочайшемъ приказѣ отъ 9-го сентября 1877 года, двумя орденами за отличіе въ чинѣ прапорщика Анною 4 ст. съ надписью „за храбрость“ и Св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ. За это же дѣло награжденъ отъ Румынскаго короля одинъ я изъ всего могучаго Русскаго войска „Орденомъ Румынской звѣзды Командорскаго Креста“ 31 мая 1907 года съ Высочайшаго разрѣшенія, для ношенія на шеѣ.

Смѣло и безъ всякаго риска могу доложить я читателямъ, что въ дѣлѣ овладѣнія Хуць-Убанской позиціей ни одной другой части не было, если двѣ роты Севастопольскаго полка подъ начальствомъ стараго кавказца маіора Бороковскаго и явились влѣво отъ 4 сотни, то дѣйствительно изъ всѣхъ частей Кобулетскаго отряда сзади и вслѣдъ за мною были двинуты эти двѣ роты, которыя явились на позицію спустя пол-

часа, только тогда, когда дѣло было закончено и когда молодцы гурійцы меня подбрасывали, въ чемъ принималъ участіе самъ маіоръ Бороковскій. Въ память взятія мною центральной позиціи на уцѣлѣвшемъ большомъ деревѣ выбить былъ крестъ и надпись: „позиція князя Макаева Ивана“. Затѣмъ маіоръ Бороковскій съ передовой позиціи не двигался впередъ, а остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ первый разъ встрѣтилъ меня; что касается прочихъ частей, то два часа спустя появились уже съ окончаніемъ всей задачи 29 апрѣля 4-й сотней 1-й пѣшей Гурійской дружины; а въ особенности въ дѣлѣ 29 апрѣля никакого участія не принималъ 4-й стрѣлковый баталіонъ. Баталіонъ этотъ форсированнымъ маршемъ прибылъ на Муха-Эстате, а оттуда былъ двинутъ впередъ, якобы на помощь, и въ 5 часовъ пополудни явился и подошелъ къ 4-й сотнѣ, т. е. только тогда, когда часть сотни уже распорядилась имуществомъ кобулетцевъ не только на Хуць-Убани, но даже за рѣкою Кинтришъ.

На одномъ изъ пиршествъ г.г. офицеровъ Кобулетскаго отряда, будучи въ веселомъ, настроеніи генераль Денибековъ, обращаясь къ офицерамъ, высказался такъ: „г.г., мы имѣемъ честь и удовольствіе пировать въ настоящее время на курганѣ моего имени, но долгомъ считаю и справедливымъ доложить вамъ, что курганъ этотъ долженъ былъ бы быть названъ Макаевскимъ курганомъ, ибо онъ единственный виновникъ настоящаго пиршества нашего на такомъ красивомъ и при томъ святомъ курганѣ. Поднимаемъ бокалы и выпьемъ за здоровье князя Макаева и за его

молодецкую сотню, какъ героевъ дней 13-го, 14-го и 29 го апрѣля. Ура!“

Въ дѣлѣ 13 апрѣля въ числѣ раненныхъ и убитыхъ 35 человекъ хорошо врезались мнѣ въ память: раненный вахмистръ 4 сотни Жомлетъ Бажунашвили, убиты старшій урядникъ 1 сотни красавецъ изъ всей дружины Челидзе, милиціонеръ 4 сотни Урушадзе, 15 лѣтній юноша, которому при первомъ же выстрѣлѣ пуля попала въ сердце и уложила на мѣстѣ, ранены также два милиціонера, находившіеся при мнѣ въ качествѣ прикрытія; одного изъ нихъ фамиліи не помню, а другой бывший мѣстный подрядчикъ Лехаурецъ.

Г л а в а IV.

Стоянка на позиціи Хуць-Убани; бой у сел. Зенита, Ачкуасъ-тави
Чохотскихъ высотъ.

Ройска Кобулетскаго отряда на вновь занятой Хуць-Убанской позиціи стали устраиваться при веденіемъ въ оборонительное положеніе, начиная съ самага Денибековского кургана до долины Кинтрипи, такъ что самый правый флангъ позиціи оканчивался не доходя три версты до Кобулеты (Чурукъ-су), имѣя на правомъ флангѣ баталіоны отъ Ленкоранскаго и Закатальскаго полковъ. Правая оконечность позиціи заканчивалась редутомъ № 7 у Чанеты и Ниж. Гвары. Лѣвый флангъ позиціи до высоты Кондиты, гдѣ и была расположена 1-я пѣшая Гурійская дружина. На вновь занятой позиціи высоты Кондиты главнѣйшею задачею для дружины, помимо бдительнаго несенія сторожевой службы, было—добывать самыя точныя свѣдѣнія о численности и расположеніи турецкаго войска, даже у самой Цихидзирской позиціи начальникъ штаба Кобулетскаго отряда, полковникъ Каз-

бекъ, зная, что командиръ Гурійской дружины ротмистръ кн. Гуріели ведетъ знакомство и даже въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ жителей сел. Верхніе Кобулеты, которые еще на стоянкѣ дружины Муха-Эстате, являлись секретно къ кн. Гуріели и приносили правильныя свѣдѣнія, приказалъ ему путемъ денежныхъ вознагражденій привлечь на свою сторону всѣхъ жителей уже взятыхъ деревень Кондиты, Аламбары и Верх. Кобулеты. Дѣйствительно, ротмистръ кн. Гуріели еще до объявленія войны въ мирное время большею частью, имѣя пребываніе въ этихъ деревняхъ въ качествѣ гостя, расположилъ къ себѣ уваженіе и любовь жителей названныхъ выше деревень; а въ особенности въ дружбѣ находился съ однимъ изъ вліятельныхъ кобулетцевъ, имѣющимъ свой домъ и богатое хозяйство въ Верх. Кобулетахъ— Куршумомъ Ага-Чконія, который командовалъ кавалерійской сотней въ войскѣ Али-Паши Тавдгеридзе

Этотъ самый кобулетецъ, со вступленіемъ русскихъ въ Муха-Эстате, черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ, сподвижниковъ кобулетцевъ, передавалъ точныя свѣдѣнія. Со взятіемъ же Хуць-Убани и выше-сказанныхъ деревень кобулетецъ Куршумъ-Ага-Чконія, убѣдившись въ томъ, что турки не могутъ оказать русскимъ никакого сопротивленія дальнѣйшему наступленію, рѣшилъ, опять же по совѣту ротмистра кн. Гуріели, измѣнить со своими односельчанами Али-Пашѣ и перейти къ русскимъ: при этомъ далъ обязательство князю Гуріели посочинствовать овладѣнію всею правою стороною рѣки Кинтриши, какъ-то

дер. Ачкуасъ-тави, Зенити и Чохотскими высотами, гдѣ пріютилась вся семья турокъ подѣ защитою молодого начальника отряда башибузуковъ Мурадъ-Бека, а также лѣвою стороною рѣки Кинтриши, включительно до Самебскихъ высотъ, для чего за нѣсколько дней предполагаемаго дальнѣйшаго наступленія онъ, Куршумъ-Ага-Чконія, черезъ лазутчиковъ дастъ знать: какія мѣры должны быть приняты къ овладѣнію обѣими сторонами р. Кинтриши и, что наканунѣ наступленія онъ пришлетъ 4-хъ проводниковъ, которые передадутъ самый порядокъ наступленія и эти же проводники будутъ сопутствовать самому движенію, взятію безпрепятственно, безъ выстрѣла, Самебскихъ высотъ и взятію въ плѣнъ съ отрядомъ Мурадъ-Бека, который расположился у позиціи Талахи, близъ Чохотскихъ высотъ и ведетъ весьма слабо сторожевую службу. Ротмистръ кн. Гуріели, получивъ подобное предложеніе отъ такого человѣка, которому оказывалъ полное довѣріе и при томъ, зная хорошо, что Куршумъ-Ага-Чконія не можетъ оставаться въ рядахъ турецкаго войска и нѣтъ ему другого исхода, какъ перейти со своими односельчанами на сторону русскихъ, съ большою увѣренностью лично сообщилъ полковнику Казбеку о всѣхъ предложеніяхъ кобулетцевъ, при этомъ высказалъ, что наканунѣ наступленія въ 11 часовъ ночи, проводники должны явиться, въ случаѣ по условію не явиться къ назначенному времени, то онъ, кн. Гуріели, будетъ считаться измѣнникомъ и тогда какъ будетъ угодно, такъ и поступить съ нимъ. Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ, получивъ

КОМАНДИРЪ ГРУЗИНСКОЙ ДРУЖИНЫ
КНЯЗЬ И. С. ЧАВЧАВАДЗЕ.

14 мая отъ кн. Гуріели предложеніе кобулетца Куршума, рѣшилъ 16-го мая предпринять наступленіе, о чемъ кн. Гуріели предупредилъ Куршума и просилъ, чтобы къ 11 часамъ ночи 16 мая непременно прислать обѣщанныхъ 4-хъ человѣкъ проводниковъ.

По диспозиціи войска Кобулетскаго отряда должны были 16 мая съ 3-хъ часовъ утра начать наступленіе двумя колоннами: правая колонна полковника Козелкова, 1-я и 2-я сотни 1-й пѣшей Гурійской дружины, подъ командой маіора Чхеидзе, 1-й пѣшій пластунскій баталіонъ, 3-й баталіонъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, 2 рота 4-го баталіона Севастопольскаго полка, рота саперъ и 4 орудія 6-й батареи 41 артиллерійской бригады (горная), всего 7 ротъ, 6 пѣшихъ сотенъ и 4 горныхъ орудія. Лѣвая колонна маіора кн. Меликова, 4-й Кавказскій стрѣловый баталіонъ, 1-я рота 4-го баталіона Ленкоранскаго полка, 3 и 4 сотни 1-й пѣшей Гурійской дружины подъ командою поручика Беридзе и два орудія 6-й батареи 41 артиллерійской бригады, всего: 5 ротъ, 2 сотни и 2 горныхъ орудія. Резервъ полковника Войно-Оранскаго 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ Ленкоранскаго полка, 1-я батарея 19, 1-я и 3—41 артиллерійскихъ бригадъ, всего 2 баталіона 23 орудія

Командиру дружины предписано было на этотъ разъ состоять при начальникѣ штаба Кобулетскаго отряда, я же по овладѣніи Хуць-Убанью, по желанію командира дружины, принялъ должность дружиннаго адъютанта, 4-ю сотню сдать подпоручику кн. Микеладзе (Парсаданъ), по болѣзни поручика кн. Мике-

ладде (Дариспана), командующимъ 1-ою сотнею былъ назначенъ поручикъ Глonti, такъ что составъ командованія немного измѣнился. 15-го мая къ 11 часамъ ночи, какъ было сообщено кобулетцемъ Чконія, командиръ дружины князь Гуріели съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія 4-хъ проводниковъ. Къ назначенному времени на радость кн. Гуріели дѣйствительно явились 4 проводника и доложили кн. Гуріели: Куршумъ-Ага-Чконія отошелъ отъ войска Османъ-паши Тавдгиридзе и въ настоящее время одинъ находится по ту сторону р. Кинтриши, въ кукурузникахъ, въ двухъ верстахъ отъ самой рѣки и приказалъ передать вашему сіятельству, чтобы, на случай наступленія, часть русскихъ войскъ направить черезъ р. Кинтришъ и двигаться впередъ безостановочно, прямо на самыя Самбескія высоты, гдѣ турки не окажутъ никакого сопротивления и безъ выстрѣла занять Самебу: часть же направить, съ соблюденіемъ строжайшей тишины, по правой сторонѣ р. Кинтриши черезъ дер. Верхніе Кобулеты и когда голова отряда подойдетъ къ мечети (мусульманская церковь) остановиться и ни въ какомъ случаѣ не двигаться впередъ и ожидать его прихода, по приходѣ самъ поведетъ какъ можно скрытнѣе и застанетъ рано утромъ Мурадъ-Бека спящимъ съ его отрядомъ и тогда невозможно будетъ удерживаться Османъ-пашѣ. Тавдгиридзе со своими башибузуками, долженъ будетъ сдаться или же отступитъ къ Цихисдзири на соединеніе съ головнымъ отрядомъ Дервишъ-паши. Главнымъ условіемъ ставить Куршумъ Чконія, чтобы ни въ какомъ случаѣ не произвести ни единого

выстрѣла и все время двигаться съ соблюденіемъ самой строгой тишины, иначе Мурадъ-Бекъ очнется со своимъ отрядомъ и станетъ въ оборонительное положеніе на мѣстности, по природѣ труднодоступной и тогда придется русскимъ съ большимъ трудомъ съ боемъ овладѣть позиціею, занимаемую Мурадъ-Бекъ подъ названіемъ Талаха (Чохотскія высоты); не овладѣвши этой труднодоступной позиціей, невозможно будетъ овладѣть и Цихисдзирскими укрѣпленіями. Талахъ (Чохотскія высоты) представляетъ самую высшую возвышенность, имѣющую доступъ только со стороны Озургетъ по одной тропинкѣ, по которой могутъ проходить не болѣе, какъ по одному человѣку пѣшкомъ, затѣмъ онъ приведетъ въ оборонительное положеніе разными искусственными преградами, настолько важна эта позиція, что за этой горой ютится вся семья всѣхъ деревень, какъ лѣвой, такъ и правой сторонъ р. Кинтриши, помимо того, имѣя за собою эту неприступную позицію 8000 башибузуковъ, подъ начальствомъ Османа-паши Тавдгеридзе окажутъ много препятствій дальнѣйшему наступленію впередъ. При движеніи русскихъ впередъ сзади ихъ будутъ эти войска Османа-паши, которыя не дадутъ покою русскимъ, будутъ напасть на обозъ и транспорты, ѣдущіе изъ г. Озургеты съ разными съѣстными припасами; для обезпеченія ихъ придется довольно значительную часть Кобулетскаго отряда выдѣлить для сопровожденія транспортовъ и прочихъ оказій, вообще для прикрытія и на болѣе видныхъ постахъ придется держать небольшіе отдѣльные отряды и этимъ

ослабить силу Кобулетскаго отряда. Ротмистръ князь Гуріели, получивъ подобное свѣдѣніе отъ Куршума Чконія которому оказывалъ полное довѣріе, въ 12 часовъ ночи лично доложилъ начальнику штаба полковнику Казбеку все свѣдѣнія кобулетца и вмѣстѣ съ нимъ остался при начальникѣ штаба.

Цѣль наступленія на Самебу была—занять весь лѣвый берегъ р. Кинтриши и этимъ оторвать всѣхъ жителей этой мѣстности отъ Цихисдзири и чѣмъ облегчится наступленіе на Цихисдзири и овладѣніе всей Цихисдзирской укрѣпленной позиціей.

Обѣ колонны въ 2 часа утра 16 мая начали движеніе впередъ. Правая колонна, собравшись близъ бивака Гурійской дружины на дорогѣ, идущей къ р. Кинтриши и къ 3-мъ часамъ утра подошла къ рѣкѣ и переправилась черезъ нее, заняла противоположныя высоты, идущія къ Цихисдзири, безъ выстрѣла; къ 5-ти часамъ утра 16 мая правой колонной безпрепятственно были заняты Самбескія высоты и на этой высотѣ сооружены оборонительныя укрѣпленія.

Лѣвая колонна, также собравшись къ 3-мъ часамъ утра на мѣстѣ бивака Гурійской дружины, двинулась вверхъ по теченію и вдоль правой стороны р. Кинтриши, дойдя до мечети, обѣ сотни Гурійской дружины остановились, согласно даннаго приказанія. Куда въ это же время направились прочія части я, какъ дружинный адъютантъ, находясь при двухъ сотняхъ, не могъ видѣть, вслѣдствіи пересѣченной мѣстности, чащи лѣса и садовъ. У мечети дружину ожидало приказаніе для дальнѣйшаго движенія впередъ и

тамъ же въ это время находился походный штабъ Кобулетскаго отряда съ начальникомъ штаба полковникомъ Казбекомъ, гдѣ находился и командиръ дружины и куда приказано было доносить. У самой мечети ожидали результата самаго дѣла и перехода мирныхъ кобулетцевъ, какъ и было сообщено кобулетцевъ Куршумомъ Агою Чконія. Не успѣвъ еще Куршумъ Чконія со своими сельчанами перейти къ русскимъ, какъ гдѣ то въ лѣвой колоннѣ раздался ружейный выстрѣлъ и велѣлъ за ружейнымъ выстрѣломъ и орудійный къ сторонѣ позиціи, занимаемой Мурадъ-Беккомъ. Кобулетецъ Куршумъ Ага Чконія, услышавъ выстрѣлъ, пришелъ въ отчаяніе, началъ браниться, что русскіе не дождались его перехода, ему измѣнили; благодаря всему этому Мурадъ-Бекъ станетъ въ полной боевой готовности, займетъ позицію и начнется бой и задуманная задача захвата врасплохъ будетъ не исполнима, что не будетъ имѣть успѣха въ овладѣніи Цихисдзири. Положеніе кобулетца Чконія было весьма печальное: вернуться къ Османъ-пашѣ было уже невозможнымъ, ибо онъ былъ бы казненъ Османъ-пашею, поневолѣ противъ желанія долженъ былъ перейти къ русскимъ съ частью мирныхъ односельчанъ своихъ; для этого одинъ изъ 4-хъ проводниковъ обратился къ кн. Гуріели съ просьбою дать ему 10 человекъ гурійцевъ подъ командою офицера, съ которыми долженъ перейти на ту сторону р. Кинтриши и изъ кукурузника взять Куршума Чконія, а къ вечеру и остальныхъ его сельчанъ. Командиръ дружины князь Гуріели, съ разрѣшенія начальника штаба, согласил-

дать проводнику просимое число милиціонеровъ при офицерѣ, для чего приказалъ мнѣ вызвать охотниковъ милиціонеровъ 10 человекъ и одного офицера; по моему предложенію всѣ милиціонеры въ одинъ голосъ вызвались быть охотниками, но по предложенію моему молодымъ офицерамъ, ни кого не оказалось. Я доложилъ объ этомъ командиру дружины, тогда онъ приказалъ мнѣ идти съ этими 10 милиціонерами съ большею осторожностью, потому что та сторона, по которой должна была слѣдовать команда охотниковъ еще не была занята русскими, по всему пространству шныряли башибузуки, возможно было быть ими захваченными, между тѣмъ какъ проводникъ ни въ какомъ случаѣ не соглашался итти безъ офицера, я тогда взялъ проводника и 10 человекъ милиціонеровъ, по перекинутому одному бревну перешли на ту сторону, съ соблюденіемъ большой осторожности, прошли двѣ версты совершенно по открытому пространству и въ полчаса дошли до указаннаго проводникомъ кукурузника, гдѣ поджавши ноги въ большой задумчивости сидѣлъ кобулетецъ—Куршумъ Ага Чконія. Увидѣлъ, насъ онъ со слезами на глазахъ обратился ко мнѣ: „Что сдѣлали мнѣ, зачѣмъ измѣнили, зная, что со мною поступать такъ безмилосердно, ни за что не измѣнилъ бы Али-пашѣ, теперь мнѣ нечего дѣлать больше, какъ итти за вами, берите меня и ведите къ князю Яссе Гуріели“. Я приказалъ части охотникамъ идти впередъ въ разсыпную въ видѣ патрулей, а часть съ кобулетцемъ Чконія вернулась обратно къ мечети къ штабу и доставилъ къ 10 часамъ

Куршума къ начальнику штаба и командиру дружины; прововнику же, находящемуся при насъ, Куршумъ Чконія приказаль идти къ пріютившимся мирнымъ туркамъ и взять ихъ и къ 3-мъ часамъ привести къ князю Гуріели, при подходѣ же ихъ для принятія, махнуть бѣлымъ платкомъ. Куршумъ Ага Чконія какъ только увидѣлъ кн. Гуріели, сталъ выражать свое неудовольствіе и при этомъ началъ браниться, говоря, что ему измѣнили и не дали возможности захватить Мурадъ-Бека врасплохъ, не дали ему возможности предоставить русскимъ взять его въ плѣнъ. „Теперь дѣлайте какъ хотите,—сказаль Куршумъ—Мурадъ-Бекъ на готовѣ встрѣтить васъ и вамъ предстоитъ большого труда побить его, мѣсто его очень не хорошее и трудно будетъ взять, положите много людей“.

Дѣйствительно, какъ было сказано кобулетцемъ, такъ и вышло. Предупрежденный орудіейнымъ выстрѣломъ съ лѣвой колонны къ сторонѣ дер. Зенити, Мурадъ-Бекъ заняль позиціи, заранѣе приведенную въ оборонительное положеніе и въ полной готовности ожидалъ встрѣтить русскихъ.

Начальникъ лѣвой колонны маіоръ кн. Меликовъ, для занятія дер. Зенити, двинулъ свою колонну впередъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди и на правомъ флангѣ 3-ю сотню Гурійской дружины подъ командою прапорщика кн. Гугунава и на лѣвомъ флангѣ по одной высотѣ 1-я и 2-я роты стрѣлковъ; 4-ю сотню Гурійской дружины въ частномъ резервѣ за 3-й сотней, а 4-ю роту стрѣлковъ въ общемъ резервѣ. Въ такомъ порядкѣ прошли нѣкоторое разстояніе; по все-

му лѣсистому кургану замелькали ружейные дымки, чѣмъ кн. Меликовъ опредѣлилъ расположеніе непріятеля и сообразно этому подалъ сигналъ къ наступленію. Стрѣлки и гурійцы перебѣгали отъ одного закрытія къ другому съ цѣлю охватить лѣвый флангъ непріятельской позиціи. Цѣпь продолжала движеніе впередъ и не дойдя до позиціи непріятельской 600 шаговъ была остановлена. Мѣстность, по которой пришлось наступать, вся пересѣченная, лѣсистая, при томъ еще сильно покрыта бурьяномъ, что служило препятствіемъ наступающимъ взбираться на вершину сильной позиціи, при томъ еще при сильномъ дождѣ, который начался во время самого наступленія. Несмотря на труднодоступную позицію, майоръ кн. Меликовъ рѣшилъ атаковать позицію, занятую кобулетцами, на которой лазы и кобулетцы держались упорно; для этого скрытно въ обходъ съ правого фланга были направлены 1-я и 2-я роты стрѣлковъ, которые атаковали правый флангъ непріятеля; въ то же время 3-я и 4-я сотни бравыхъ гурійцевъ князя Микеладзе и кн. Гугунава, поддержанныя огнемъ 2 роты стрѣлковъ, бросились на „ура“ противъ лѣваго фланга непріятеля, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ высотъ Зенити и заняли Зенити и этимъ предупредили прорывъ кобулетцевъ на лѣвый берегъ р. Кинтриши и такимъ образомъ желаніе кобулетцевъ съ тыла атаковать войска правой колонны полковника Козелкова не осуществилось и кобулетцы и лазы, охваченные сотнями Гурійской дружины и ротами стрѣлковъ съ обѣихъ фланговъ, не выдержали молодецкаго

и дружнаго удара гурійцевъ и стрѣлковъ, очистили хребетъ Зенити, но мѣстности весьма трудно-доступную позицію. Много помогла овладѣнію столь важной позиціи умѣлость и ловкость гурійцевъ по хорошо знакомой мѣстности, при томъ еще имѣя рядомъ и сзади роты стрѣлковъ; одушевленные ихъ присутствіемъ, смѣло и безостановочно подвигались впередъ, такъ что никакое препятствіе ихъ не могло остановить; благодаря всему этому, первая позиція была занята съ успѣхомъ гурійцами и стрѣлками, оставалось занять вторую, болѣе сильную, позицію на которой кобулетцы и лазы рѣшили держаться упорно, до послѣдней крайности; помимо того, что мѣстность представлялась недоступной, не могла дѣйствовать съ нашей стороны артиллерія, которую за неимѣніемъ колесной дороги, невозможно было передвинуть впередъ, а съ первоначальной позиціи снаряды изъ горныхъ орудій не достигали до непріятеля.

Въ 11 часовъ утра затихла съ обѣихъ сторонъ стрѣлба. Продолжавшійся и усилившійся дождь очень много препятствовалъ дальнѣйшему движенію, при этомъ еще сильный туманъ покрывалъ всю мѣстность, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Гурійцы, не отличая своихъ отъ кобулетцевъ, въ виду того, что и одѣяніе совершенно сходно и въ темнотѣ не могли разобратъ кто изъ нихъ гуріецъ, а кто кобулетецъ, вплотную подходили другъ къ другу и очень близко сходились; благодаря этому былъ такой случай: гуріецъ съ кобулетцемъ, стали вести разговоры на грузинскомъ языкѣ; кобулетцы хотя маго-

метане, но нѣкоторые находятся въ близкомъ родствѣ съ гурійцами, бываетъ такъ, что дядя магометанинъ, а племянникъ гуріецъ православный и при томъ кобулетцы не говорятъ инымъ языкомъ, какъ грузинскимъ съ кобулетцемъ акцентомъ. Во время разговора одинъ изъ кобулетцевъ замѣтилъ, что сосѣдь его ведетъ разговоръ съ гурійцемъ и съ обнаженнымъ кинжалъ бросился на гурійца, но только подскочилъ впередъ, вмѣсто удара кинжаломъ по головѣ, кинжалъ кобулетца проскочилъ впередъ и ударъ былъ нанесенъ только рукояткой; въ это время другой гуріецъ штыковымъ ударомъ въ животъ уложилъ кобулетца на мѣстѣ и этимъ спасъ своего товарища (разсказъ самихъ участниковъ рукопашной схватки). Въ то же время набросились нѣсколько человѣкъ гурійцевъ, отогнали горсть кобулетцевъ, а убитого кобулетца съ ружьемъ и кинжаломъ принесли командиру 4 сотни подпоручику кн. Микеладзе (Парсадану). Въ 12 часовъ непріятель получилъ свѣжее подкрѣпленіе и пытался атакою отбросить съ занятой молодцами стрѣлками и гурійцами позицію, но маіоръ князь Меликовъ повелъ на подкрѣпленіе 1-ю роту капитана Полковникова; благодаря этой ротѣ, стрѣлки и гурійцы овладѣли другой позиціей и къ 3-мъ часамъ были заняты обѣ позиціи Зенити; послѣ этого стрѣльба затихла съ обѣихъ сторонъ. Гурійцы, съ 3-хъ часовъ утра до 4-хъ часовъ пополудни не ѣвши, находились подъ огнемъ непріятеля и, одушевленные успѣхомъ, по своему обыкновенію, веселились на занятой позиціи, устраивая разныя игры, танцы и пѣсни; къ этому времени погода проявилась.

Въ 3 часа по полудни я находился при начальникѣ штаба Кобулетскаго отряда и командирѣ дружины, гдѣ ожидали перехода жителей мирныхъ турокъ. Спустя нѣкоторое время, какъ было сказано кобулетцемъ Куршумомъ, вдали за рѣкою Кинтриши показался бѣлый флагъ и группа людей. По этому усмотрѣли, что группа людей тѣ самые мирные турки, которые изъявляютъ покорность русскимъ и по этому знаку надлежало принять ихъ. Командиръ дружины приказалъ поѣхать и принять ихъ, какъ 5-ю сотню Гурійской дружины; по исполненіе приказанія я, на своемъ быстромъ карабахѣ, поскакалъ на встрѣчу къ мирнымъ туркамъ, переправился по деревянному мосту на ту сторону и принялъ ихъ, въ числѣ 150 человекъ подъ предводительствомъ друга Куршума Чконія — Ширина Аги (фамиліи не припомню). Всѣхъ ихъ, съ оружіемъ иѣшимъ строемъ, привелъ и сдалъ начальнику штаба полковнику Казбеку. Жители покоренныхъ деревень изъявили полную покорность русскимъ, положили ружья, въ большинствѣ оказавшіеся системы Пиподи и магазинные 16 зарядные, были и собственные кременные: кинжалы же были оставлены при нихъ. Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ принялъ ихъ и роздалъ имъ по серебряной монетѣ, а Ширину Агѣ золотую 10 рублевую и немедленно за исключеніемъ 4-хъ человекъ, въ томъ числѣ за старшаго Ширинъ-Ага, пятый же былъ самъ Куршумъ Ага Чконія, всѣ были отправлены въ сел. Банлеты въ помѣстіе князя Ясее Гуріели, всѣмъ имъ было назначено въ мѣсяцъ по 5 руб. содержаніе и одинъ паекъ;

4 же проводника и 5-й Чконія все время военных дѣйствій служили проводниками во время наступленія и на случай возможности добиться свѣдѣнїя о не-пріятелѣ.

Дабы дать отдыхъ передовымъ частямъ, находившимся въ боевой линіи, по распоряженію начальника лѣвой колонны маіора кн. Меликова, въ 4 часа пополудни 2-й баталіонъ Ленкоранскаго полка и 3-я рота стрѣлковъ смѣнили 1-ю, 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ и 2 сотни Гурійской дружины; стрѣлки расположились въ резервѣ, а гурійцы, утомленные неимоверными трудностями, отошли на отдыхъ на первоначальную стоянку въ сел. Кидиты. На этой позиціи 1-я Гурійская дружина находилась до 20-го мая. Въ 11 часовъ 20-го мая черезъ того же кобулетца Куршума Чконія командиръ дружины кн. Гуріели былъ извѣщенъ, что турки, желая наказать чѣмъ нибудь перешедшихъ на сторону русскихъ кобулетцевъ, собираются напасть на семьи ихъ и, забравъ въ плѣнъ, отправить въ Батумъ и поэтому кобулетцы просятъ выручить ихъ семьи. Кн. Гуріели получивъ подобное извѣстіе, приказалъ мнѣ немедленно поѣхать къ начальнику штаба полковнику Казбеку и просить его разрѣшенія одной Гурійской дружинѣ выступить на выручку семействъ перешедшихъ кобулетцевъ. Получивъ приказаніе я, не медля ни одной минуты, поѣхалъ въ штабъ Кобулетскаго отряда и доложилъ начальнику штаба полковнику Казбеку какъ было приказано. Полковникъ Казбекъ приказалъ мнѣ поѣхать къ Начальнику лѣвой колонны полковнику Гурчину и просить отъ его

имени о командированіи Гурійской дружины на вырочку семей мирныхъ турокъ.

Согласно даннаго мнѣ приказанія въ 4 часа пополудни 20 мая я пріѣхалъ къ полковнику Гурчину и доложилъ слѣдующее: „Господинъ полковникъ, сей-часъ получены точныя свѣдѣнія, что турки намѣреваются забрать все семьи мирныхъ кобулетцевъ, перешедшихъ на нашу сторону и увезти ихъ въ г. Батумъ, просимъ вашего разрѣшенія отправить на вырочку ихъ всю 1-ю Гурійскую дружину, а если уже забраны — нагнать и отбить“. Полковникъ Гурчинъ изъяснилъ свое согласіе, но по своему обыкновенію, сталъ со мною разговаривать, такъ что задержалъ меня почти на часъ, между тѣмъ, какъ каждая минута была дорога; я просилъ его отпустить, но онъ все-таки продолжалъ со мною разговаривать и при этомъ шумѣть. И такъ благодаря нашимъ бозполезнымъ бесѣдамъ, только черезъ два часа сумѣлъ привезти разрѣшеніе о немедленномъ выступленіи дружины для выполненія предпринятой цѣли въ исполненіе. Въ 6 ть часовъ вечера на легкахъ дружины форсированнымъ маршемъ двинулись къ сторонѣ, указанной проводникомъ безпрепятственно еще за свѣтло дошли то дого мѣста гдѣ предполагалось принять всю семью подъ свою защиту, но было уже поздно; семейство мирныхъ кобулетцевъ были уже уведены, нагнать не было возможности, ибо за часъ они могли быть около Цихидзири, въ раіонѣ расположенія турецкаго войска; дружина къ вечеру, къ 10 часамъ, возвратилась обратно, не выполнивъ предпринятой ими задачи.

21 мая приступлено было къ дальнѣйшему наступленію. Всѣ войска лѣвой колонны, въ томъ числѣ и вся 1-я Гурійская дружина, подъ начальствомъ полковника Гурчина, выступила изъ своихъ мѣстъ, занимаемыхъ 20-го мая, имѣя какъ и всегда во главѣ колонны, авангардъ, 1-ю пѣшую Гурійскую дружины. Въ боевомъ порядкѣ дружина была выдвинута на правый флангъ всего расположенія лѣвой колонны. Въ началѣ самаго наступленія самый ожесточенный огонь былъ направленъ противъ сотенъ Гурійской дружины и стрѣлковъ, которые бросились молодецки впередъ и, поддерживаемые Ленкоранцами, атаковали высоты. Непріятель былъ сбитъ гурійцами и стрѣлками 4 го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона и позиція, благодаря гурійцамъ и стрѣлкамъ, осталась за нами; это была вторая позиція занятая гурійцами и стрѣлками. На слѣдующій день 22 мая предполагалось направить противъ сел. Ачкуасъ-тави три колонны; первая подъ начальствомъ полковника Гурчина; въ составъ этой колонны вошла и 1-я пѣшая Гурійская дружина, которая дѣйствовала со стороны сел. Зениты, вторая — подъ начальствомъ командира 1-й пѣшей Грузинской дружины полковника князя Чавчавадзе. Обѣ эти колонны подошли къ самымъ Чохотскимъ высотамъ (Талахи), но взять эти высоты не удалось, въ виду совершенной неприступности, не имѣнія путей къ наступленію, такъ какъ наши колонны отдѣлялись отъ позиціей Османа-паши широкимъ, отвѣснымъ и глубокимъ оврагомъ и приходилось дѣйствовать только изъ орудій горныхъ артиллеріи, но по дальности разстоя-

нія артиллерія не имѣла никакого успѣха. Все что только возможно, этими двумя колоннами было сдѣлано,—взяты были всѣ позиціи до самыхъ Чохотскихъ горъ. Для овладѣнія этими высотами была направлена съ Какутскаго поста третья колонна, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Корганова. Колоннѣ этой пришлось двигаться по весьма пересѣченной дорогѣ крутыми обрывами, при томъ еще по совершенно незнакомой мѣстности. Имѣя впереди цѣпь стрѣлковъ, двухъ сотенъ молодецкой Грузинской дружины, которые, какъ разъяренные львы и какъ весьма легкая пѣхота и при томъ устойчивая, съ быстротою молніи безостановочно наступали по тропѣ, служившей единственнымъ путемъ наступленія. Не смотря на большія потери, на глазахъ двухъ колоннъ полковника Гурчина и полковника кн. Чавчавадзе, эти двѣ сотни съ крикомъ „ура“ заняли Чохотскія высоты, но не поддержанные своими резервами, по приказанію начальника своего капитана 1-го ранга Корганова, должны были оставить эту, съ большимъ трудомъ и черезмѣрно большею потерею славныхъ бойцовъ сотенъ Грузинской дружины, взятую позицію. Если эти храбрыя сотни Грузинской дружины были бы поддержаны резервами и идущими по слѣдамъ остальными частями колонны капитана 1-го ранга Корганова, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти послѣднія малодоступныя позиціи остались бы за нами. Овладѣнію славными сотнями Грузинской дружины Чохотскими высотами много содѣйствовала колонна командира этой же дружины кн. Чавчавадзе. Командиръ дружины кн. Чав

чавадзе, видя такое молодецкое наступленіе со стороны Зениты своихъ сотенъ, энергично, гуськомъ, имѣя только одну тропу, и видя какъ на его глазахъ милиціонеры черезъ два человѣка третій падаютъ мертвыми, приказалъ подвезти, насколько возможно ближе, и открыть стрѣльбу по высотамъ изъ орудій и этимъ облегчить наступленіе сотенъ Гурійской дружины. Положеніе этой колонны было такое, что окончательно должна была бы попасть въ руки Османа-паши, но опять благодаря весьма спокойному и распорядительному князю Чавчавадзе колонна была спасена, но за то позиція осталась за Османомъ-пашею, конечно, благодаря самого начальника колонны капитана 1-го ранга Корганова.

Въ ночь съ 21-го на 22-е войска обѣихъ колоннъ возвратились обратно; 1-я пѣшая Гурійская дружина была оставлена въ самомъ сел. Зениты съ 1-мъ баталіономъ Александропольскаго полка подъ начальствомъ флигель-адъютанта майора Теріева (Заала). Дружина занималась по очереди съ баталіономъ несеніемъ сторожевой службы противъ башибузуковъ Османа-паши и доставленіемъ, по своему обыкновению, всевозможныхъ свѣдѣній о неприятелѣ. На этой позиціи дружина оставалась до 10-го іюня, т. е. до самого наступленія на Цихидзири. Въ это время всѣ прочія войска Кобулетскаго отряда устранивались на Самебскихъ высотахъ и готовились къ дальнѣйшему наступленію.

Глава V.

Бой 11-го и 12-го Юня.—Атака Цихисдзирскихъ укрѣплений.—Отступленіе Кобулетскаго отряда.—Наступленіе турокъ.

Прежде чѣмъ начать описаніе атаки Цихисдзирскихъ укрѣплений, я долженъ ознакомить со всею мѣстностью, по которой пришлось наступать Кобулетскому отряду, а также съ позиціями какъ русскихъ, такъ и турокъ.

Вся мѣстность, по которой, согласно диспозиціи, пришлось наступать Кобулетскому отряду, представляетъ изъ себя въ высшей степени гористую, покрытую густымъ лѣсомъ, оврагами, безъ дороги; движеніе возможно было только лишь по нѣсколькимъ тропинкамъ, не болѣе какъ въ два человѣка; повсюду встрѣчаются глубокіе и широкіе обрывы, которые особенно служили большимъ препятствіемъ къ наступленію. Движеніе, по такимъ мѣстностямъ, возможно съ большимъ трудомъ только одной пѣхотѣ—гуськомъ. Движеніе же кавалеріи и артиллеріи положительно не представляло никакой возможности; только на правомъ

нашемъ флангѣ мѣстами могла дѣйствовать кавалерія, но и тутъ съ большою осторожностью, такъ какъ мѣстность здѣсь болотистая, покрытая лѣсомъ. Благодаря невозможности движенія, наша артиллерія могла дѣйствовать только съ занимаемой первоначально позиціи, на шестиверстномъ разстояніи. Вся позиція, занимаемая русскими и турками, передъ самымъ наступленіемъ по точному топографическому измѣренію, была около 4-хъ верстъ по фронту. Позиція русскихъ, начиная съ праваго фланга, самая крайняя „Столовая батарея“, и остальные позиціи тянулись до самыхъ Самебскихъ высотъ. Правѣ Столовой батареи мѣстность хотя и представляла нѣкоторую равнину, но мѣстами лѣсистая и болотистая, при томъ еще на восьмиверстномъ разстояніи—море, съ котораго съ успѣхомъ могли дѣйствовать турецкіе броненосцы, такъ что немыслимо было занимать позицію, а также самое движеніе. Такимъ образомъ, наступленіе съ фронта противъ самой Цихидзири положительно было невозможно. Также невозможно было совершать наступленіе въ обходъ на правый флангъ непріятельской позиціи, ибо путь вышелъ бы слишкомъ длинный, для чего пришлось бы употребить нѣсколько дней и наконецъ дойти до самыхъ Аджарскихъ горъ. Тогда отряду, посланному въ обходъ, пришлось бы слишкомъ отдѣлиться отъ главныхъ силъ и этимъ ослабить Кобулетскій отрядъ, который и безъ того, съ выдѣленіемъ отъ себя разныхъ мелкихъ отрядовъ для сопровожденія транспортовъ, охраны въ тылу у себя и прочихъ надобностей, былъ слабъ.

Оборонительная позиція турокъ начиналась у самого моря: небольшая крѣпостца Цихидзири, лѣвая сторона которой упирается въ самое море, могла вмѣстить гарнизонъ всего не болѣе одного баталіона и 4 орудія; крѣпостца эта защищалась собственной батареей и съ моря. По первому орудійному выстрѣлу съ крѣпости, моментально, откуда то появлялись нѣсколько броненосцевъ и открывали стрѣльбу по русскимъ позиціямъ, хотя безъ успѣха. Правѣ Цихидзирской батареи—батарея „Дегвинская“, затѣмъ „Желтая“, „Квирике“, „батарея подъ Дубомъ“ и наконецъ „Горная“, расположенная на самой высокой возвышенности, подъ названіемъ Алипашинской. Всѣ эти батареи значительно командуютъ надъ русскими батареями. Пѣхота турецкая занимала позицію впереди батарей въ заблаговременно устроенныхъ крытыхъ траншеяхъ, въ нѣсколько линій террасами, такъ что стрѣльба, производимая въ одно время со всѣхъ траншей, не причиняла вреда переднимъ. Впереди пѣхотныхъ траншей, на разстояніи одной версты, снятъ лѣсъ и изъ деревьевъ устроены засѣки, а мѣстами волчьи ямы. Словомъ, вся турецкая позиція приведена была въ оборонительное положеніе искусственными преградами, несмотря на то, что сама позиція по природѣ была малодоступна.

Перешедшій на сторону русскихъ кобулетецъ Куршумъ Ага Чконія, хорошо зная всю занимаемую турками позицію, все время предупреждалъ князя Гуріели какова турецкая позиція, а также порядокъ расположенія турокъ на этихъ позиціяхъ, какъ артиллеріи, такъ и пѣхоты. Въ моемъ присутствіи онъ отговари-

валъ командира дружины не наступать съ фронта, ибо никоимъ образомъ невозможно будетъ взять и только бесполезно будутъ большія потери въ людяхъ; при этомъ говорилъ: „не было еще примѣра, чтобы атакою съ фронта цихисдзирекія укрѣпленія были бы взяты“; и высказался такъ: если ему довѣрятъ, то онъ, зная хорошо всю мѣстность, беретъ на себя отвѣтственность, также какъ при взятіи Самебскихъ высотъ если предоставлять ему возможность, съ самыми ничтожными потерями, овладѣть и Цихисдзирекскими укрѣпленіями и самой Цихисдзири. Для чего онъ, Куршумъ, просилъ дать ему одинъ баталіонъ русской пѣхоты, 1-ю пѣшую Гурійскую и 1-ю пѣшую Грузинскую дружины и два орудія, съ этими войсками онъ, совершенно незамѣченнымъ, подойдетъ съ фланга къ Горной турецкой батарее всего на разстояніи 200 сажень, откроетъ стрѣльбу изъ двухъ горныхъ орудій съ фланга, собьетъ эту турецкую горную батарею, а потомъ начнетъ громить всѣ остальные турецкія батареи во флангъ. Благодаря такому неожиданному для турокъ обходу и появленію русскихъ, они смѣшаются, по своему обыкновенію, и тогда, по первому предупрежденію, цѣлому Кобулетскому отряду надо начать безостановочно атаку съ фронта. Турки ошеломленные подобнымъ неожиданнымъ дѣйствіемъ, должны будутъ оставить свои позиціи. На предложеніе кобулетца самъ ротмистръ князь Гуріели не согласился, не желая взять на себя такую серьезную отвѣтственность. Въ особенности противъ всѣхъ обходовъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ, относясь съ пренебреженіемъ къ непріятелю

и вполне увѣренный въ томъ, что овладѣть турецкими укрѣпленіями атакою съ фронта. За его самонадѣянность дана была ему самая серьезная и важная задача: первому штурмовать центральныя турецкія укрѣпленія, съ овладѣніемъ которыхъ не могли удержаться остальные укрѣпленія и въ томъ числѣ и самыя Цихидзирскія, находящіяся у самого моря.

Кобулетецъ Куршумъ Чконія, видя, что его предложеніе не принято русскими, отошелъ отъ князя Гуріели, чтобы по крайней мѣрѣ не быть свидѣтелемъ неудачнаго штурма русскихъ, отправился въ помѣстіе князя Гуріели, куда еще раньше были высланы всѣ турки, изъявившіе намъ покорность.

Наканунѣ наступленія и штурма Цихидзирскихъ укрѣпленій, 10-го іюня былъ военный совѣтъ, гдѣ рѣшено было наступать съ фронта двумя колоннами. Правая—подъ начальствомъ генерала Шелеметьева и лѣвая—подъ начальствомъ полковника Гурчина, подъ общимъ начальствомъ генерала Денибекова. Изъ колонны полковника Гурчина былъ выдѣленъ особый отрядъ, лѣвѣе лѣвой колонны, подъ начальствомъ командира 1-й пѣшей Грузинской дружины маіора, нынѣ генераль-маіора, князя Чавчавадзе, въ составъ котораго вошли 1-я Гурійская и 1-я Грузинская дружины и баталіонъ Закатальскаго пѣхотнаго полка. Задачею этой колонны было—штурмъ Горной Алипашинской батареи, самой правофланговой, расположенной на самой возвышенности.

Наканунѣ самого дня наступленія, въ 5 часовъ вечера, 10 іюня, начальникъ отряда, занимавшаго по-

зицію у сел. Зенити, флигель-адъютантъ маіоръ Теріевъ, кавалеръ трехъ знаковъ отличія Военныхъ Орденовъ и кавалеръ ордена Св. Георгія 4 ст., согласно полученнаго приказанія, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ въ 5 часовъ утра выступилъ съ позиціи Зенити, къ 6-ти часамъ подошелъ къ рѣкѣ Кинтриши; по переходѣ черезъ рѣку немедленно выдѣлилъ 1-ю Гурійскую дружину, какъ было приказано, а самъ съ баталіономъ присоединился къ колоннѣ полковника Козелкова. Гурійская же дружина вошла въ составъ колонны маіора князя Чавчавадзе; въ ожиданіи дальнѣйшаго приказанія расположилась у Самебскихъ высотъ, гдѣ находился начальникъ Кобулетскаго отряда генераль Денибековъ со своимъ штабомъ.

Согласно диспозиціи, для подготовки штурма пѣхотою съ 6-ти часовъ утра съ нашей стороны началась стрѣльба изъ всѣхъ батарей противъ всѣхъ Цихисдзирскихъ укрѣпленій; первый выстрѣлъ, какъ было приказано, былъ произведенъ съ крайняго лѣваго фланга орудіями дивизіона 1-й батареи 41 артиллерійской бригады съ самаго редута Самеба, гдѣ находился командиръ батареи полковникъ Воино-Оранскій. Первый выстрѣлъ съ редута Самеба былъ сигналомъ къ началію артиллерійскаго боя, а затѣмъ пальба противъ Цихисдзирскихъ укрѣпленій стала развиваться постепенно, такъ что до 8-ми часовъ продолжалась неумолкаемая стрѣльба со всѣхъ русскихъ батарей. Съ турецкихъ батарей также отвѣчали. Въ самомъ разгарѣ артиллерійскаго боя, начальникъ всего Кобулетскаго отряда генераль Денибековъ съ начальникомъ штаба

полковникомъ Казбекомъ находились у Самебскихъ высотъ у батареи Воинно-Оранскаго и тутъ ему чуть ли не ежеминутно докладывали, что такая то батарея турецкая сбита и замолчала, но начальникъ Кобулетскаго отряда не давалъ никакой вѣры этимъ докладамъ и все время увѣрялъ: „что это имъ только кажется и не нужно быть такимъ увѣреннымъ, что турецкая батарея сбита, но наоборотъ, когда настанетъ время она встрѣтитъ насъ огнемъ и тогда намъ придется еще съ ними считаться“. До 8-ми часовъ продолжалась съ нашей стороны бомбардировка турецкихъ батарей. Батареи наши до того пристрѣлялись, что хорошо было видно мнѣ, стоя тутъ же, какъ снаряды ложились у самыхъ амбразуръ турецкихъ батарей, также видно было, какъ удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, всѣ земляныя насыпныя турецкія батареи были изрыты, въ особенности у самой Желтой батареи, которая находилась въ самомъ центрѣ всей турецкой позиціи. Батарея эта, дабы сохранить свое существованіе и не быть окончательно уничтоженной, принуждена была на время сняться со своего мѣста и перейти незамѣтно на новое мѣсто. Насколько стрѣльба съ нашихъ батарей была мѣткая и удачная, можно было бы убѣдиться по тому, что по всей линіи турецкихъ позицій всѣ батареи затихли, дабы не подвергаться напраснымъ потерямъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ихъ снаряды не долетали до нашихъ батарей, а нѣкоторые, хотя и перелетали, но большинство не разрывалось.

Начальникъ артиллеріи полковникъ Филимоновъ, убѣдившись въ дѣйствительности, что турецкія батареи

замолчали и не въ силахъ дѣйствовать, послалъ, согласно диспозиціи, своего адъютанта штабсъ-капитана Колюбакина (нынѣ Генераль-Лейтенанта профессора академіи Генеральнаго Штаба) доложить командующему войсками Ріонскаго края генералу Окложіо о томъ, что турецкая артиллерія, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ съ нашей батареей, замолчала; атака для пѣхоты подготовлена и что пора предпринять общее наступленіе всею пѣхотою Кобулетскаго отряда. Во исполненіе приказанія, штабсъ-капитанъ Колюбакинъ, на своемъ конѣ, быстро поѣхалъ на Денибековскій Курганъ. По дорогѣ его останавливали начальники частей и спрашивали о положеніи дѣла. Штабсъ-капитанъ Колюбакинъ всеѣмъ давалъ отвѣты: „что удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи непріятельская артиллерія принуждена была замолчать“; на отвѣтъ адъютанта какъ начальники частей, такъ и ихъ офицеры спрашивали: „неужели вы увѣрены, что турецкая артиллерія сбита такъ, что не въ состояніи будетъ дѣйствовать и объ этомъ ѣдете докладывать также и о томъ, что намъ пора штурмовать; неужели вы увѣрены въ томъ, что турецкая артиллерія настолько уничтожена, что не встрѣтитъ насъ снарядами? Будьте увѣрены, что орудія турецкія на время сняты съ позиціи, а во время самаго штурма опять будутъ поставлены на батарею для встрѣчи штурмующихъ“. Изъ предложенныхъ начальниками частей и ихъ офицерами вопросовъ, можно было вывести заключеніе, что не все были увѣрены въ успѣхѣ штурма.

Адъютантъ начальника артиллеріи штабсъ-капитанъ Колюбакинъ одинъ, безъ проводника, несмотря

на опасность быть захваченнымъ въ плѣнъ турецкими башибузуками, такъ какъ они шныряли вездѣ и всюду, быстро на своей лошади проѣхалъ благополучно ущелье рѣчки Кинтриши, спустя нѣкоторое время выѣхалъ на Денибековскій Курганъ, слѣзъ съ лошади и доложилъ командующими войсками генералу Оклобжію, какъ было приказано отъ имени начальника артиллеріи; при этомъ доложилъ также, что онъ самъ свидѣтель того, что турецкая батарея замолчала. По докладѣ, командующій войсками генералъ Оклобжію, убѣдившись, что все готово и пора дать сигналъ къ наступленію, приказалъ съ Денибековского Кургана пустить сигнальную ракету, а затѣмъ у самыхъ Самебскихъ высотъ казаку поднять бѣлый флагъ. По сигнальной ракетѣ и бѣлому флагу все войска Кобулетскаго отряда, по заранѣе намѣченному направленію, согласно диспозиціи, начали наступленіе. Колоннѣ маіора князя Чавчавадзе въ составѣ: 1-й пѣшей Гурійской, 1-й пѣшей Грузинской дружинѣ и баталіона 164 пѣхотнаго Закатальскаго полка, по диспозиціи, задачей было — наступать лѣвѣе всехъ войскъ Кобулетскаго отряда, имѣть направленіе на Горную батарею и овладѣть этою батареей, самый же штурмъ этой позиціи начать какъ только колонна полковника Казелкова войдетъ на Центральную позицію и овладѣетъ турецкой Желтой батареей. Маіоръ князь Чавчавадзе, согласно данной ему диспозиціи, отдалъ по ввѣренной ему колоннѣ слѣдующее приказаніе: ввѣренному мнѣ отряду приказано наступать прямо на Горную батарею и овладѣть ею, для чего 1-й пѣшей Гурійской

дружинѣ выступить первой въ авангардѣ и все время двигаться впереди, за Гурійской дружиной слѣдовать Грузинской дружинѣ, а затѣмъ, баталіону Закатальскаго полка въ общемъ резервѣ за Грузинской дружиной. Въ виду чрезмерно пересѣченной и густой лѣсистой мѣстности, безъ дорогъ, частямъ держаться какъ можно ближе другъ къ другу, имѣть между собою связь посредствомъ патрулей и вообще двигаться впередъ съ большою бдительностью дабы не попасться врасплохъ случайнымъ нападеніямъ со стороны Кобулетцевъ.

Въ 8 часовъ утра колонна князя Чавчавадзе перешла въ наступленіе. Перейдя рѣчку Кинтиши, начала путаться, отыскивая въ чащѣ лѣса пути наступленія, долго путалась Гурійская дружина, пока не нашла только одну тропинку, по которой можно было двигаться не болѣе какъ по два человѣка, а по нѣкоторымъ мѣстамъ и взводами. Гурійская дружина, двигаясь впередъ, къ 11-ти часамъ вышла на открытую поляну, которая оказалась усадьбою зажиточнаго хозяина и тутъ дружина была встрѣчена со стороны непріятели ружейной стрѣльбой, а затѣмъ съ Горной батареи стрѣльбой изъ орудій. На этой мѣстности разсыпались и продолжали наступленіе цѣпью и когда вся дружина подошла къ ложеамтамъ, на разстояніе 400 шаговъ до непріятельской позиціи, примѣнилась къ мѣстности, чему способствовала сама мѣстность. По всей мѣстности, занятой Гурійской дружиной шла неумолкаемая стрѣльба то ружейная, то орудійная.

Правѣ Гурійской дружины, вслѣдъ, вошла Грузинская дружина, также заняла позицію у самыхъ ту-

рецкихъ траншей и примѣнилась къ мѣстности; баталіонъ Закатальскаго полка, не выходя на поляну, установился за лѣсистою горою въ совершенно мертвомъ пространствѣ. Непріятель также открылъ учащенную стрѣльбу и по Грузинской дружинѣ, но безрезультатно. Въ доказательство того, что Грузинская и Гурійская дружины и на этотъ разъ молодецки дѣйствовали, позволяю себѣ помѣстить въ своей настоящей запискѣ, помѣщенные въ запискѣ исторіи Кобулетскаго отряда воспоминаніе офицера Кобулетскаго отряда въ кампаніи 1877 и 1878 годовъ, гдѣ сказано: „Бывшая на лѣвомъ флангѣ колонна князя Чавчавадзе, перебравшись довольно скоро черезъ рѣку Кинтиши, преодолевая массу затрудненій, ведя все время въ лѣсу ожесточенный бой, штурмуя на каждомъ шагѣ засѣки, хутора, сакли, неся серьезныя потери, тѣмъ не менѣе, успѣшно подвигались впередъ; отважные и мужественные Гурійцы и Грузины, предводимые бравымъ княземъ Чавчавадзе, дрались великолѣпно. Дружины съ фронта встрѣчались регулярными войсками, а съ фланга отбивались отъ кобулетцевъ—баши-бузуковъ.

Въ это самое время я слышу шумъ и крикъ, на что и обратилъ свое вниманіе; оказалось, что старый милиціонеръ 3-й сотни Гурійской дружины Гогуадзе, 60 лѣтъ, кавалеръ 3-хъ степеней Военнаго Ордена, награжденный за свою храбрость еще за войну съ Турціею 1853 года, съ винтовкою черезъ плечо, держитъ, приподнявъ обѣими руками сына своего милиціонера 3-й же сотни, 14 лѣтъ отъ роду, Гогуадзе, крича и приговаривая на грузинскомъ языкѣ: „сынъ

мой, что съ тобою?“ Но когда увидѣлъ, что сынъ въ его рукахъ мертвый, съ пробитымъ пулею сердцемъ, началъ плакать: ზვილო, დედის ერთავ, შენ შესწირე შენი თავი ხემწიფესთვის და სამშობლოსთვის! ღმერთმა შენი თავი წამართვა! რალა მეშველება მე მოხუცს!?

Переводъ: „сынъ мой единственный, ты съ честью за Царя и отечество погибъ, Богъ отнялъ тебя у меня и лишилъ меня единственного сына, что мнѣ старику дѣлать безъ тебя“, при этомъ слезы катились ручьемъ. Видя подобную сцену, я приказалъ старому милиціонеру, отцу убитого, не шумѣть; разъ вышелъ съ сыномъ на войну, нужно все предвидѣть. Убитого сына тутъ же на носилкахъ приказалъ отнести назадъ на перевязочный пунктъ.

Въ 10 часовъ утра на вновь занятой Гурійской и Грузинской дружинами позиціи начальникъ колонны князь Чавчавадзе, на своемъ ворономъ карабахѣ, украшенномъ серебрянымъ приборомъ, разѣзжалъ по всей позиціи въ одномъ архалукѣ, не обращая никакого вниманія на свистъ пуль надъ его головой и паденіе у ногъ его лошади снарядовъ, провѣрялъ расположеніе дружины на занятой позиціи; затѣмъ отъѣхалъ на правый флангъ Грузинской дружины и ожидалъ штурма колонны полковника Казелкова съ тѣмъ, чтобы самому штурмовать Горную батарею. Такъ какъ князь Чавчавадзе по своему характеру былъ недовѣрчивъ и всегда съ большою аккуратностью и осторожностью выполнялъ возложенныя на него обязанности начальника, то и на этотъ разъ, въ ожиданіи штурма, все время провѣрялъ расположеніе ввѣреннаго ему

отряда и вотъ въ это то время подъ нимъ былъ убить любимый его конь. Этотъ истинный воинъ съ твердымъ характеромъ никогда не признавалъ невозможнымъ выполненія данной ему задачи, съ какою бы трудностью она не сопровождалась. Солдаты, высокой дисциплины, въ высшей степени строгій и справедливый къ своимъ подчиненнымъ, онъ былъ любимъ ими. Въ настоящемъ дѣлѣ, имѣя въ своемъ подчиненіи колонну съ разныхъ частей, въ томъ числѣ и свою дружину, князь Чавчавадзе готовъ былъ штурмовать Горную батарею, но противъ даннаго ему приказанія не могъ пойти и ожидалъ того самаго момента, когда колонна Казелкова первая пойдетъ въ атаку и тогда также начнетъ штурмовать позицію Горной батареи, хотя имъ бы пришлось лечь мертвыми всѣмъ до единого солдата, о чемъ и были предупреждены всѣ чины его отряда предъ самымъ наступленіемъ.

Въ ожиданіи штурма колонны Казелкова, какъ 1-я Гурійская, такъ и 1-я Грузинская дружины, находясь въ боевой линіи, хорошо примѣнились къ мѣстности, дабы напрасно не терять людей отъ учащенныхъ ружейныхъ и изрѣдка орудійныхъ выстрѣловъ; отдохнувши, приготовлялись по первому приказанію, идти въ атаку, для овладѣнія Горной батареей, гдѣ Османъ-паша со своими башибузуками занималъ позицію, имѣя при себѣ два горныхъ орудія и готовился встрѣтить русскихъ. Съ этихъ же позицій слышны были разговоры на грузинскомъ языкѣ: „пусть идутъ противъ насъ кому желательно, за исключеніемъ Грузинской дружины“, къ которой кобулетцы относились съ боль-

шой симпатіей и считали ее въ высшей степени воинственной и упорной. Наоборотъ къ Гурійской дружинѣ кобулетцы питали всегда вражду и готовы были встрѣтить ихъ и въ данномъ случаѣ.

До перваго часа дня Гурійская дружина находилась въ напряженномъ положеніи, ежеминутно ожидая штурма со стороны колонны Казелкова. Нѣкоторые офицеры Гурійской дружины, въ томъ числѣ и я, цѣлый день не ѣли и желая сколько нибудь перекусить, зашли въ единственную оставленную саклю, откуда хорошо была видна средняя колонна и можно было видѣть черезъ окно самый штурмъ колонны полковника Казелкова; тутъ же находился временный командующій дружиною, маіоръ, Чхеидзе, который изъ этой же сакли, черезъ бинокль, слѣдилъ за ходомъ боя средней колонны. Въ это время одинъ за другимъ были пущены снаряды съ нашихъ батарей по позиціи, занимаемой Гурійской дружиной, не считывая, что дружина могла взобраться такъ далеко впередъ. Одна изъ гранатъ попала въ крышу того дома, куда г.г. офицеры вошли закутить и въ то самое время, когда маіоръ Чхеидзе наблюдалъ въ бинокль, гранатою разбито крышу дома и обломкомъ бревна ударило по головѣ маіора Чхеидзе. Ошеломленный маіоръ Чхеидзе безъ чувствъ былъ вынесенъ и положенъ подъ дубомъ, но вскорѣ и въ это дерево попалъ снарядъ, опять же съ нашихъ батарей; тогда маіора Чхеидзе взяли и съ этого мѣста и отвели въ болѣе безопасное; но стрѣльба съ нашихъ орудій все продолжалась по гурійцамъ; при мнѣ было выпущено до 9-ти снарядовъ.

За пораненіємъ маіора Чхеидзе командующимъ дружиною остался старшій офицеръ поручикъ Беридзе. Видя, что со стороны нашихъ батарей стрѣльба все продолжается по гурійцамъ и при томъ еще со стороны непріятеля также, онъ приказаль мнѣ взять двухъ проводниковъ и немедленно поѣхать на наши батареи дать знать о нахожденіи гурійцевъ, противъ которыхъ выпущено нѣсколько снарядовъ. Во исполненіе приказанія мною были взяты два проводника и съ этими проводниками я и поѣхаль верхомъ. Такъ какъ я ѣхаль быстро, то проводники мои, слѣдуя за мною, не доѣзжая еще до самой рѣчки Кинтиши, отстали и я ихъ потерялъ изъ виду. Вызвать ихъ было не безопасно, такъ какъ на крикъ могли появиться шныряющіе по лѣсу кобулетцы и я принужденъ былъ одинъ, безъ проводниковъ, по знакомой тропинкѣ съ большимъ трудомъ доѣхать до рѣчки, находясь все время въ большой опасности, въ ожиданіи быть захваченнымъ каждую минуту. Въ такомъ положеніи доѣхаль до ущелья рѣчки Кинтиши и тутъ, къ моему удивленію, вижу у самой рѣчки лежащаго на носилкахъ раненаго сапернаго офицера и около него 4 солдаты санитаровъ, которые несли раненаго, но заморившись и уже собирались его оставить; когда же раненый офицеръ увидѣлъ меня, то со слезами на глазахъ сталъ просить меня вывести его изъ такого положенія; я приказаль солдатамъ не оставлять его, самъ быстро поскакаль въ гору и на половинѣ горы, немного не доѣзжая до самой Столовой горы, увидѣлъ несомого на носилкахъ, убитымъ, бывшаго начальника

Зенитскаго отряда маіора Теріева, который, еще прощаясь съ нами, выразился такъ: „прощайте, господа, можетъ быть больше не увидимся“. Затѣмъ, проѣхавъ еще немного, къ моему счастью, встрѣтилъ сапернаго баталіона полковника Бирюкова, у котораго раненый офицеръ состоялъ; я этому полковнику доложилъ, что ихъ раненый офицеръ оставленный санитарями, лежитъ у рѣчки Кинтиши, указалъ въ какомъ направленіи и просилъ какъ можно поскорѣе отправить людей взять его, такъ какъ находящіеся при немъ 4 солдата санитаря не въ силахъ нести и я имъ приказалъ не оставлять раненаго. Полковникъ Бирюковъ поблагодарилъ меня за сообщеніе, съ удивленіемъ спросилъ; „какимъ образомъ очутился нашъ офицеръ раненымъ у рѣчки Кинтиши“ и тутъ же при мнѣ нарядилъ вооруженную команду и санитаровъ съ носилками и отправилъ ихъ взять раненаго офицера и доставить на перевязочный пунктъ. Что случилось послѣ, я долго не могъ знать, но послѣ войны, я въ Озургетахъ видѣлъ этого сапернаго офицера; хотя онъ узналъ меня, но съ видимымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на меня, вмѣсто благодарности, что было въ обыкновеніи только у офицеровъ сапернаго баталіона того времени, которые по традиціи, кромѣ своихъ частей никакихъ другихъ офицеровъ не признавали.

Побесѣдовавъ съ командиромъ сапернаго баталіона минутъ 10, я поѣхалъ дальше, или иначе сказать поскакалъ на своемъ золотистомъ карабахѣ, но не успѣлъ доѣхать до батареи полковника Шаврова, какъ, навстрѣчу, ко мнѣ подошелъ бывшій мой сослуживецъ по

1-му Кавказскому стрѣлковому Гомборскому баталіону адъютантъ начальника артиллеріи полковника Филимонова, штабсъ-капитанъ Колюбакинъ Борисъ (нынѣ профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ) и, видя меня взволнованнымъ, сталъ спрашивать: что такое и въ чемъ дѣло? Дабы точнѣе и яснѣе обрисовать нашу встрѣчу, долгомъ считаю помѣстить въ своей запискѣ всю редакцію изъ исторіи воспоминаній офицера Кобулетскаго отряда въ минувшую Русско-Турецкую войну 1877 и 1878 г.г.: „Въ разгарѣ боя въ описываемые моменты, я стоялъ рядомъ съ начальникомъ артиллеріи и слѣдилъ въ бинокль за общимъ ходомъ боя, какъ вдругъ внизу, у подножія горы, на которой мы стояли, я услышалъ знакомый голосъ адъютанта Гурійской дружины князя (Ивана) Макаева; я немедленно спустился къ нему внизъ; князь пріѣхалъ, или вѣрнѣе, примчался на своемъ быстромъ карабахѣ, по весьма важному дѣлу, а именно: оказалось, что по частямъ гурійцевъ, далеко выдвинувшихся впередъ и занявшихъ на лѣвомъ флангѣ у князя Чавчавадзе рядъ домиковъ, гдѣ они укрылись отъ ружейнаго и орудійнаго огня и гдѣ сосредоточились и устраивались для дальнѣйшаго движенія, открыли огонь два или три орудія изъ нашего центра, очевидно принимая за турокъ. „Помилуйте, — говорил Макаевъ, — гурійцы не знаютъ, что и дѣлать, спереди такой огонь, что нельзя и носу высунуть, а сзади громятъ шарохами, разломали, разбили всю крышу, дубовыя доски сыплются сверху и одна изъ нихъ сильно расшибла ударомъ по головѣ сотеннаго командира

князя Чхеидзе.“ Успокоившись, что по крайней мѣрѣ не было другихъ послѣдствій, болѣе важныхъ, полковникъ Филимоновъ, крайне раздосадованный, послалъ меня искать виновныхъ. Благодаря указаніямъ того же князя Макаева, виновные были найдены, то были орудія 3 батареи 38 артиллерійской бригады.....“

Начальникомъ артиллеріи полковникомъ Филимоновымъ приказано было мнѣ совмѣстно съ адъютантомъ своимъ обойти всѣ батареи и предупредить о нахожденіи Гурійской дружины, дабы не повторилась стрѣльба противъ нихъ. Для ускоренія, адъютантъ штабсъ-капитанъ Колюбакинъ предложилъ мнѣ пройти на правый флангъ и предупредить, а самъ же предупредилъ батареи, расположенные влѣво. Благодаря скорому и быстрому содѣйствію штабсъ-капитана Колюбакина стрѣльба по гурійцамъ прекратилась. Такъ какъ по батареямъ невозможно было развѣзжать верхомъ, то лошадь свою, при самомъ входѣ на позицію я поручилъ одному безоружному солдату, а самъ пѣшкомъ обходилъ всѣ правофланговые батареи. Неимовѣрная тишина на батареяхъ, нарушаемая только свистомъ пуль и ежеминутнымъ паденіемъ непріятельскихъ снарядовъ меня привела въ самое удручающее состояніе, такъ что я торопился возвратиться обратно на позицію къ Гурійской дружинѣ. Во время самага моего хожденія, я увидѣлъ знакомаго мнѣ командира взвода 2-хъ артиллерійскихъ орудій подпоручика Дмитріева, который увидавъ меня подозвалъ къ батарее. Поручикъ Дмитріевъ, въ веселомъ настроеніи, не обращая вниманія на свистъ пуль и снарядовъ,

съ большимъ хладнокровіемъ обратился ко мнѣ: „Смотри, князь Иванъ, какъ запушу снарядъ свой въ самую амбразуру турецкой батареи; хочешь подержимъ пари, что изъ ста снарядовъ ни одного снаряда не выпущу даромъ и всѣ снаряды по моему заказу будутъ ложиться у турецкихъ батарей. Дѣйствительно я подержалъ пари и онъ далъ мнѣ смотрѣть въ имѣющуюся у него подзорную трубу, черезъ которую отчетливо было видно паденіе снарядовъ; въ моемъ присутствіи, наводя самъ, онъ сдѣлалъ десять выстрѣловъ изъ своихъ двухъ орудій, при чемъ указывалъ самую цѣль и дѣйствительно, куда было заказано, туда и ложились снаряды, большею частью въ самыя амбразуры. Подпоручикъ Дмитріевъ по происхожденію изъ русскихъ, но, какъ мнѣ помнится, имѣвшій мать грузинку, прекрасно владѣлъ грузинскимъ языкомъ и все время разговаривалъ со мною на грузинскомъ языкѣ; родился на Кавказѣ и все время служилъ на Кавказѣ. Честный и въ высшей степени строгій, какъ служака, вмѣстѣ съ симъ идеальный товарищъ, къ которымъ духъ истиннаго воина вкоренился до высокаго достоинства, что онъ и доказалъ въ настоящемъ дѣлѣ. Словомъ я не въ силахъ описать его высокое качество какъ воина и какъ человѣка въ мирное время. У подпоручика Дмитріева на батареѣ я пробылъ съ полчаса и кое-какъ выпросился отпустить меня. Въ 3 часа пополудни окончилъ обходъ всѣхъ батарей я сталъ искать свою лошадь, но никакъ не могъ найти, между тѣмъ время уходило; чтобы не возвращаться ночью и не бродить по лѣсу, я рѣшилъ идти пѣшкомъ. Въ

это время, подходит ко мнѣ адъютантъ командующаго войсками поручикъ Казбекъ (Гавріиль), передаетъ записку, адресованную на имя начальника лѣвой колонны полковника Гурчина; въ запискѣ было сказано: „Командующій войсками находится у 3-й батареи 38 артиллерійской бригады, всѣ донесенія присылать туда“. Принимая записку, я обратился къ поручику Казбеку со слѣдующими словами: „Я адъютантъ Гурійской дружины, посланъ на батареи съ предложениемъ прекратить стрѣльбу съ нашихъ батарей по гурійцамъ и долженъ немедленно возвратиться обратно на позицію; гдѣ я могу найти полковника Гурчина? Его многіе ищутъ, но не могутъ никакъ отыскать.“ Поручикъ Казбекъ сказалъ мнѣ: „Ничего, примите эту записку и уѣзжайте куда хотите, черезъ часъ командующій войсками перейдетъ на другую батарею и эта записка не будетъ имѣть никакого значенія“. Во время нашего разговора въ недалекомъ разстояніи стоялъ самъ командующій войсками; какъ только онъ увидѣлъ меня, сейчасъ же обратился ко мнѣ: „Это вы, князь Макаевъ, въ чемъ дѣло? Вы адъютантъ Гурійской дружины, зачѣмъ вы тутъ и какъ идутъ дѣла у васъ?“ Я ему далъ на всѣ вопросы отвѣты, и доложилъ причину моего появленія, онъ высказался на это такъ: „Это ничего, князь Макаевъ, на то война, могутъ быть ошибки“.

Было уже 4 часа когда я наконецъ освободился и спѣшилъ вернуться обратно въ дружину; въ то самое время, какъ я проходилъ мимо батарей, въ оврагѣ, къ моему удовольствію, увидѣлъ свою лошадь, которую держалъ тотъ самый солдатъ, которому она бы-

ла мною передана. Съ величайшею радостью, что не придется мнѣ возвращаться пѣшкомъ, взявъ лошадь и позабывъ о всѣхъ предстоящихъ опасностяхъ и возможности сбиться съ дороги и случайно очутиться на турецкой позиціи вмѣсто своей; я быстро поѣхалъ: доѣхавъ до рѣчки Кинтиши, къ тому самому мѣсту, гдѣ оставилъ раненаго офицера, слѣзъ съ лошади и сталъ пѣшкомъ искать ту самую тропинку, по которой наступала Гурійская дружина, но вмѣсто этой тропинки отыскалъ еще болѣе лучшую дорогу по направленію къ позиціи Гурійской дружины; все время держа подъ уздцы лошадь, я съ большею осторожностью пробирался впередъ; все время слышна была мнѣ неумолкаемая учащенная стрѣльба; боясь какъ бы не очутиться у турокъ, такъ какъ ружейная стрѣльба по звуку похожа была на стрѣльбу изъ турецкихъ ружей, я привязалъ лошадь къ дереву, самъ поднялся на гору и вышелъ на поляну, гдѣ подъ деревомъ увидѣлъ трехъ человѣкъ милиціонеровъ Грузинской дружины, безъ ружей, туземныхъ музыкантовъ; тогда я успокоился, въ увѣренности, что тутъ находится гдѣ нибудь вблизи Грузинская дружина, и спросилъ у этихъ милиціонеровъ о мѣстѣ нахождения Гурійской дружины и при этомъ одному изъ нихъ приказалъ спуститься внизъ и взять привязанную мною лошадь, идти со мною и указать позицію Гурійской дружины, и вотъ, благодаря этимъ милиціонерамъ, я благополучно, къ 5-ти часамъ вечера прибылъ къ позиціи Гурійской дружины.

Къ моему прискорбію, временно командующій дружиною говоритъ мнѣ, что снарядами съ нашихъ

батарей убиты и ранены 9-ть человекъ, въ томъ числѣ и вахмистру 3-й сотни Арапидзе оторвало ногу, и онъ лежитъ вотъ тамъ подъ деревомъ, (указалъ рукою). Командиръ дружины не разрѣшаетъ взять ни одного человека, чтобы отнести его на перевязочный пунктъ, между тѣмъ человекъ пропадаетъ. Вы, какъ адъютантъ, къ которымъ онъ больше имѣетъ довѣрія, упростите его назначить хоть пять человекъ, чтобы взять раненаго на носилкахъ, для относа на перевязочный пунктъ.

Положеніе Гурійской дружины въ данный моментъ было весьма незавидное. Она оставалась одна безъ поддержки, такъ какъ Грузинская дружина была взята на присоединеніе къ колоннѣ Казелкова и на мѣсто позиціи Грузинской дружины развели всю Гурійскую дружину, чѣмъ ослабили всю позицію; взять былъ также и баталіонъ Закатальскаго полка, такъ что всю лѣвую сторону предоставлено было защищать одной Гурійской дружинѣ, противъ которой дѣйствовалъ Османъ-паша, имѣющій при себѣ 2 орудія, изъ которыхъ то и дѣло, чуть не ежеминутно, падали снаряды въ самой цѣпи Гурійской дружины. Чтобы убѣдиться въ какомъ положеніи находится дружина, я пѣшкомъ обошелъ всю позицію, и дѣйствительно, замѣтилъ какое-то волненіе со стороны милиціонеровъ, которые, при сильномъ огнѣ со стороны непріятеля, были оставлены на позиціи безъ офицеровъ, подъ команду своихъ вахмистровъ, сами же офицеры спустились внизъ и укрывались лежа подъ дубовыми деревьями.

Положеніе дружины было весьма шаткое, намѣревались отступить, но я сталъ утѣшать ихъ: „въ ско-

ромъ времени придуть русскія роты, а что сами же примѣнитесь къ мѣстности, не стрѣляйте, дабы на ихъ дымъ не направлялись выстрѣлы изъ орудій непріятеля. Позиція у васъ очень сильная и въ случаѣ наступленія турокъ, надо встрѣтить ихъ стрѣльбою и вотъ видите, предъ вами такая крѣпость, что невозможно имъ добратъся до васъ; наоборотъ, если вы оставите вашу позицію, то все равно еще хуже: окончательно погибнете, непріятель ударитъ въ наши войска съ фланга и все попадутъ въ руки турокъ; держитесь упорно на своихъ мѣстахъ“. Дѣйствительно, къ сторонѣ непріятеля было видно, какъ два горныхъ орудія снимаютъ съ одного мѣста и устанавливаютъ на другое, поближе къ позиціи гурійцевъ и открываютъ стрѣльбу, но безуспѣшно, снаряды или недолетаютъ или перелетаютъ и большинство зарывается въ землю безъ взрыва.

Видя такое положеніе гурійцевъ, оставленныхъ на самомъ лѣвомъ флангѣ безъ резерва и боясь, чтобы они не оставили свою позицію, послѣдствіемъ чего могла произойти гибель всего Кобулетскаго отряда, я приготовилъ записку отъ имени командира дружины ротмистра кн. Гуріели начальнику лѣвой колонны кн. Чавчавадзе, прося у него хоть одну роту или сотню на усиленіе Гурійской дружины, при этомъ выставилъ въ запискѣ важное значеніе позиціи, занимаемой гурійцами и что они не въ силахъ защищать эту позицію. Я, съ этою запиской, отправился искать командира дружины, а офицерамъ сказалъ: „Г.г. не оставляйте однихъ нижнихъ чиновъ,

идите къ нимъ, а то безъ офицеровъ они могутъ оставить позицію и тогда вся виновность падеть на насъ; самъ я иду съ запиской къ командиру дружины“. Сказавъ это я сталъ по всему лѣсу отыскивать командира дружины, наконецъ на далекомъ разстояніи, почти за двѣ версты, отыскалъ его лежащимъ въ особо-устроенномъ прикрытіи въ защиту отъ падающихъ снарядовъ, окруженнымъ нѣсколькими мирными турками, командиръ дружины, увидѣвъ меня, обрадовался и съ упрекомъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Гдѣ вы такъ долго пропадали, князь? безъ васъ чуть моя дружина не оставила свою позицію; узнавъ объ этомъ я послалъ своихъ молодцовъ лехаурцевъ предупредить ихъ, что если они оставятъ на срамъ свою позицію, то русской артиллеріей всѣ до единого будутъ уничтожены--и этимъ только могъ удержать“. На это я доложилъ, что меня задержалъ командующій войсками, вручивъ мнѣ записку къ полковнику Гурчину, я его искалъ почти цѣлый часъ и нигдѣ не могъ найти, вотъ потому то и запоздалъ.

Въ виду такого положенія я подалъ записку на подпись къ начальнику лѣвой колонны князю Чавчавадзе, съ просьбою о высылкѣ роты и двухъ орудій въ поддержку гурійцевъ. Командиръ дружины съ радостью подписалъ записку и поблагодарилъ меня за вытребованіе хотя какой-либо части. Записка была послана въ 5½ часовъ вечера, а въ 6-ть часовъ прибыла сотня Грузинской дружины подъ командою поручика князя Гурамова (Лонгиноза). Какъ только показала сотня, непріятель открылъ по ней стрѣльбу изъ

орудій. Я указаль занять позиціи, — 1-й полусотнѣ — за правымъ флангомъ, а 2-й полусотнѣ — за лѣвымъ флангомъ расположенія Гурійской дружины. Съ прибытіемъ сотни Грузинской дружины, въ Гурійской явилось веселое настроеніе. Начало темнѣть и стрѣльба со стороны непріятеля затихла. Войска Кобулетскаго отряда остались на мѣстѣ; нѣсколько разъ въ средней колоннѣ у полковника Гурчина бросались въ атаку и каждый разъ неудачно, такъ что было 7 часовъ вечера, а позиціи турецкія остались незанятыми.

Въ продолженіи всей ночи съ 11 на 12 Іюня со стороны непріятеля безостановочно шла неумолкаемая ружейная стрѣльба, такъ что вся позиція отъ учащенной стрѣльбы находилась въ огнѣ. Съ вечера же командующій войсками, убѣдившись въ невозможности штурмомъ овладѣть Цихисдзирскими позиціями и неся большія потери, отдалъ по всему отряду слѣдующее приказаніе: „Войскамъ кобулетскаго отряда съ ранняго утра постепенно сниматься съ занятыхъ мѣстъ предъ штурмомъ и отходить на свои первоначально занятые мѣста къ Самебскимъ высотамъ; самый отходъ совершить въ полномъ порядкѣ, незамѣченно“. Согласно отданнаго приказанія, передъ отходомъ отряда по всей нашей позиціи въ 6-ть часовъ утра началась противъ непріятеля усиленная, учащенная стрѣльба, какъ ружейная, такъ и со всѣхъ батарей; въ это время съ каждой колонны началось постепенное отступленіе. Всѣ раненые заблаговременно были вывезены частью на чарводарскихъ лошадахъ, частью на носилкахъ. Гурійская дружина, прикрывая все время

лѣвый флангъ всего отряда, какъ боковой аррьергардъ его и соображаясь съ отходомъ всего отряда, отходила сама, занимая по дорогѣ позиціи для удержанія наступающаго непріятеля съ отряда Османа-паши. На одной изъ позицій баталіонъ турецкихъ башибузуковъ, съ цѣлью отбросить гурійцевъ, сдѣлалъ и нападеніе, но Гурійская дружина, успѣвшая занять небольшой курганъ, съ успѣхомъ отбила атаку. Отступленіе всего Кобулетскаго отряда было исполнено незамѣтно для турокъ, а потому отрядъ совершенно спокойно отошелъ и снова занялъ прежнія свои мѣста. Гурійская дружина отошла послѣ всѣхъ, имѣя направленіе прямо на Самебу и въ 11 часовъ остановилась за Самебскими высотами въ резервѣ, рядомъ съ Грузинской дружиной, которая пришла передъ самымъ приходомъ гурійцевъ. Отступленіе всего Кобулетскаго отряда закончилось въ 11 часовъ дня 12 Іюня.

Турецкій главнокомандующій Дервишъ-паша, какъ только получилъ свѣдѣніе объ отступленіи русскихъ войскъ, немедленно нарядилъ 4 отдѣльныхъ табора, составленныхъ изъ однихъ Арабистанцевъ (Зейбеги), вооруженныхъ ружьями системы Пибоди, направилъ ихъ влѣдъ за отступающими съ цѣлью атаковать еще неустроившіяся русскія войска и отбросить за рѣку Кинтишъ: но было уже поздно, всѣ части Кобулетскаго отряда успѣли благополучно отступить и занять свои прежнія позиціи и утвердиться для встрѣчи въ случаѣ наступленія и атаки непріятеля.

Было 11 часовъ утра. По направленію отъ Столовой горы замѣтили движеніе какой то массы со сто-

роны непріятеля, и ясно было видно какъ эта темная масса людей перешла черезъ рѣчку Кинтиши въ полномъ порядкѣ въ 4 колоннахъ, имѣя направленіе на нашъ правый флангъ; объ этомъ немедленно было доложено начальнику лѣвой колонны, генералу Шелеметьеву. Генералъ сначала не повѣрилъ о наступленіи непріятеля и, желая лично убѣдиться въ этомъ, въ бинокль сталъ всматриваться въ указанную сторону наступленія противника; убѣдившись въ вѣрности доклада, по присвоенному ему всегдашему хладнокровію и разумной распорядительности, онъ собралъ начальниковъ частей, включительно до командира роты, отдалъ приказаніе: 6-ти ротамъ стрѣлковъ 1-го и 2-го Стрѣлковыхъ баталіоновъ и двумъ ротамъ Ленкоранскаго полка, батареи полковника Басяцкаго быть готовыми для встрѣчи непріятеля. Пѣхоту распредѣлилъ самъ лично такъ, чтобы непріятель былъ обстрѣливаемъ перекрестнымъ огнемъ, а батарея приказала занять позицію по усмотрѣнію командира батареи: при этомъ отдалъ слѣдующее приказаніе: „частямъ, назначеннымъ для встрѣчи непріятеля не начинать стрѣльбы далѣе 800 шаговъ и не иначе, пока наступающія колонны непріятеля не выйдутъ изъ за ущелья рѣки Кинтиши и не будутъ подниматься на гору и когда ясно будутъ видны. Съ батареи открыть стрѣльбу какъ возможно на близкомъ разстояніи соотвѣтствующими снарядами“. Всѣ предварительныя распоряженія генераломъ отдавались съ большею осмотрительностью.

Пока генералъ Шелеметьевъ отдавалъ это приказаніе, колонны турецкія безостановочно продолжали

движеніе на самый правый флангъ на Столовую гору съ Лѣсистымъ курганомъ.

Въ это время лѣвая колонна, расположившись на отдыхъ въ ожиданіи объѣзда командующаго войсками, не знала, что дѣлалось на правомъ нашемъ флангѣ; когда послышалась учащенная стрѣльба какъ ружейная, такъ и орудійная, только тогда и узнали, что непріятель предпринялъ атаку на нашъ правый флангъ, и лѣвая колонна тоже стала въ готовности. Въ это самое время командующій войсками Приріонскаго края генераль Оклобжіо объѣзжалъ всѣ войска лѣвой колонны, благодарилъ ихъ за понесенный двухъ-суточный боевой трудъ, при чемъ объявлялъ войскамъ слѣдующее: „Причиною нашего отхода было не то, что мы не въ силахъ были овладѣть Цихисдзирскими укрѣпленіями, а то, что отъ насъ требуется много частей на усиленіе Александропольскаго отряда, послѣ чего у насъ останется очень мало войска, съ которыми, если заняли бы Цихисдзири, то не могли бы удержаться; между тѣмъ безъ пользы понесли бы значительныя потери въ людяхъ, и вотъ почему я приказалъ войскамъ отходить и занять прежнія позиціи. „Не унывайте, говорилъ я спустя нѣкоторое время мы получимъ новое подкрѣпленіе, снова пойдемъ штурмовать, разобьемъ турокъ и овладѣемъ Цихисдзирскими укрѣпленіями и вступимъ въ г. Батумъ“.

Турецкія колонны все время продолжали наступленіе, и только что они показались у подошвы Столовой горы, на разстояніи всего 600 шаговъ, стрѣлки и Ленкоранцы открыли усиленный перекрестный огонь.

Въ это самое время слышалась гдѣ-то команда: „Орудіямъ на задки“. Это было въ батарее полковника Басяцкаго съ цѣлью отступленія, но командиръ дивизіона той же батареи подпоручикъ Дмитріевъ, вмѣсто того, чтобы исполнить команду своего батарейнаго командира, со своими 4 орудіями занялъ самую удобную позицію, открылъ на разстояніи 200 сажень противъ наступающихъ турецкихъ таборовъ такой убійственный огонь, что заставилъ турокъ разсыпаться въ беспорядкѣ по всему лѣсу. Несмотря на перекрестный огонь пѣхоты и дѣйствія изъ орудій, непріятель упорно продолжалъ наступать и уже было со всѣхъ сторонъ окружилъ Лѣсистый курганъ Столовой горы, но въ это время изъ резерва ударили въ нихъ въ штыки; роты Пятигорцевъ, Ленкоранцевъ и Севастопольцевъ, турки не выдержали штыкового удара, были опрокинуты съ большими потерями.

Оправившись отъ первой неудачи, непріятель снова предпринялъ нѣсколько стремительныхъ атакъ и всѣ онѣ были отбиты; наконецъ, въ 12 часовъ, была произведена ими послѣдняя атака, но она закончилась окончательнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ непріятеля, провожаемаго усиленнымъ огнемъ пѣхоты и шрапнелью съ орудій подпоручика Дмитріева.

Послѣдствіемъ этого боя было то, что турецкіе наступавшіе таборы окончательно были уничтожены дѣйствіями нашей пѣхоты, а въ особенности смѣлымъ и при томъ еще какъ будто бы шутливымъ дѣйствіемъ подпоручика Дмитріева, который то и дѣло шрапнелью укладывалъ цѣлыя массы противника, такъ что только

меньшая часть наступавшихъ турокъ разсѣялась по лѣсу и успѣла бѣжать, а большинство осталось на мѣстѣ убитыми и ранеными.

Въ часъ дня бой какъ съ нашей стороны, такъ и турецкой утихъ. Непріятельскими мертвыми тѣлами до того усеялось пространство передъ позиціей Лѣсистаго кургана, что не было никакой возможности въ продолженіи нѣсколькихъ дней убрать ихъ; между тѣмъ это было крайне необходимо; тогда по распоряженію Командующаго войсками были посланы парламентеры съ бѣлыми значками на турецкія позиціи съ цѣлью дать знать, что съ разрѣшенія русскихъ можно взять своихъ раненыхъ и убитыхъ и вмѣстѣ съ симъ быть поднять бѣлый флагъ, что служило сигналомъ временнаго перемирія. Турки по предложенію русскихъ нарядили своихъ санитаровъ.

Итакъ къ 2-мъ часамъ дня закончился бой полнымъ пораженіемъ турокъ, чѣмъ отчасти былъ вознагражденъ неудавшійся войскамъ Кобулетскаго отряда штурмъ Цихидзирскихъ укрѣпленій.

Бой 12 іюля закончился къ вечеру полнымъ пораженіемъ турокъ и съ обѣихъ сторонъ стрѣльба прекратилась; хотя на другой день, 13 іюля, кое гдѣ слышны были перестрѣлки, а иногда рѣдкіе орудійные выстрѣлы. 13 іюля войска Кобулетскаго отряда стали приводить въ извѣстность результаты двухдневныхъ сраженій 11 и 12 іюля, въ томъ числѣ и 1-я пѣшая Гурійская дружина. Отданъ былъ приказъ о доставленіи подробныхъ свѣдѣній г.г. сотенными командирами объ убитыхъ, раненыхъ, о пропажѣ оружія и снаряжения,

вообще о пропажѣ казенныхъ вещей въ эти два дня. Во исполненіе приказанія по дружинѣ. г.г. сотенные командиры доставляли самыя точныя свѣдѣнія, когда же мною докладывалось командиру дружины ротмистру князю Гуріели объ утерѣ оружія и снаряженія, то онъ никакъ не могъ согласиться, чтобы съ оставшагося въ живыхъ пропало бы ружье и какое либо снаряженіе, это онъ считалъ въ высшей степени за стыдъ, говорилъ такъ: „разъ живъ милиціонеръ—не допускаю, чтобы состоящее при немъ ружье, а также снаряженіе были утеряны“. Ротмистръ князь Гуріели приказывалъ о подобныхъ утеряхъ казеннаго имущества свѣдѣній отъ сотенныхъ командировъ не принимать, ибо онъ такіе приказы утверждать не будетъ. Когда же я ему докладывалъ, что придется впослѣдствіи за каждую пропавшую казенную вещь отвѣчать, тѣмъ болѣе за ружье, все-таки не соглашался и приказывалъ предупредить сотенныхъ командировъ, что виновниками въ пропажѣ казеннаго имущества будутъ считаться сами сотенные командиры, если только остался живымъ хозяинъ ружья. Благодаря такому распоряженію, по окончаніи войны оказалась недостача въ 300 винтовкахъ, 3,600 боевыхъ патроновъ, 200 паръ патронныхъ суммъ и разныхъ мелкихъ принадлежностей къ снаряженію. О недостаткѣ этихъ вещей меня запрашивали въ бытность мою на службѣ въ Ленкоранскомъ полку и даже было желаніе со стороны ротмистра князя Гуріели всю вину въ пропажѣ казенныхъ вещей свалить на меня, какъ на бывшаго до войны завѣдывающаго оружіемъ, но я отписался, указавъ на то, что до выступленія въ

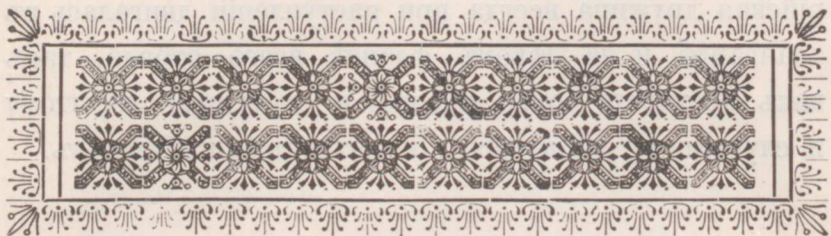
походъ, за мѣсяцъ, мною передано было завѣдываніе оружіемъ въ исправности, полностью всѣ 805 ружей и съ соотвѣтствующимъ количествомъ снаряженія подпоручику князю Эристову (Өомѣ) и если оказалась недостача, то часть унесена была бѣглыми милиціонерами, а часть оставлена на полѣ сраженія убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими нижними чинами. Хотя раненыхъ за все время, до 12 іюля, было приблизительно не болѣе 75 человекъ, въ томъ числѣ раненый маіоръ Чхеидзе, подпоручикъ Капанадзе, вахмистръ 3-й сотни Арашидзе и еще другихъ 9 человекъ со своею артиллеріею. Очень мало раненыхъ и убитыхъ, сравнительно, только потому, что Гурійцамъ приходилось наступать въ большинствѣ случаевъ по весьма закрытымъ, пересѣченнымъ мѣстностямъ, имѣющимъ прекрасные доступы къ позиціямъ непріятеля, притомъ еще умѣли быстро и хорошо примѣняться къ мѣстности, скрыто подползать къ непріятелю, а также быстрое движеніе впередъ. Вообще особенно отличительнымъ свойствомъ у гурійцевъ было, зная хорошо мѣстность, двигаться по закрытымъ мѣстностямъ, хотя бы пришлось дѣлать двойное разстояніе, которое вознаграждалось быстротою движенія; при томъ еще самая ихъ одежда и снаряженіе давали возможность безъ всякаго затрудненія двигаться впередъ; въ этомъ отношеніи особенно обращали на себя вниманіе лехаурцы, заклятые враги пограничныхъ жителей, ихъ враговъ, кобулетцевъ. Эти лехаурцы и были всегда главными проводниками для всей 1-й Гурійской дружины и вмѣстѣ съ симъ для цѣлаго Кобулетскаго отряда. 1-я Гу-

ПРАПОРЩИКЪ МИЛИЦИИ
ИРАКЛІЙ КОПАЛАДЗЕ.

рійская дружина всегда при наступленіи двигалась въ авангардѣ и на лѣвомъ флангѣ всего отряда, такъ какъ мѣстность болѣе опасная и доступная скрытому и случайному нападенію кобулетцевъ-башибузуковъ.

Глава VI.

Отходъ Кобулетскаго отряда на Муха-Эстате въ виду уменьшенія численности отряда.

Съ 13-го іюня стали ходить по отряду самые достовѣрные слухи, что на усиленіе главной арміи Азіатской Турціи съ Кобулетскаго отряда будутъ отправлены нѣсколько баталіоновъ, въ виду того, что дѣла тамъ были неудачны. Ко всему Кобулетскому отряду доходили также извѣстія, что 13-го іюня подъ Зивиномъ русскіе потерпѣли пораженіе и что Мухтаръ-паша двигается къ Александрополю, и о нѣсколькихъ неудачныхъ атакахъ подъ Плевною, что дѣйствительно въ послѣдствіи подтвердилось.

Вслѣдствіе такихъ неудачъ, по распоряженію Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, было вытребовано съ Ріонскаго отряда 10 баталіоновъ, по назначенію къ переводу самимъ командующимъ войсками Приріонскаго края генералъ-лейтенантомъ Оклобжію. Войска, предназначенныя къ

отправленію въ Александропольскій отрядъ, должны выступить съ тѣмъ расчетомъ, чтобы къ 20-му іюня прибыли бы въ Александрополь.

Такъ какъ съ выдѣленіемъ 10 баталіоновъ изъ Кобулетскаго отряда сила этого отряда настолько уменьшилась, что остающимся войскамъ невозможно было удержаться на столь широко растянutoй позиціи, при томъ по весьма пересѣченной мѣстности, командующій войсками Приріонскаго края генераль Оклобжіо отдалъ приказъ по Кобулетскому отряду объ отходѣ всего Кобулетскаго отряда на Муха-Эстатскую позицію и занять тѣ же мѣста, кои были заняты при первомъ вступленіи на Муха-Эстате съ большимъ усиленіемъ оборонительнаго положенія разными полевыми укрѣпленіями и проч., для чего приказано было все время 13 и 14 іюня заниматься незамѣтно отправленіемъ съ частей всѣхъ тяжестей и часть палатокъ. Съ 15 іюня съ вечера начать самое отступленіе по частямъ, начавъ съ артиллеріи, имѣя каждая батарея въ прикрытіе пѣхоту, въ численности до одного взвода. Дабы ввести въ заблужденіе непріятеля, усилить всюду бдительность на сторожевыхъ постахъ, на переднихъ линейкахъ лагеря съ наступленіемъ ночи разводить костры, по мѣрѣ возможности охотничьей командою каждой части тревожить ночными рекогносцировками и т. д. Словомъ приказано всѣмъ начальникамъ частей принять самыя энергичныя мѣры къ секретному незамѣтному отходу цѣлаго отряда до разсвѣта 16-го іюня прямо на самую Муха-Эстатскую позицію. Самый отходъ совершать быстро, но съ соблюденіемъ строгого порядка въ глубокой тишинѣ.

14-го іюня начальники пѣхотныхъ частей, а также начальникъ артиллеріи полковникъ Филимоновъ, получивъ диспозиціи, о времени и о порядкѣ отхода прямо на Муха-Эстате, наканунѣ же дня отхода начали распоряжаться, каждый по своимъ частямъ къ приготовленію, выступленію и секретному движенію на Муха-Эстате. Начальникъ артиллеріи передъ самымъ отходомъ артиллеріи приказалъ своему адъютанту штабсъ-капитану Колюбакину, нынѣ генераль-лейтенанту: съ 15-го числа до наступленія темноты поѣхать на Муха-Эстате и отыскать тѣ же самыя артиллерійскія позиціи, кои были заняты до овладѣнія Хуцъ-Убанью и заблаговременно распредѣлить для каждой батареи мѣсто стоянки и самую позицію съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая батарея заняла бы свои мѣста безъ всякаго замедленія; при этомъ приказалъ предварительно поѣхать съ докладомъ къ начальнику штаба полковнику Казбеку. Штабсъ-капитанъ Колюбакинъ, во исполненіе приказанія въ назначенное время поѣхалъ на Муха-Эстате и до разсвѣта 16 іюня отыскалъ мѣста для каждой батареи. Для большаго порядка и немедленнаго занятія ими своихъ мѣстъ, обозначилъ значками подъ номерами самихъ батарей. Вся артиллерія Кобулетскаго отряда подъ прикрытіемъ cadaго взвода пѣхоты, благополучно, въ продолженіи ночи съ 15 на 16 іюня, отступала и къ 6-ти часамъ утра 16 іюня по указанію высланныхъ навстрѣчу къ каждой батарее самимъ Колюбакинымъ передовыхъ нижнихъ чиновъ, заняла безъ всякаго замедленія свои номера, опять же благодаря умѣлой распорядительности штабсъ-капитана

Колюбакина. Батарея стала на самой позиціи въ полной готовности поддержать отходящую пѣхоту въ случаѣ наступленія турокъ.

Съ 15-го на 16-е іюня началось также постепенное отступленіе всей пѣхоты Кобулетскаго отряда съ тѣмъ, чтобы въ одинъ пріемъ, въ продолженіи одной ночи, безъ всякаго задержанія, на разсвѣтъ 16-го іюня быть на Муха-Эстате и занять свои мѣста. Если пришлось бы отступать сначала на Хуць-Убанъ и тутъ оставаться, а затѣмъ на Муха-Эстате, иначе говоря переходить въ два пріема два выдающихся труднодоступныхъ для движенія ущелья Кинтиши и Ачкуасъ-Тави, тогда непріятель застигъ бы въ какомъ нибудь изъ этихъ двухъ ущелій и отступающимъ войскамъ Кобулетскаго отряда пришлось бы поставить себя въ весьма затруднительное положеніе и даже по частямъ быть разбитымъ непріателемъ, а потому приказано было безъ остановки пройти эти два ущелья и 16-го утромъ вступить прямо на Муха-Эстате, занять позиціи и быть вполнѣ готовыми встрѣтить, въ случаѣ наступленія, непріятеля. Пѣхотнымъ взводамъ, назначеннымъ въ прикрытіе артиллеріи, въ тоже время принять отъ штабсъ-капитана Колюбакина и мѣста каждой пѣхотной части и затѣмъ встрѣтить и вести прямо къ назначеннымъ позиціямъ, дабы части бесполезно не бродили бы.

Въ какомъ порядкѣ отступили прочія пѣхотныя части—мнѣ неизвѣстно, но что же касается до 1-й пѣшей Гурійской дружины, то какъ только было получено приказаніе о времени отступленія, то за два часа

до начала отступленія была отослана на чарвордарскихъ лошадахъ вся тяжесть, въ томъ числѣ и всѣ палатки, сами же на легкахъ начали отступать съ трехъ часовъ ночи какъ и всегда, при наступленіи въ авангардѣ, а при отступленіи въ аррьергардѣ, при томъ еще на самомъ лѣвомъ флангѣ, иначе говоря въ роли лѣвофланговаго бокового аррьергарда, съ обязанностью зорко слѣдить, чтобы непріятель не сталъ бы беспокоить и не было бы незамѣтнаго наступленія и случайнаго удара на лѣвый флангъ, что и могло быть предпринято башибузуками подъ начальствомъ Осман-паша Тавдгиридзе, который, къ нашему благополучію, узналъ довольно поздно о нашемъ отступленіи, узналъ только тогда, когда большая часть русской пѣхоты, а артиллерія цѣликомъ, за исключеніемъ не досчитанной одной 5-й батареи 41-й артиллерійской бригады, съ разсвѣтомъ подходила къ Муха-Эстате. Съ разсвѣтомъ 16-го іюня почти было напалъ непріятель съ лѣваго фланга отступающаго отряда, но благодаря завязавшемуся бою на лѣвомъ флангѣ между гурійцами и кобулетцами, при чемъ кобулетцы были задержаны. отрядъ успѣлъ уйти и только на этотъ разъ 5-я батарея чуть не попалась въ руки непріятеля и я, видя такое положеніе 5-й батареи, попросилъ близъ находящуюся 4-ю сотню Гурійской дружины, подъ командою подпоручика Микеладзе (Парсадана), немедленно остановиться, вывести впередъ, разсыпать сотню, занять позицію и начать обстрѣливать насѣдающихъ кобулетцевъ учащеннымъ огнемъ. Кобулетцы, поражаемые мѣткими выстрѣлами молодцевъ гурійцевъ 4-й

сотни, приостановились и въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы продолжать быстрое наступленіе, заняли также позицію и въ свою очередь начали обстрѣливаться и тутъ завязался между гурійцами и кобулетцами бой. Положеніе 5-й батареи, которая неминуемо должна была попасть въ руки непріятеля, было спасено и батарея отошла на лѣвый флангъ внѣ расположенія артиллеріи Кобулетскаго отряда. Затѣмъ сама дружина, послѣ упорнаго сопротивленія противъ кобулетцевъ постепенно начала отходить, все же мѣстами встрѣчаемая кобулетцами и наконецъ также къ 7^{1/2} часамъ утра 16-го іюня послѣдняя съ лѣваго фланга отошла и заняла опять же лѣвый флангъ расположенія всего Кобулетскаго отряда; въ это же время, самымъ послѣднимъ въ центрѣ всего отступающаго отряда, отходилъ молодецкій изъ всѣхъ частей Кобулетскаго отряда 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ. По моему мнѣнію, это 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ занималъ первое мѣсто въ цѣломъ Кобулетскомъ отрядѣ. Всегда самыя трудныя задачи давались этому баталіону и всегда впереди въ боевой линіи и въ центрѣ всей позиціи при наступленіи и штурмѣ этому баталіону предназначалось брать самую труднодоступную и сильную позицію и всегда и всюду этотъ баталіонъ былъ героемъ всѣхъ дней дѣйствія Кобулетскаго отряда, несмотря на то, что не былъ такъ знакомъ съ мѣстностью, какъ гурійцы, но я все-таки этотъ баталіонъ ставлю въ первомъ номерѣ. Подробностей его боевыхъ дѣйствій я не могу описать, такъ какъ дружина всегда дѣйствовала съ лѣваго фланга, а 2-й

стрѣлковый баталіонъ въ самомъ центрѣ. Задачею для дружины было—оберегать отъ нечаяннаго нападенія кобулетцевъ съ лѣваго фланга, а задачей 2-го стрѣлковаго баталіона всегда находится подъ огнемъ противъ центра непріятельской позиціи и всѣ серьезныя бои и перестрѣлки безъ нихъ не обходились, тогда какъ прочіе полки и баталіоны большею частью составляли резервъ и назначались исправлять дороги, сопровождать оказіи и производить прочія хозяйственныя работы. Прочитавшіе мою настоящую записку будутъ согласны съ мнѣніемъ моимъ о геройскомъ дѣйствіи 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Подтверждается еще тѣмъ, что по отчетамъ этотъ баталіонъ за всю войну съ турками въ Кобулетскомъ отрядѣ, до втораго штурма Цихидзирскихъ позицій больше всѣхъ частей Кобулетскаго отряда имѣетъ раненыхъ и убитыхъ.

Въ доказательство того, что 4-й сотней 1-й Гурійской дружины дѣйствительно спасена 5-я батарея 41 артиллерійской бригады, привожу подлинныя выраженія записокъ „воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда, бывшаго адъютанта артилеріи, штабсъ-капитана Колюбакина, нынѣ генераль-лейтенанта“, такъ очевидца:

„При разстановкѣ батарей штабсъ-капитанъ Колюбакинъ не досчитался одной батареи, именно 5-й батареи 41 артиллерійской бригады. Начальникъ артилеріи полковникъ Филимоновъ приказалъ ему во что бы то ни стало отыскать эту батарею. Учащенные выстрѣлы доносились съ лѣвой стороны, къ сторонѣ

деревни Гвары и вотъ штабсъ-капитанъ Колюбакинъ поѣхалъ по тому направленію, откуда слышна была стрѣльба и отыскалъ эту батарею въ самомъ печальномъ положеніи“. Подлинныя слова, выраженные Колюбакинымъ въ своей запискѣ: „батарея имѣла свое небольшое прикрытіе, которое, въ виду близости насѣдающихъ кобулетцевъ, держалось почти по линіи боевыхъ огней. Выручка должна быть изъ свѣжей части, оставалось просить какую либо изъ сосѣднихъ частей, выдвинутся впередъ и я обратился къ старымъ знакомымъ, а именно къ князю Ивану Макаеву, бывшему адъютанту Гурійской дружины; князь Макаевъ уважилъ мою просьбу, повелъ своихъ гурійцевъ впередъ и заведя ихъ за батарею разсыпалъ въ цѣпь и открылъ огонь по кобулетцамъ, чѣмъ отвлекъ вниманіе кобулетцевъ отъ батареи и далъ ей возможность благополучно отступить, и съ разсвѣтомъ батарея заняла мѣсто на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія артиллеріи“.

Въ 7 часовъ утра 16-го іюня отступление всего Кобулетскаго отряда закончилось. Послѣ всѣхъ частей отступили 2-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны и 1-я Гурійская пѣшая дружина.

Когда цѣлый отрядъ твердой ногой сталъ на своихъ мѣстахъ, непріятель началъ наступать, но было поздно, ибо Кобулетскій отрядъ, занявъ всю Муха-Эстатскую позицію, сталъ въ готовности въ ожиданіи встрѣтить наступающихъ. Кобулетскій отрядъ, оставляя Хуць-Убани, уничтожилъ всѣ постройки, разорены были окончательно всѣ укрѣпленія и всѣ хозяйствен-

ныя приспособленія. Уничтожены были все старыя дома и лѣсъ, такъ что послѣ ухода русскихъ съ Хуць-Убани, онъ оказался голымъ открытымъ мѣстомъ, по которому, какъ только Кобулетскій отрядъ сталъ на позицію, по приказанію генерала Денибекова начался салютъ боевыми снарядами въ тотъ самый моментъ, когда турки начали подниматься на Денибековскій курганъ, что было видно съ позиціи Муха-Эстате. Турки, занявъ Хуць-Убани, стали устраиваться, но только въ ночное время, такъ какъ русская артиллерія днемъ не давала даже возможности показываться; въ продолженіи нѣсколькихъ ночей турками были воздвигнуты новыя полевыя укрѣпленія и приведена была вся Хуць-Убанская позиція въ оборонительное положеніе разными фортификаціонными постройками; все было видно хорошо съ Муха-Эстате. Турками по уходѣ русскихъ также были заняты нижніе Кобулеты (Чуруксу) которые также стали приводить въ оборонительное положеніе. Войска, предназначенныя къ отправленію въ Александропольскій отрядъ 1-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны, весь Пятигорскій пѣхотный полкъ и два баталіона Ставропольскаго полка въ день выступленія Кобулетскаго отряда и занятія Муха-Эстате, пообѣдавъ, незамѣтно частями выступили, такъ что къ вечеру 16-го іюня ихъ уже не стало въ составѣ Кобулетскаго отряда.

Іюня 27-го по отправкѣ баталіоновъ и окончательномъ утвержденіи Кобулетскаго отряда на позиціи Муха-Эстате, генераль Денибековъ съ 1-й Гурійской дружиной и съ баталіономъ Александропольскаго пол-

ка лично отправился на рекогносцировку къ посту Св. Николая и къ вечеру возвратился обратно, а на другой день, 28 Іюня, 1-я пѣшая Гурійская дружин^а была отправлена на смѣну 2-й Гурійской пѣшей дружины на посты: Какутскій, Музаратскій и Нацховатевскій, по 2 сотни отъ 1-го пластунскаго баталіона на Чолокескомъ и на Джихаджиры въ 6 верстахъ отъ г. Озургеты. Войска эти заняли все старыя пограничныя мѣста по правой сторонѣ рѣчки Чолока. За рѣкою мѣстность въ высшей степени гористая, покрытая густымъ лѣсомъ; мѣста эти соприкасаются съ неприступной мѣстностью Талаха (Чохотскія высоты), гдѣ Османъ-паша со своими башибузуками имѣлъ стоянку съ семействомъ. Высоты эти командуютъ надъ всеми постами, такъ что кобулетцамъ хорошо видны эти посты и все, что дѣлается на этихъ постахъ; со стороны же постовъ положительно ничего не было видно, пока не подойдешь на версту къ самой рѣчки Чолокъ; къ постамъ Какутскому, Музаратскому, Нацховатевскому также трудно подойти, такъ что, въ случаѣ наступленія непріятеля, на разстояніи почти версты отъ этихъ постовъ онъ долженъ находится подъ вѣрнымъ и сильнымъ огнемъ обороняющихся, также невозможно было наступать и съ нашей стороны. Такимъ образомъ позиціи съ обѣихъ сторонъ одинаково были трудно доступны. Къ Нацховатевскому посту совсѣмъ невозможно подойти, доступъ возможенъ былъ только по одной пѣшеходной дорогѣ, по которой трудно было проходить даже по одному человѣку и единственно этой дорогой сообщались другъ съ другомъ, по этой

же дорожки пѣшкомъ доставлялись всѣ необходимые продукты съ Какутскаго поста, Для того, чтобы имѣть связь между постами поставлены были пропускные посты, которые все время имѣли сообщеніе между собою патрулями. Постъ Нацховатевскій служилъ, какъ наблюдательный, съ этого поста видно было хорошо въ случаѣ наступленія непріятеля, постъ этотъ окончательно оказался отрѣзаннымъ отъ всѣхъ прочихъ постовъ и не могъ надѣяться на какую либо помощь, такъ что долженъ былъ защищать себя самъ до послѣдней крайности и, въ случаѣ неудачи, не имѣлъ пути отступленія и должны были лечь мертвыми всѣ до единого солдата. Мѣстность чѣмъ ближе къ г. Озургеты, тѣмъ ровнѣе, такъ что болѣе или менѣе удобно непріятелю наступать на Чолокскій постъ и тутъ непріятель долженъ былъ понести большія потери въ людяхъ. Чолокскій постъ, занятый 2-мя сотнями отъ 1-го пластунскаго баталіона, расположенъ былъ также по правой сторонѣ рѣчки Чолокъ, имѣя предъ собою на разстояніи почти двухъ верстъ совершенно ровное пространство, мѣстами лѣсистое, но лѣсъ этотъ былъ вырубленъ пластунами, дабы уничтожить подступъ. Самый постъ, какъ и посты, занимаемые Гурійской дружиной, приведены были въ оборонительное положеніе разными искусственными преградами, для того, чтобы дойти до Чолокскаго поста, непріятелю пришлось бы находиться подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, не имѣя ни единого мертваго пространства. Съ Чолокскаго поста проведена была самими пластунами хорошая колесная дорога на высоту Джихандзири; это са-

мая высшая точка всѣхъ нашихъ позицій, откуда также хорошо видна была вся мѣстность до самой Цихисдзири. Съ этой высоты проходитъ къ главному отряду колесная дорога на Муха-Эстате, которая также соединяется съ дорогою, идущей съ Чолокского поста. Джихандзири также соединенъ съ Легвинскимъ постомъ дорогою, по которой съ г. Озургеты доставлялся хлѣбъ и прочіе продукты на три дня. Съ позиціи Джихандзири видны были хорошо всѣ три стороны: вправо—позиція главнаго отряда—Муха-Эстатская, впереди вся мѣстность занятая непріятелемъ и влѣво посты 2-хъ сотенъ пластуновъ и Гурійской дружины. Половина разстоянія отъ главнаго отряда до этой высоты и почти столько же до Чолокского поста, иначе говоря Джихандзири находится въ центрѣ между двумя позиціями.

Главною задачею, помимо защиты постовъ, 1-й Гурійской дружины было опять же доставленіе всякихъ добытыхъ о непріятелѣ свѣдѣній черезъ самихъ кобулетцевъ, которые за вознагражденіе отъ командира Гурійской дружины кн. Гуріели передавали все, что происходило какъ на Хуцъ-Убани, такъ даже и на Цихисдзири. Для этой цѣли у командира дружины были такіе лазутчики, которымъ онъ вполне довѣрялъ. Одному кобулетцу Беку, перебѣжчику изъ отряда Османа-паши, князь Гуріели подарилъ лошадь, стоящую 300 руб., за то, что онъ привезъ извѣстіе, что турки сильно готовятся предпринять наступленіе на Муха-Эстате всѣми силами; предварительно имѣеть наступленіе командующій 4-мя тысячами башибузуковъ Ос-

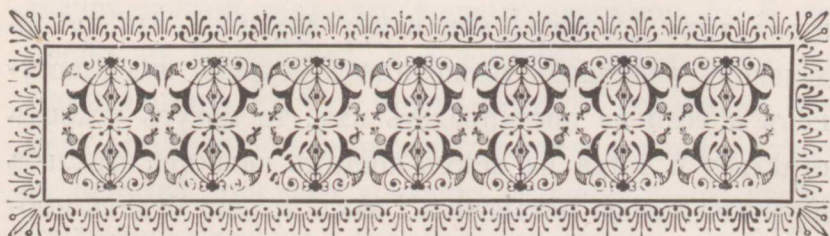
манъ-паша Тавдгиридзе на Чолокскій и Какутскій посты, въ полной надеждѣ, что начальникъ главнаго Муха-Эстатскаго отряда генераль Денибековъ на помощь этихъ постовъ долженъ будетъ выдѣлить часть своего войска, чѣмъ и ослабитъ силу главнаго отряда и тогда Дервишъ-паша воспользуется и самъ атакуетъ главный отрядъ русскихъ. По полученіи подобныхъ свѣдѣній посредствомъ пѣшаго гурійца въ запечатанномъ пакетѣ, сообщались они въ Главный Штабъ начальнику штаба полковнику Казбеку. Дружина простояла на постахъ Какутскомъ, Музаратскомъ и Нацховатевскомъ весь іюль, августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы и все время имѣла перестрѣлки съ кобулетцами. Милиціонеры изъ сел. Лехаури, въ числѣ 16 человекъ, даже охотились на кобулетцевъ. Эти милиціонеры жили свободно въ своихъ домахъ въ дер. Лехаури, что въ двухъ верстахъ не болѣе отъ самыхъ постовъ, это имъ разрѣшалось командиромъ дружины, но съ тѣмъ, однако, чтобы они, какъ хорошо знакомые съ мѣстностью, по возможности, тревожили бы кобулетцевъ и если можно скрытно, незамѣтно пробирались къ расположенію Османа-паши.

Въ началѣ октября мѣсяца командиръ дружины былъ вытребованъ въ главный отрядъ на Муха-Эстате. 5-го октября въ 8 часовъ утра, имѣя при себѣ двухъ турокъ мирныхъ кобулетцевъ, нѣсколько человекъ лехаурцевъ и взявъ меня съ собою, поѣхали напрямикъ черезъ Джихандзири на Муха-Эстате, куда пріѣхали въ 11 часовъ утра. По пріѣздѣ командиръ дружины представился начальнику Кобулетскаго отряда генералу

Денибекову, гдѣ находился и начальникъ штаба полковникъ Казбекъ и доложилъ о благополучномъ состояніи ввѣренныхъ ему постовъ, а также повторилъ все, какія только были доставлены свѣдѣнія лазутчиками и добытыя посредствомъ рекогносцировокъ своими людьми, доложено было также о намѣреніи и о планахъ турецкаго главнокомандующаго Дервишъ-наши. Пробывъ въ штабѣ Кобулетскаго отряда до 5 часовъ пополудни, съ разрѣшенія начальника отряда генерала Денибекова, вернулся обратно. Такъ какъ было уже поздно и до Джихандзири можно было доѣхать только съ заходомъ солнца, не ранѣе 7 часовъ, и отъ Джихандзири пришлось бы ѣхать въ темнотѣ по густому лѣсу, имѣя только одну тропинку, т. е. ту самую дорогу, по которой мы ѣхали въ Главный Штабъ отряда и такъ какъ по дорогѣ и, по всему лѣсу, все время шныряли одиночные и партіями кобулетцы, боясь, чтобы не были застигнуты врасплохъ, мы выпросили у начальника штаба полковника Казбека записку къ командиру 1-го пластунаго баталіона къ полковнику Казелкову, съ приказаніемъ: дать командиру Гурійской дружины команду изъ 10 человекъ пластуновъ, при урядникѣ, въ качествѣ конвоя, для сопровожденія до самаго Чолокесскаго поста. Получивъ эту записку, подъ вечеръ въ 5 часовъ того же дня двинулись и только въ 7 часовъ доѣхали до Джихандзири; на самой горѣ встрѣтилъ насъ офицеръ, которому я передалъ записку начальника отряда; офицеръ понесъ записку командиру баталіона. Не прошло и полчаса, какъ къ намъ прибылъ конвой изъ 10 пластуновъ при урядникѣ. Распре-

дѣливъ конвой такъ, что впереди двигались бы 6 человекъ съ урядникомъ, а 4 человека сзади и съ нашими людьми, съ 7¹/₂ часовъ вечера продолжали движеніе далѣе и по невозможности ѣхать верхомъ, слѣзли съ лошадей; при чемъ урядникъ остановившись, явился командиру дружины и доложилъ слѣдующее: „Ваше Сіятельство, отсюда придется итти пѣшкомъ и только по одиночкѣ имѣя у каждаго въ рукахъ свою лошадь, иначе дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ ровная и при томъ все подъ гору; при этомъ также прикажите всѣмъ ѣхать безъ разговоровъ, тихо, ибо повсемѣстно бродятъ турки, можемъ на нихъ наткнуться нечаянно“. Выслушавъ предупрежденіе урядника, продолжали движеніе по единственной дорогѣ впередъ, имѣя въ рукахъ каждый свою лошадь и гуськомъ, съ соблюденіемъ полной тишины, шли каждый другъ за другомъ, такъ что задній человекъ своимъ носомъ упирался къ задѣ лошади впереди идущей. Урядникъ съ конвоемъ двигался впереди, показывая дорогу все время съ предупрежденіемъ итти какъ можно ближе и отнюдь не отставать другъ отъ друга, ибо отставшій совершенно отдѣлится отъ товарищей, собьется съ дороги и заблудится въ лѣсу и окончательно безъ вѣсти пропадетъ. Двигались мы въ такомъ порядкѣ безъ шума, даже къ нашему благополучію и лошади шли спокойно, цѣлыхъ три часа, прошли всего не болѣе 7 верстъ, а до Чолокского поста было еще версты 4 и болѣе, наконецъ выбрались кое-какъ изъ лѣсу и вступили на поляну, но тутъ урядникъ предупредилъ насъ, остановится и отнюдь не трогаться впередъ; при

этомъ тихо доложилъ командиру дружины, что не въ далекомъ разстояніи расположенъ секретъ изъ пластуновъ и, если не предупредить ихъ, то могутъ открыть стрѣльбу и тогда на всѣхъ постахъ начнется стрѣльба и трудно ночью останоить, намъ трудно будетъ выбраться отсюда, а можемъ попасть подъ сильный огонь, и случится, что всѣ будемъ перебиты. При этомъ самъ вернулся къ конвою, давъ имъ кое-какіе совѣты, и подавъ имъ свистокъ, тихо подошелъ ближе къ секрету; на свистокъ секретъ отвѣтилъ свисткомъ и окликнулъ: „Кто идетъ? Что пропускъ? Отъ урядника былъ отвѣтъ: „свой“ и сказалъ пропускъ, а затѣмъ и отзывъ, и тогда старшій секрета вышелъ навстрѣчу и принялъ его, а затѣмъ принялъ и насъ. Мы тутъ немного отдохнули, всего 10 минутъ, затѣмъ сѣли на лошадей и спустя полчаса доѣхали до Чолокескаго поста, гдѣ я провѣрилъ—всѣ ли наши люди на лицо и затѣмъ, освободивъ конвой изъ пластуновъ, сами поѣхали и къ 12 часамъ пополночи, сильно утомленные, благополучно пріѣхали на Какутскій постъ.

Глава VII.

Бой 19 Октября.

Командиръ дружины, пробывъ на Какутскомъ посту до 10 октября, на другой день, 11 октября, со мною вмѣстѣ, поѣхалъ въ Озургеты по своему хозяйству и хозяйству дружины, гдѣ пробыли включительно до 18 октября. Вечеромъ въ 8 часовъ этого же дня прибылъ съ запискою отъ старшаго офицера поручика Беридзе съ Какутскаго поста посланный, съ предложениемъ съ получениемъ записки немедленно пріѣхать на Какутскій постъ съ адъютантомъ, ибо съ разсвѣтомъ ожидается наступленіе Османа-паши на посты, занимаемые дружиною и, что его сіятельства, перешедшій Бекъ ожидаетъ. Получивъ записку мы выѣхали и къ 10 часамъ ночи пріѣхали на Какутскій постъ, гдѣ дѣйствительно ожидалъ насъ Бекъ, которому была подарена лошадь. Бекъ передалъ командиру дружины о томъ, что завтра съ разсвѣтомъ съ 4-мя тысячами своихъ кобулетцевъ, аджарцевъ и батумцевъ Османъ-паша наступаетъ на дружину, съ цѣлью занять все

посты и затѣмъ двинуться къ Озургету; Дервишъ-паша же въ одно время начнетъ наступать на Муха-Эстате въ томъ предположеніи, что начальникъ Кобулетскаго отряда двинетъ часть своего войска на помощь пластунамъ и дружинѣ и этимъ ослабитъ силы главнаго отряда и тогда будетъ легче штурмовать, разбить генерала Денибекова и овладѣть Муха-Эстате, а затѣмъ и городомъ Озургеты. При передачѣ подробно сего намѣренія турокъ, Бекъ предупредилъ князя Гуріели о томъ, что онъ два раза сдѣлаетъ выстрѣлъ, сначала одинъ, спустя нѣкоторое время и второй, что будетъ сигналомъ начала наступленія Османа-паши и тогда будьте въ готовности встрѣтить ихъ; очень возможно, что Османъ-пашѣ не удастся овладѣть вашей позиціей потому, что войска его собраны изъ разныхъ мѣстъ, какой то сбродъ и каждый изъ нихъ стремится дѣйствовать самостоятельно, не строго подчиняясь главному начальнику и, благодаря всему этому между ними идутъ все время споры: кому итти впередъ, а кому быть назади.—Передавъ князю Гуріели все подробно, Бекъ немедленно вернулся обратно къ войску Османа-паши. Князь Гуріели какъ только получилъ точное предупрежденіе о наступленіи Османа-паши и о намѣреніи Дервишъ-паши, немедленно командировалъ 4-хъ человекъ милиціонеровъ съ 1-й сотни, которые вызвались какъ охотники, и старшему изъ нихъ вручилъ секретный пакетъ за печатами и отправилъ ихъ пѣшкомъ къ начальнику главныхъ силъ на Муха-Эстате, съ тѣмъ расчетомъ времени, чтобы эти посланные не далѣе какъ къ 3 часамъ ночи явились бы въ штабъ

отряда и немедленно поднесли бы пакетъ начальнику штаба. Не имѣя никакихъ ни телеграфныхъ, ни телефонныхъ сообщеній между Какутскимъ постомъ и главнымъ отрядомъ, по необходимости князь Гуріели долженъ былъ послать пѣшиходцевъ гурійцевъ, отнюдь не верховыхъ, ибо по такимъ плохимъ дорогамъ и пересѣченной мѣстности медленнѣе можетъ дойти свѣдѣніе и всякое донесеніе съ верховыми, чѣмъ съ пѣшими гурійцами, которые настолько быстрые и неутомимые ходоки, что никакой верховой не можетъ ихъ обогнать, а въ особенности по такимъ мѣстамъ, какимъ представлялся цѣлый боевой раіонъ, занятый русскими войсками. Такой посланный пѣшиходецъ по своей проворности чуть не представляетъ изъ себя телеграммы и телефонъ. Посланные охотники на другой день къ 10 часамъ утра 19 октября вернулись съ запискою въ принятіи пакета самимъ начальникомъ штаба главнаго отряда полковникомъ Казбекомъ. Командиръ дружины съ полученіемъ свѣдѣнія о наступленіи Османъ-паши на посты, занимаемые дружиною, немедленно собралъ всѣхъ сотенныхъ командировъ, за исключеніемъ командира 4 сотни поручика князя Микеладзе, которому послалъ записку съ нарочнымъ: быть готовымъ къ встрѣчѣ наступленія съ ранняго утра Османа-паши и что ему не будетъ никакой помощи и одною своею сотнею долженъ защищать Нацховатевскій постъ. Остальнымъ командирамъ сотенъ передалъ подробно, что намъ предстоитъ весьма серьезная задача со своими сотнями удержать наступленіе Османъ-паши, который со всѣми своими силами съ разсвѣта

хочетъ атаковать наши посты. Сейчасъ же быть въ полной готовности встрѣтить турокъ и ни за что не уступать позицій, какъ можно упорнѣе держаться на своихъ постахъ.

Дружина стала готовиться и, согласно даннаго приказанія, къ часу ночи 19 октября заняла каждая сотня свои мѣста, заранѣе приведенныя въ оборонительное положеніе, съ очищенною впереди мѣстностью, на разстояніи версты, такъ что наступающимъ приходилось все время быть подъ усиленнымъ огнемъ обороняющихся. 1-я сотня осталась въ резервѣ у самой стоянки командира дружины. 2-я сотня заняла самыя укрѣпленія Какутскаго поста, 3-я сотня заняла, какъ занимала все время, Музарацкій постъ и 4-я сотня—на своемъ Нацховатевскомъ посту. О предполагаемомъ наступленіи прямо на Какутскій постъ Османа-паши были предупреждены пластунскія сотни на Чолокскомъ посту. Дружина всю ночь бодрствовала и ожидала съ часу на часъ непріятеля. Въ 3 часа пополночи 19 октября, какъ было предупреждено Бекомъ, раздался одинъ выстрѣлъ, вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ и другой, что было сигналомъ наступленія непріятеля; по второму выстрѣлу самъ командиръ дружины съ 1-ю сотнею усилили 2-ю сотню, такъ что за готовымъ укрѣпленіемъ вмѣстѣ съ 2-й сотней разсыпалъ 1-ю сотню, всего стало около 300 человекъ защитниковъ Какутскаго поста, однихъ гурійцевъ, и этими силами должны были удержаться отъ 4-хъ тысячнаго войска Османа-паши. Не прошло и получаса послѣ сигнальнаго выстрѣла, какъ показались съ крикомъ передовые

непріятели, а сзади ихъ видно было цѣлое полчище башибузуковъ. вмѣсто того, чтобы безостановочно наступать, передовые остановились не переходя рѣчку Чолокъ и открыли по Какутскому посту учащенный огонь, почти на разстояніи болѣе одной версты. Къ нимъ подошли и прочіе, также остановились и еще болѣе участили огонь, но никакого вреда не наносили защитникамъ Какутскаго поста. Укрѣпленіе самого Какутскаго поста было такого устройства, что стрѣлки скрываясь въ эти укрѣпленія безнаказанно разстрѣливали всѣхъ, кто только осмѣливался перебраться черезъ рѣчку Чолокъ на нашу сторону.

До 8 ч. продолжалась неумолкаемая ружейная стрѣльба съ обѣихъ сторонъ съ большою убылью у наступающихъ и почти безъ всякой убыли со стороны гурійцевъ. Для большаго усиленія Какутскаго поста, въ разгаръ боя подошла съ высоты Экадіе рота Ахалцихскаго полка подъ командою поручика Канделаки и вслѣдъ за ними съ Чолокесскаго поста 1 сотня пластуновъ на помощь Какутскаго поста. Съ прибытіемъ подкрѣпленія, гурійцы еще болѣе пріободрились, а наступающій непріятель и не трогался съ мѣста и сгустившись, но не переходя Чолокъ, все время былъ поражаемъ огнемъ обороняющихся.

Командиръ дружины ротмистръ князь Гуріели, видя, что турки не атакуютъ насъ и не уходятъ, рѣшилъ отправить въ обходъ одну сотню изъ дружины, а съ остальными частями защищаться. Потребовавъ меня, приказалъ собрать 2-ю сотню и подъ командою сотеннаго командира подпоручика князя Абашидзе отправить къ Чолокесскому посту, и у Чолокесскаго

поста перевести на ту сторону всю сотню съ тѣмъ, чтобы наступать на лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, иначе говоря произвести обходъ съ лѣваго фланга непріятеля и этимъ показать, якобы мы сами наступаемъ, послѣ чего можетъ быть перестанутъ беспокоить насъ. При этомъ предупредилъ меня, какъ только переведете сотню по ту сторону, самому непремѣнно вернуть сяобратно. Во исполненіе приказанія командира дружины я передалъ приказаніе командиру 2-й сотни собрать ввѣренную ему сотню, но командиръ 2-й сотни, князь Абашидзе, заболѣлъ, вмѣсто него приказано было принять 2-ю сотню младшему офицеру 1-й сотни подпоручику Глonti, при младшемъ офицерѣ прапорщикѣ Сіо Беридзе.

Предъ отправленіемъ сотни для наступленія, 16 человекъ лехаурцевъ, числящихся въ 4-й сотнѣ и находящихся съ разрѣшенія начальника въ своихъ домахъ, по тревогѣ явились на Какутскій постъ и выпросились итти въ качествѣ охотниковъ первыми на ту сторону, а затѣмъ за ними черезъ часъ и сотнѣ. Командиръ дружины разрѣшилъ этимъ молодцамъ лехаурцамъ, и тѣ съ большою радостью быстро перешли черезъ Чолокъ и стали съ лѣваго фланга подходить къ непріятелю; въ это время непріятель, замѣтивъ со своихъ возвышенностей переходъ сотни, скрытно сталъ самъ подаваться влѣво, съ большими силами, чуть не въ четыре раза болѣе по численности. Боясь, чтобы 2-я сотня не попалась въ ловушку къ непріятелю, командиръ дружины приказалъ передать командиру сотни пластуновъ, итти на помощь 2-й сотни, но командиръ сотни пластуновъ, вмѣсто того, чтобы

немедленно исполнить приказаніе, сталъ мнѣ высказывать, что люди голодны, съ утра не ѣли, какъ только поѣдятъ тогда поведетъ своихъ пластуновъ выручать сосѣдей своихъ гурійцевъ.

Пока продолжался разговоръ мой съ командиромъ сотни пластуновъ, къ сторонѣ наступленія 2-й сотни завязалась сильная неумолкаемая стрѣльба и при этомъ было видно, какъ непріятель обходилъ кольцомъ 2-ю сотню.

Передовые же лехаурцы, 16 человѣкъ, при движеніи впередъ нечаянно наткнулись на 200 человѣкъ кобулетцевъ, которые скрытно лежали за прикрытіемъ и ожидали этихъ 16 человѣкъ; подпустили ихъ на самое близкое разстояніе и изъ за прикрытія нѣсколькими залпами уложили на мѣстѣ всѣхъ 16 человѣкъ и всѣмъ имъ кобулетцы перерѣзали головы. 2-я сотня, двигаясь впередъ, и едва успѣла пройти 2 версты, какъ замѣтила, что ихъ окружаютъ несмѣтные полчища башибузуковъ, и начала отходить къ Чолокскому посту, иначе была бы окружена несравненно превышающимъ количествомъ непріятеля. Когда 2-я сотня начала отходить, только тогда пластуны подвинулись впередъ, а непріятель успѣлъ уйти назадъ. Прошли всего одну версту за Чолокъ, никого не встрѣтили и возвратились обратно. Къ тремъ часамъ турки прекратили стрѣльбу, а къ вечеру снова началась съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка, но гораздо слабѣе и продолжалась всю ночь до 4-хъ часовъ утра 20 октября; къ утру совершенно все затихло, такъ что на той сторонѣ не видно было ни единого человѣка. Дабы убѣдиться въ томъ, что непріятель успѣлъ уйти, подпоручикъ Глonti вызвался съ охотниками

нѣсколькими гурійцами перейти черезъ рѣчку Чолокъ и пройти по направленію тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходила учащенная стрѣльба; пройдя съ охотниками версты три никого не встрѣтилъ, а когда подвинулись немного еще впередъ, наткнулись на мертвыя человѣческія тѣла безъ головъ и безъ рукъ, по одеждѣ и башлыкамъ узнали, что убитые были всѣ до одинаго лехаурцы. Подпоручикъ Глonti немедленно далъ знать на Какутскій постъ, откуда была выслана команда съ ружьями и всѣ мертвыя тѣла, но безъ головъ, были отнесены въ деревню лехаурцевъ и съ большою почестью были похоронены.

Бой 19 го октября закончился благополучно съ отбитіемъ съ 200 гурійцами четырехтысячнаго войска Османа-паши. Убыль была бы весьма незначительная, если 2-я сотня и лехаурцы не были бы посланы въ обходъ лѣваго фланга непріятеля. Подпоручикъ Глonti съ командою охотниковъ съ большою осторожностью обошелъ всю мѣстность по которой наступалъ непріятель и дошелъ чуть ли не до самыхъ Чохотскихъ высотъ (Талаха) и на всемъ пространствѣ не встрѣтилъ ни одинаго человѣка, но были видны большіе слѣды пребыванія непріятеля по всей обойденной мѣстности. Находили множество боевыхъ патроновъ и стрѣляныхъ гильзъ съ ружьевъ Пибоди. Къ 3 часамъ подпоручикъ Глonti вернулся съ командою на Какутскій постъ и доложилъ командиру дружины обо всемъ, что только пришлось видѣть.

20 е октября закончилось полною и торжественною побѣдою молодецкой 1-й Гурійской дружины надъ четырехтысячнымъ отрядомъ Османа паши Тавдгиридзе,

благодаря чему и командующій турецкими войсками Дервишъ-паша не рѣшился наступать на генерала Денибекова, боясь неудачи и окончательной потери Хуць-Убанской позиціи. Дервишъ-паша всегда былъ остороженъ, онъ предпочиталъ твердо держаться на занятой позиціи, чѣмъ преслѣдовать русскихъ съ тѣми силами какія онъ имѣлъ, а помощи ниоткуда не могъ онъ ожидать. Онъ рассчитывалъ такъ: „если пойду на русскихъ и хотя и отброшу съ одной позиціи на другую и буду преслѣдовать до самаго Кутаиса, при этомъ не имѣя въ виду получить подкрѣпленіе, между тѣмъ какъ къ русскимъ придутъ новыя силы и я, отошедши на такое далекое разстояніе, утомленный, оставленный безъ довольствія, безъ боевыхъ припасовъ не въ состояніи буду удержаться противъ свѣжихъ силъ русскихъ, вполнѣ во всемъ обезпеченныхъ, и долженъ буду уйти обратно, преслѣдуемый русскими, которые на моихъ плечахъ вступятъ на турецкія позиціи и овладѣютъ самой Цихидзири и тогда полная побѣда останется за русскими“.

Боясь, чтобы не вышло то самое, что произошло въ войну 1853 г., когда одинъ изъ турецкихъ пашей взялъ Николаевскъ и тутъ высадилъ свои войска, сталъ преслѣдовать отступающее русское войско до самаго Самтреди, Кутаисской губерніи, гдѣ русскіе получили сильное подкрѣпленіе и стали въ свою очередь наступать. Турецкій паша со своимъ утомленнымъ и голоднымъ войскомъ, безъ боевыхъ припасовъ не могъ противостоять противъ русскихъ былъ жестоко разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Русскіе, преслѣдуя ихъ, безпощадно пора-

жали, такъ что часть войска паши взята была въ плѣнъ, а часть окончательно была уничтожена, а остальные оставшіеся потонули въ морѣ. И такъ, какъ самъ паша, такъ и все его войско было уничтожено. Дервишъ-паша, зная такой примѣръ, всегда былъ остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

1-я чѣшая Гурійская дружина оставаясь на постахъ: Какутскомъ, Музаратскомъ и Нацховатевскомъ до половины ноября мѣсяца и все это время продолжала заниматься специальнымъ своимъ дѣломъ: рекогносцировкой къ сторонѣ непріятеля, добываніемъ свѣдѣній, осмотромъ всей впереди лежащей мѣстности, высылкою охотниковъ къ Талахи, Чохотекимъ высотамъ съ цѣлью по возможности тревожить непріятеля.

Послѣ неудачной атаки турокъ подъ начальствомъ Османа-паши на Какутскій постъ 19 октября, непріятель пересталъ беспокоить и совершенно утихъ, изъ чего можно было судить, что происходитъ что-то особенное у турокъ. До дружины черезъ перебѣжчиковъ доходили извѣстія, что Дервишъ-паша хочетъ оставить позицію Хуцъ-Убани, въ виду неудачныхъ дѣйствій турокъ какъ на Европейскомъ, такъ и на Азіатскомъ театрахъ войны. Тотъ самый Бекъ, что наканунѣ предупредилъ насъ о времени наступленія Османа-паши, также принесъ извѣстіе о томъ, что турки окончательно хотятъ оставить Хуцъ-Убани; при этомъ далъ слово въ свое время предупредить о начатіи самаго отступленія. Какъ было обѣщано Бекомъ, дѣйствительно, въ половинѣ Ноября мѣсяца командиръ дружины ротмистръ князь Гуріели, черезъ посланнаго

Бекомъ кобулетца, былъ предупрежденъ, что турками оставляется Хуць-Убани и что пора ихъ преслѣдовать.

Какъ только князь Гуріели получилъ въ 10 час. ночи 15 ноября извѣстіе объ отступленіи турокъ, немедленно послалъ пѣшеходцевъ гурійцевъ, которые въ 11 час. вышли съ Какутекаго поста и черезъ Джихандширы въ 2 час. ночи на 15 ноября явились съ запечатаннымъ конвертомъ, но главному отряду было уже все это извѣстно. Подъ начальствомъ самого начальника штаба, полковника Казбека, началось преслѣдованіе; но было поздно—турки успѣли уже сняться съ позиціи и отступить они уже были за р. Кинтриши, а ихъ артиллерія даже успѣла занять прежнія свои позиціи у Цихисдзири; настигнуты были только отходящія мелкія части, съ которыми завязалась перестрѣлка, и тѣ безнаказанно ушли къ своимъ частямъ. И такъ, турки, на глазахъ русскихъ незамѣтно совершенно спокойно отступили, перешли благополучно два ущелья: Кинтриши и Кинтиши. Все это произошло по неимѣнію сообщенія и связи главныхъ силъ съ постами Чолокскимъ и Какутскимъ, откуда можно было только и получать въ свое время свѣдѣнія объ уходѣ турокъ.

15-го ноября войска Кобулетскаго отряда снова заняли Хуць-Убани и снова начали тамъ устраиваться. Пришлось воспользоваться турецкими позиціями, но только предстояло ихъ передѣлывать въ обратную сторону. По занятіи Хуць-Убани начальникъ штаба Кобулетскаго отряда полковникъ Казбекъ, найдя необходимымъ имѣть при главномъ отрядѣ опять же 1-ю пѣшую Гурійскую дружину, сдѣлалъ распоряженіе о

передвиженіи этой дружины на передовую и лѣво-фланговую позицію Хуць-Убани, а 2-й Гурійской дружины на мѣсто 1-й дружины на Какутскій постъ. О перемѣщеніи дружинъ было отдано приказаніе по Кобулетскому отряду. Дружины, получивъ подобное распоряженіе, 1-я съ гордостью и радостью, 20 ноября, по смѣнѣ 2-ю дружиною немедленно выступила и въ этотъ же день къ 3-мъ часамъ пополудни, несмотря на сильный дождь, по весьма грязной испорченной дорогѣ прибыла въ штабъ Кобулетскаго отряда, откуда на лѣвый флангъ Хуць-Убанской позиціи, на старое мѣсто у сел. Кондиты, гдѣ приказано было заняться своимъ дѣломъ. 2-я Гурійская дружина заявила неудовольствіе, выражаясь такъ: „Когда должны начаться серьезныя дѣла, не хотятъ имѣть ихъ въ главномъ отрядѣ и посылаютъ ихъ на заднюю линію, на случай же мирнаго положенія ихъ выставляютъ впередъ“.

1-я пѣшая Гурійская дружина, по приходѣ на прежнюю свою стоянку, вымокшая до невозможности, вмѣсто того, чтобы отдохнуть послѣ 40 верстнаго труднаго перехода, по своему обыкновенію, начала съ радостью плясать, играть свои пѣсни, и вообще на лицахъ каждаго Гурійца выражалось полное удовольствіе въ томъ, что ихъ участіе въ боевой линіи крайне необходимо. На вновь занятой позиціи 1-й Гурійской дружинѣ данъ былъ отдыхъ въ продолженіи 3-хъ дней для устройства. Позиція 1-й пѣшей Гурійской дружины была занята на такомъ мѣстѣ, что ни одинъ кобулонецъ не могъ никоимъ образомъ скрытно пройти и не быть замѣченнымъ. Гурійцы партіями отправлялись на

фуражировку къ сторонѣ непріятеля, добывали для лошадей дружины и г.г. офицеровъ кормъ, кукурузу и чалу, имѣли иногда столкновеніе съ кобулетцами, которыхъ держали въ страхѣ на значительно далекомъ разстояніи, и давали возможность всему Кобулетскому отряду оставаться совершенно спокойными.

Кобулетскій отрядъ съ занятіемъ Хуць-Убанской позиціи все время находился въ бездѣйствіи. Непріатель не беспокоилъ отрядъ. Съ нашей стороны иногда отправляли небольшіе рекогносцировочные отряды съ цѣлью высмотрѣть, что дѣлается у непріятеля и вызвать на бой, но всѣ попытки наши оставались безуспѣшными. Непріатель, укрѣпившись на своихъ позиціяхъ и укрывшись въ норкахъ своихъ, не показывался и окончательно притихъ. Отрядъ нашъ сталъ скучать отъ долговременной мирной стоянки. Не смотря на то, что по приказанію начальника Кобулетскаго отряда, дабы вызвать на бой непріятеля, производилось обстрѣливаніе съ 24-хъ и 9-ти фунтовыхъ орудій и частая бомбардировка г. Чурукеу, все-таки непріатель не трогался со своей позиціи, только ю выстрѣлу появлялись турецкіе броненосцы, открывая ии стрѣльбу противъ позиціи праваго нашего фланга, но ихъ снаряды не долетали, при томъ рѣдкій снарядъ разрывался, такъ какъ падали они въ болотистыхъ мѣстахъ. Начальникъ Штаба полковникъ Казбекъ почти ежедневно наблюдалъ въ подзорную трубу, какъ къ сторонѣ Цихидзири, такъ и города Чурукеу, причемъ замѣчалъ, что каждый день съ 8 часовъ утра выѣзжаютъ нѣсколько кавалерійскихъ сотенъ изъ

города Чуруксу на поляну, расположенную между правым флангом нашего расположения и городом Чуруксу, производят кавалерійское ученіе и по окончаніи къ 10 часамъ возвращаются обратно въ городъ.

Самая поляна, на которую непріятельскія кавалерійскія сотни выѣзжали для производства ученія, широкимъ и крутымъ оврагомъ дѣлится пополамъ такъ, что оврагъ этотъ тянется вдоль всей поляны до самаго паденія рѣки Кинтриши въ море. Съ правофланговой позиціи нашей эта поляна видна была очень хорошо, совершенно ровная и достаточно широкая, окруженная съ правой и лѣвой стороны лѣсомъ; лѣвая сторона мѣстами болотистая, такъ что на этой сторонѣ движеніе какъ пѣхоты, а тѣмъ болѣе кавалеріи было опасно; правая же сторона, шириною съ полъ-версты, тянется до самаго города Чуруксу. На этомъ же пространствѣ и производилось ученіе.

Полковникъ Казбекъ, желая захватить какънибудь сотни эти во время самаго ученія, призвалъ къ себѣ, къ Денибековскому кургану, командира дружины князя Гуріели къ тому времени, когда сотни должны были выступить изъ города Чуруксу и производить самое ученіе. Князь Гуріели явился къ назначенному времени на Денибековскій курганъ и тутъ дѣйствительно высмотрѣлъ выходъ сотенъ изъ города, движеніе на поляну и самое ученіе. Послѣ этого полковникъ Казбекъ предложилъ князю Гуріели какънибудь захватить эти сотни; на предложеніе князь Гуріели доложилъ, что завтра, т. е. 27 Ноября онъ переговоритъ съ кобулетцемъ Куршумомъ Чконія, которому хорошо

извѣстна вся мѣстность, и тогда вмѣстѣ съ нимъ предварительно посовѣтуется, какъ все устроить, чтобы непріятельскія сотни были бы захвачены въ плѣнъ. Полковникъ Казбекъ согласился, но приказалъ съ этимъ дѣломъ не медлить, хотя бы сегодня порѣшить окончательно. Князь Гуріели, получивъ приказаніе, въ тотъ же день подозвалъ къ себѣ кобулетца Куршума Чконія и передалъ ему желаніе полковника Казбека. Куршумъ Чконія, зная хорошо всю мѣстность, доложилъ князю Гуріели, что онъ беретъ на себя обязанность расположить секретъ на такихъ мѣстахъ, что неминуемо безъ выстрѣла будутъ сотни окружены и должны будутъ сдаться, только просилъ, дать ему всю 1-ю Гурійскую дружину, часть Грузинской дружины и немного русскихъ солдатъ, соблюсти полнѣйшую тишину и не поступить съ нимъ, какъ при взятіи Самебскихъ высотъ. О предложеніи кобулетца Куршума было въ тотъ же день, 26 ноября, доложено полковнику Казбеку. На 27 ноября было сдѣлано секретное распоряженіе, о чемъ было извѣстно только начальнику Кобулетскаго отряда и самому полковнику Казбеку. Составленъ сводный отрядъ изъ всей 1-й Гурійской дружины, 50 человѣкъ охотниковъ отъ 1-й Грузинской дружины и роты Ленкоранскаго полка подъ командою своего ротнаго командира поручика Рябинскаго, подъ общимъ начальствомъ ротмистра князя Гуріели, съ секретнымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія: Командиру 1-й пѣшей Гурійской дружины, 27 ноября въ 7 часовъ утра. Предписывается Вашему Сіятельству сегодня въ 4 часа по полудни съ ввѣ-

ПРАПОРЩИКЪ МИЛИЦІИ
СІО БЕРИДЗЕ.

ренной Вамъ дружиной выступить къ самому правому флангу нашего расположенія, къ занятой командиромъ 4 баталіона Ленкоранскаго полка полковникомъ Пригара позиціи; по прибытіи на мѣсто къ вамъ имѣютъ присоединиться: охотники Грузинской дружины и рота Ленкоранскаго полка, примите начальство и съ этимъ отрядомъ выступите предъ сумеркомъ, или когда найдете сами возможнымъ, отнюдь не замѣченнымъ и по Вашему усмотрѣнію расположите ввѣренный Вамъ отрядъ въ секретъ на самой полянѣ, что между городомъ Чуруксу и позиціею нашего праваго фланга. Цѣль дѣйствія вашего секретнаго отряда—захватить непріятельскія кавалерійскія сотни, которыя ежедневно, съ утра 8 часовъ, выступаютъ изъ города Чуруксу и производятъ на самой полянѣ ученіе. О времени выступления непріятельскихъ сотенъ будетъ служить сигналомъ одинъ орудіиный выстрѣлъ, въ случаѣ будутъ произведены два выстрѣла, то тогда съ кавалеріею выступаетъ и небольшая часть пѣхоты, съ которою, въ случаѣ боя, секретный отрядъ можетъ сражаться, чѣмъ и вызоветъ самый бой, какъ съ нашей стороны, такъ и съ турецкой. Въ случаѣ будутъ произведены три выстрѣла, одинъ за другимъ, то это будетъ предупрежденіемъ того, что вмѣстѣ съ кавалеріею выступаетъ большая часть непріятельской пѣхоты, противъ которой невозможно секретному отряду удержаться, тогда, не торопясь, спокойно, съ боемъ отходить и присоединиться къ частямъ, расположеннымъ у самаго праваго фланга къ колоннѣ полковника Пригары. Дабы преждевременно не быть секрету открытымъ, строго

соблюдать порядокъ и тишину“. Командиръ 1-й Гурійской дружины, получивъ это предписаніе, подозвалъ меня и самого кобулетца Куршума и, не давая знать даже своимъ сотеннымъ командирамъ и тутъ же посоветовавшись, приказалъ мнѣ разослать всемъ сотеннымъ командирамъ секретныя записки — быть къ 3-мъ часамъ 27 ноября готовыми къ выступленію; — куда и съ какою цѣлью не было сказано; при этомъ приказано было взять съ собою порціи мяса и сухарей на 3 дня.

Какъ было приказано, къ 3 часамъ вся 1-я Гурійская дружина была готова къ выступленію, въ 3^{1/2} часа подъѣхалъ командиръ дружины, вывелъ всю дружину и тутъ объявилъ сотеннымъ командирамъ куда выступаютъ и цѣль самого выступленія; при этомъ приказалъ держать въ секретѣ даже отъ самихъ нижнихъ чиновъ, и объявить каждому только по приходѣ на мѣсто, но ни въ какомъ случаѣ раньше. Въ 4 часа пополудни 1-я пѣшая Гурійская дружина выступила къ правому флангу нашего расположенія и въ 5 час. прибыла къ позиціи 4-го баталіона Ленкоранскаго полка въ распоряженіе полковника Пригары, куда согласно предписанія подошли охотники Грузинской дружины, числомъ 50 человекъ и рота Ленкоранскаго полка. По приказанію полковника Пригары всему отряду былъ данъ чай и ужинъ. Въ 6 часовъ, имѣя 4 проводниковъ, во главѣ Куршума Чконія, отрядъ, подъ начальствомъ ротмистра князя Гуріели, выступилъ совершенно незамѣченнымъ, въ 7 часовъ вечера пришелъ на мѣсто, указанное кобулетцемъ и въ лѣсу

незамѣтно расположился на отдыхъ и тутъ же всѣмъ чинамъ до послѣдняго рядового была передана цѣль секретнаго отряда и всѣ были предупреждены въ строгомъ соблюденіи службы секрета. Кобулетецъ Куршумъ Чконія сначала самъ лично повелъ охотниковъ Грузинской дружины и расположилъ у самага входа на поляну въ лѣсу съ лѣвой стороны оврага, оставивъ всю поляну открытой для пропуска мимо себя на поляну непріятельскихъ сотенъ, чтобы ничего не предпринимая дать возможность войти въ самую глубь поляны; затѣмъ вернулся назадъ, взялъ сотню Гурійской дружины и посадилъ ее по правой сторонѣ оврага также у самага края лѣса, фронтомъ также къ сторонѣ подхода непріятельской кавалеріи, на одной высотѣ съ охотниками Грузинской дружины; затѣмъ усадилъ и роту Ленкоранскаго полка сзади Гурійской сотни, также у окраины лѣса. Правая сторона оврага, какъ болѣе открытая, не болотистая, и потому секретъ на ней былъ усиленный. Всѣмъ имъ отдано было приказаніе отнюдь не стрѣлять и сохранять сколько возможно строгую тишину, не разводить огня и только пропустить мимо себя непріятельскія кавалерійскія сотни. Сотеннымъ и ротнымъ командирамъ передано было, что обозначаютъ орудійные выстрѣлы, кои будутъ произведены съ утра. По сигналу горниста приказано было секрету немедленно окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ, а въ особенности сторону выхода обратно съ поляны и этимъ загородить выходъ непріятельской кавалеріи. 3 сотни Гурійской дружины расположилъ сзади въ резервѣ, которыя по сигналу

должны были немедленно окружить кольцомъ непріятеля. Самъ командиръ дружины со мною и съ кобулетцемъ Куршумомъ находился при 3-хъ сотняхъ. Помимо пѣхотной части, расположенной въ секретѣ, князь Гуріели былъ предупрежденъ, что рано утромъ, предъ самымъ разсвѣтомъ, будутъ высланы 2 сотни казаковъ, которыя расположатся сзади всего секрета и которыя должны быть незамѣченными противникомъ, вошедшимъ на поляну; въ случаѣ неудачи захвата секретомъ турецкой кавалеріи, она принуждена будетъ повернуть назадъ, и тутъ на обязанность казачьихъ сотенъ возлагалась нагнать и остановить убѣгающую турецкую кавалерію.

Къ 9 часамъ ночи все расположеніе секрета было закончено такъ, что ни откуда секретъ не могъ быть виденъ, самъ же секретъ могъ видѣть всю поляну, на которую должна была войти турецкая кавалерія. Вообще расположеніе секрета было весьма удачное и умѣлое, ожидалось только самое исполненіе задуманной задачи.

Секретный отрядъ въ такомъ расположеніи переночевалъ подъ открытымъ небомъ, въ холодномъ, при томъ въ сыромъ мѣстѣ, цѣлую ночь бодрствовалъ въ полной готовности къ ожиданію. Всѣ до самаго послѣдняго рядового съ нетерпѣніемъ ждали времени вступленія непріятельскихъ кавалерійскихъ сотенъ; всѣ поголовно притихли и не слышно было ни единого звука. Лошадей, даже обоза при секретѣ не было, такъ какъ въ нихъ не представлялось надобности. Командиръ дружины былъ предупрежденъ, чтобы на всякій

случай находится въ готовности, у праваго фланга Кобулетскаго отряда, часть отряда -- подъ начальствомъ Полковника Пригары.

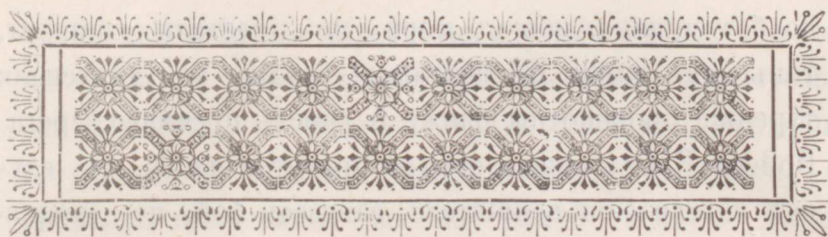
Какъ было рѣшено, дѣйствительно, 28-го ноября, въ 8-мь часовъ утра, раздался со стороны Денибековскаго кургана одинъ орудійный выстрѣлъ, что было знакомъ обычнаго выступленія непріятельскихъ сотенъ изъ г. Чурукеу на ученіе.

Вотъ какъ рассказывалъ вахмистръ 1-й сотни Гурійской дружины Глonti, который былъ посаженъ на такомъ мѣстѣ, откуда возможно было видѣть далеко. „Сначала показался первый разъѣздъ, который въѣхалъ на небольшую передъ поляной возвышенность; видно было хорошо 3-хъ всадниковъ, ѣдущихъ не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, одинъ изъ нихъ впереди, на золотой масти лошади, а два другихъ рядомъ сзади; затѣмъ, не доходя самой поляны, показался второй разъѣздъ, также изъ 3-хъ всадниковъ, въ разсыпномъ порядкѣ и эти два разъѣзда, какъ только вступили на самую поляну начали махать рукою, сзади ѣдущему 3-му разъѣзду, уже изъ 5-ти человекъ, а затѣмъ видно было движеніе и самихъ сотенъ“. Съ нашихъ двухъ казачьихъ сотенъ также было выслано нѣсколько разъѣздовъ, которые разъѣзжали взадъ и впередъ по всей полянѣ, заманивая непріятельскіе разъѣзды въ самую глубь поляны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя сотни. Разъѣзды, какъ съ одной стороны, такъ и съ другой, видятъ другъ друга хорошо, но самыхъ нашихъ сотенъ имъ видно не было, такъ какъ онѣ были укрыты лѣсомъ, отъ котораго

идутъ двѣ широкія дороги, на случай быстраго выхода на поляну и преслѣдованія отступающихъ непріятельскихъ сотенъ. Съ полчаса отрядъ былъ въ ожиданіи вступленія на поляну непріятельской кавалеріи, а разъѣзды находились уже на самой полянѣ. Какъ разсказывалъ тотъ же вахмистръ Глonti: „если бы онъ не былъ за оврагомъ, то турецкій разъѣздъ находился такъ близко, что онъ могъ бы схватить за узду лошадь, а разъѣздъ его не могъ видѣть“. Въ моментъ, когда сотни непріятельскія должны были заѣхать на самую поляну, съ секрета раздался ружейный выстрѣлъ, вслѣдъ за выстрѣломъ залпы за залпами. По первому выстрѣлу непріятельскій разъѣздъ не могъ сообразить откуда таковой раздался, но когда произведенъ былъ залпъ, то разъѣздъ повернулся назадъ, но почти всѣ всадники были уложены на мѣстѣ. Непріятельская кавалерія, услышавъ залпы, вмѣсто того, чтобы вступить на поляну, у самаго входа къ ней повернула назадъ и въ карьеръ отступила обратно въ Кобулетъ-Чурукеу. Наши 2 сотни пустились преслѣдовать ихъ почти до самого города, но безуспѣшно, не могли нагнать; дабы самимъ не попасться, вернулись ни съ чѣмъ назадъ, только подобрали съ убитыхъ и раненыхъ оружіе. И такъ, прекрасно обставленный секретъ, не выполнивъ весьма серьезной задачи, долженъ былъ отходить. Непріятель съ Цихисдзирскихъ позицій и съ самой крѣпости Цихисдзиры открылъ по Гурійцамъ сильный огонь; на морѣ показалось нѣсколько броненосцевъ, они также открыли стрѣльбу по нашимъ позиціямъ,

но безуспѣшно, ибо съ моря не долетали снаряды, такъ какъ наши 24 фунтовые орудія не допускали турецкіе броненосцы ближе 5 верстъ до самаго берега. Войска Кобулетскаго отряда приготавливались, въ случаѣ наступленія непріятеля, завязать бой, но непріятель не трогался съ своихъ позицій; артиллерійскій бой продолжался какъ съ нашей стороны, такъ и съ непріятельской. Началось со всѣхъ правофланговыхъ батарей, въ томъ числѣ съ 24 фунтовыхъ орудій, бомбардированіе г. Кобулеты, которое продолжалось двое сутокъ. Гурійцы, послѣ неудачной секретной службы, отошли на Муха-Эстате, а оттуда на старую стоянку, гдѣ имѣли частыя столкновенія съ Кобулетцами. 3 го и 5-го декабря Кобулетцы сдѣлали нападеніе на нашъ лѣвый флангъ, но были встрѣчены молодцами 1-й Гурійской дружины и отброшены съ большимъ урономъ и съ самою маленькою убылью со стороны Гурійцевъ. Съ 10 по 12 декабря продолжалась перестрѣлка противъ лѣваго фланга расположенія Кобулетскаго отряда, но, благодаря опять же Гурійцамъ, всѣ попытки кобулетцевъ захватить лѣвофланговые позиции остались безуспѣшными.

Къ 1-му января 1878 года 1-я пѣшая Гурійская дружина вошла въ составъ лѣвой колонны подъ начальствомъ командира 2-й Грузинской дружины маіора Джорджадзе.

Г л а в а VІІІ.

Второй штурмъ Цихидзирскихъ позицій 13 января 1878 года

Въ виду рѣшенія, въ главномъ дѣйствующемъ отрядѣ Азіатской Турціи, нанести окончательное пораженіе туркамъ, командующему войсками Приріонскаго края, генералу Оклобжію, Его Высочествомъ Главнокомандующимъ Кавказскою Арміею Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, было предписано, предпринять наступленіе къ сторонѣ Цихидзиры и штурмовать эту позицію. Съ этой цѣлью былъ командированъ генералъ Комаровъ, который къ концу декабря 1877 года прибылъ въ г. Озургеты и явился къ генералу Оклобжію.

Генералъ Оклобжію представилъ генералу Комарову полную самостоятельность въ дѣйствіяхъ Кобулетскаго отряда и съ своей стороны обѣщаль возможное содѣйствіе, и при этомъ сказалъ, что ко дню наступленія пришлетъ все, какія только имѣются въ Озургетѣ части, оставивъ при себѣ только взводъ пѣхоты и собственный конвой.

Въ первыхъ числахъ января 1878 года генераль Комаровъ прибылъ на Хуць-Убани въ штабъ Кобулетскаго отряда, принялъ начальство Кобулетскимъ отрядомъ отъ генераль-маіора Денибекова, которому приказано было состоять при штабѣ Кобулетскаго отряда.

Съ принятіемъ генераломъ Комаровымъ начальствованія Кобулетскимъ отрядомъ, началось усиленное приготовленіе второго штурма Цихидзирскихъ укрѣпленныхъ позицій. Прежде всего генераль Комаровъ объѣхалъ всѣ позиціи, занимаемыя войсками Кобулетскаго отряда, ознакомился съ впереди лежащей мѣстностью, высылалъ рекогносцировочные отряды по всѣмъ направленіямъ къ сторонѣ непріятеля. 1-я пѣшая Гурійская дружина еще болѣе усилила свои дѣйствія противъ кобулетцевъ: стала чаще тревожить ихъ. За три дня до наступленія всѣ войска Кобулетскаго отряда были сгруппированы на передовыхъ позиціяхъ, войсковыя части были вызваны даже съ резерва и города Озургеты: приказано было всей артиллеріи съ Муха-Эстате прибыть на Хуць-Убань; вообще всѣ, какія только были войска въ распоряженіи командующаго войсками въ раіонѣ Озургетскаго уѣзда сосредоточились въ дѣйствующемъ Кобулетскомъ отрядѣ.

Генераль Комаровъ ознакомившись съ общимъ положеніемъ, вполне убѣдился въ невозможности штурмовать Цихидзирскія укрѣпленія, но долженъ былъ исполнить рѣшеніе главнокомандующаго Кавказской арміей; при чемъ если бы и не удалось разбить Дер-

вишъ-пашу и овладѣть Цихисдзирами, то по крайней мѣрѣ штурмъ заставилъ бы его притянуть все свои войска къ себѣ и предотвратилъ бы высылку подкрѣпленія Мухтару-пашѣ и вообще въ дѣйствующія турецкія войска.

Наканунѣ наступленія, къ 7-ми часамъ вечера 18 января, въ штабъ Кобулетскаго отряда были вызваны все начальствующія лица, включительно до командировъ полковъ, отдѣльных баталіоновъ и командировъ батарей, на совѣщаніе. Въ числѣ начальниковъ частей былъ и командиръ 1-й Гурійской дружины ротмистръ князь Гуріели. На совѣщаніи все начальникамъ частей были розданы диспозиціи наступленія на 19 января. По окончаніи совѣщанія одинъ изъ командировъ батарей, расположенныхъ въ резервѣ на Муха-Эстате, было доложено слѣдующее: „Хотя нами еще за 3 дня получено приказаніе двинуться въ передовую линію, но, благодаря дурной погодѣ, дороги до того испорчены, что все орудія завязли и нѣтъ никакой возможности двигаться впередъ, и что эти орудія на полу-пути отъ Муха-Эстате на Хуцъ-Убанъ и врядъ ли подоспѣютъ занять передовую позицію и принять участіе въ бою“. Генераль Комаровъ, выслушавъ докладъ командира батареи, остался очень доволенъ и приказалъ, чтобы вся артиллерія къ 3-мъ часамъ утра непременно была бы готова на указанныхъ передовыхъ позиціяхъ, и что всякое замедленіе онъ будетъ считать неисполненіемъ приказанія; все тѣ командиры батарей, которые къ назначенному времени не придутъ

на позиціи подвергнуты соответствующему наказанію военного времени.

По диспозиціи Кобулетскій отрядъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Комарова, долженъ былъ наступать съ 3-хъ часовъ утра 19 января для овладѣнія Цихидзирскими позиціями тремя колоннами: первая—подъ начальствомъ генерала Шаликова, средняя—подъ начальствомъ генерала Денибекова и лѣвая—генерала Шелеметьева.

Въ составъ средней колонны вошли 2-й стрѣлковый баталіонъ, 1-й и 2-й баталіоны Закатальскаго полка, 1-й пластунскій баталіонъ и 1-я пѣшая Гурійская дружина.

Задачею средней колонны было—двигаться на самый центръ непріятельскаго расположенія, имѣя направленіе на Желтую батарею и овладѣть центральною непріятельскою позиціею и утвердиться на ней.

Согласно диспозиціи, средняя колонна въ 4 часа утра 19 января, имѣя во главѣ и вправо Пластунскій баталіонъ, влѣво—2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и всю Гурійскую дружину, переправилась черезъ рѣку Кинтриши подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и тутъ остановилась въ ожиданіи занятія генераломъ Шелеметьевымъ Столовой горы позицію влѣво. Въ 9 часовъ начали наступленіе, преодолевая мѣстные препятствія, какъ-то: овраги, лѣсъ. Шелъ сильный дождь со снѣгомъ, пришлось проходить по непролазной грязи и болотамъ; вслѣдствіе этого вся дружина разсыпалась по лѣсу и двигалась впередъ почти ощупью, тѣря часто командировъ, своихъ сотенъ; всѣ сотни

разошлись другъ отъ друга, безъ всякой связи, такъ что во все время наступленія на глазахъ у меня находилась только часть людей 1-й и 3-й сотенъ, а о нахожденіи 2-й и 4-й сотенъ мнѣ было неизвѣстно и только по предположенію онѣ должны были быть правѣ этихъ двухъ сотенъ. Люди блуждали въ лѣсу и выходили съ глазъ своихъ начальниковъ; въ такомъ положеніи продолжалось движеніе впередъ; перешли второе ущелье и рѣчку Кинтиши и вошли въ самую сферу непріятельскаго расположенія, преодолевая большія препятствія и терпя страшный уронъ отъ непріятельскаго огня. Наконецъ, съ самою рѣдкою цѣпью подошли къ передовымъ непріятельскимъ позиціямъ и тутъ, сильно утомленные и не въ силахъ продолжать дальнѣйшее движеніе впередъ, остановились съ тѣмъ, чтобы, отдохнувъ, снова продолжать дальнѣйшее движеніе.

Нѣсколько разъ сотни бросались съ крикомъ „ура“ впередъ на ложементы, но всякій разъ безуспѣшно; слышно было впереди, правѣ Гурійцевъ, какъ 2-й стрѣлковый баталіонъ съ крикомъ „ура“ бросался на передовыя укрѣпленія, но также безуспѣшно, хотя ими и были взяты нѣкоторые ложементы, но далѣе не было возможности двигаться, приходилось брать штурмомъ нѣсколько ярусовъ позицій непріятеля, преодолевать помимо мѣстныхъ препятствій и искусственныя, которыми приведены были въ оборонительное положеніе непріятельскія позиціи; стрѣлки десятками ложились на мѣстѣ; дружина также терпѣла значительный уронъ. Младшій офицеръ 2-й сотни, подпоручикъ

Беридзе, былъ раненъ, и его на своихъ плечахъ вынесъ изъ ложементъ вахмистръ 2-й сотни Антодзе.

Въ это самое время подходитъ ко мнѣ бравый представительный унтеръ-офицеръ Закатальскаго полка и докладываетъ, что съ 10-тью охотниками отдѣлился отъ своихъ охотниковъ и не можетъ отыскать начальника охотничьей команды офицера, при этомъ запыхаясь говорить мнѣ, что онъ съ охотниками уже былъ у самыхъ непріятельскихъ ложементовъ, и что онъ во чтобы не стало со своими охотниками бросится впередъ и овладѣетъ намѣченнымъ непріятельскимъ ложементамъ. Я спросилъ его фамилія, отозвался Леонтьевъ и тутъ же моментально не стало его около меня. Впослѣдствіи мнѣ случайно пришлось узнать, что онъ дѣйствительно съ этими 10-ю охотниками бросился на непріятельскій ложементъ, выбилъ оттуда его защитниковъ, но не имѣя ни откуда поддержки, были окружены непріателемъ и всѣ до единого были убиты на мѣстѣ, занятомъ въ ложементѣ.

Передовая боевая линія, не поддерживаемая резервомъ, долго оставалась на мѣстѣ, неся большой уронъ; наконецъ, по приказанію, принуждена была оставить взятые уже непріятельскіе ложементы и отступить и, дойдя до рѣки Кинтриши, остановиться и ожидать дальнѣйшаго приказанія. Согласно отданнаго приказанія, дружина безъ суеты начала отходить подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Мнѣ, какъ адъютанту, пришлось видѣть отходъ 1, 2 и 3 сотенъ, а гдѣ находилась 4-я сотня не могъ видѣть какъ при самомъ наступленіи, такъ и при отходѣ; по старой своей при-

вычкѣ сотня эта увлеклась быстрымъ своимъ движеніемъ впередъ. Сотенный командиръ кн. Микеладзе привелъ къ 3-мъ сотнямъ утомленныя роты гурійцевъ спустя часъ. На вопросъ мой: „Князь, гдѣ вы съ вашей сотней все время находились? Не видно было васъ съ самаго момента наступленія по настоящее время“. Поручикъ кн. Микеладзе отвѣтилъ мнѣ: „Сотня при входѣ въ лѣсъ, благодаря своему быстрому движенію въ разсыпную, разбрелась по всему лѣсу, имѣю только $\frac{1}{4}$ часть людей своей сотни; она вела сильную учащенную стрѣльбу, даже удалось овладѣть имъ ложементомъ непріятельскимъ; но когда случайно, черезъ охотника гурійца, я узналъ объ отходѣ назадъ всей дружины, то сколько возможно было собралъ людей моей сотни“. Дѣйствительно, нижніе чины 4-й сотни по одиночкѣ стали подходить къ своему сотенному командиру. Къ часу вся дружина была въ сборѣ на лѣвой стороны рѣки Кинтриши, имѣя сзади крутой берегъ рѣки.

Самый отходъ дружины совершался при дождѣ со снѣгомъ, при слякоти, такъ что нижніе чины принуждены были снять свою обувь и ноговицы и съ поднятыми шароварами по колѣно отходить и согласно приказанія, дружина остановилась по лѣвой сторонѣ р. Кинтриши, не переходя рѣку и, дабы понапрасну не терять уронъ отъ непріятельскаго огня, примѣнилась къ мѣстности, удерживая наступающаго непріятели. Турки по отходящимъ открыли болѣе учащенную стрѣльбу, какъ ружейную, такъ и орудійную и стали преслѣдовать, и у самой рѣки Кинтриши

завязалась сильная ружейная стрельба между гурійцами и наступающимъ непріятелемъ, который былъ остановленъ. Въ это самое время дано было знать, что начальникъ лѣвой колонны, генераль Шелеметьевъ, пораженный непріятельскою пулею, убитъ.

Спустя полъ часа къ занятой гурійцами позиціи прибылъ самъ начальникъ Кобулетакаго отряда генераль Комаровъ. Увидя меня, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Что, вы командуете дружиною?“ Я отвѣтилъ: „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, командиръ дружины ротмистръ кн. Гуріели, онъ изволить быть вотъ за тою высотой“, —указывая рукою къ самой рѣкѣ Кинтриши. Затѣмъ онъ снова обратился ко мнѣ: „А кто тамъ въ лѣсу стрѣляетъ?“ Я доложилъ: „Турки“. Генераль не повѣрилъ моему докладу, приказалъ поѣхать и лично убѣдиться. Во исполненія приказанія, я сѣлъ на своего Карабаха, поѣхалъ къ сторонѣ откуда доносилась стрельба, проѣхалъ съ версту, слѣзъ съ лошади, высмотрѣлъ изъ за лѣса и увидѣлъ турецкихъ солдатъ. Пріѣхавъ обратно, доложилъ генералу. Въ это время подошелъ начальникъ средней колонны генераль Денибековъ; увидя его, генераль Комаровъ обратился съ вопросомъ въ видѣ замѣчанія: „Вы, генераль, командуете цѣпью или колонною? Я полагаю вы должны управлять не цѣпью, а ввѣренною вамъ колонною, вотъ почему наше дѣло никогда не кончается съ успѣхомъ“. Генераль Денибековъ на замѣчаніе начальника Кобулетакаго отряда отвѣтилъ: „Часть, которою я командую, по силѣ возможности сдѣлала что могла, но не

поддерживаемая резервомъ, по неимѣнію его, не могла одною жидкою цѣпью овладѣть штурмомъ сильно укрѣпленными въ нѣсколько ярусовъ турецкими позиціями, хотя взяты были передовыя траншеи, а что я команду ввѣренной мнѣ колонною извѣстно мнѣ и моимъ подчиненнымъ, а гдѣ вы сами были только въ данный моментъ, знаемъ я и моя колонна“.

Послѣ такихъ объясненій генераль Комаровъ приказалъ генералу Денибекову удерживаться хоть на занятыхъ позиціяхъ и ожидать дальнѣйшаго его приказанія, самъ повелъ 1-й баталіонъ Ленкоранскаго полка и 2 сотни 2 й Гурійскій дружины для занятія промежутка между лѣвой и средней колоннами. Спустя часъ мимо дружины прошелъ обратно 1-й баталіонъ Ленкоранскаго полка, во главѣ съ командиромъ 1-й роты капитаномъ Абеловымъ онъ же командующій баталіономъ. Такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ мнѣ, я обратился къ нему: „Зачѣмъ возвращаетесь назадъ?“ Капитанъ Абеловъ сказалъ: „Приказано вернуться назадъ и у самой рѣки Кинтриши остановиться и ожидать приказанія и вотъ веду баталіонъ и не переходя рѣки останавливаю, прикроюсь отъ выстрѣловъ за крутымъ обрывомъ берега рѣки“.

Между тѣмъ дружина въ это время получила письменное приказаніе: „Дружинѣ отходить и быстро подняться на высоту Хуць-Убанъ и занять свое старое мѣсто и прикрыть, въ случаѣ надобности, отходящія части“. Дружина, получивъ приказаніе, незамѣтно снялась съ позиціи и подъ прикрытіемъ своихъ

МАЮРЪ КНЯЗЬ
Д. Б. ЧХЕИДЗЕ.

стрѣлковъ начала отходить. Командиръ 1-й роты Ленкоранскаго полка капитанъ Абеловъ, увидя, что дружина отходить, обратился ко мнѣ: „Куда вы уходите?“ Я отвѣтилъ: „Получено приказаніе отходить, — показывая записку, — и вамъ надо уходить, потому что послѣ насъ не будетъ ни одной части на этой сторонѣ рѣки и всѣмъ приказано занять прежнія свои позиціи“. Капитанъ Абеловъ на это отвѣтилъ: „Пока лично не получу приказаніе, баталіонъ не тронется съ мѣста“. Тогда я ему сказалъ: „Какъ вамъ будетъ угодно, но дружина должна исполнить приказаніе“.

Дружина продолжала отходить; сотни, поддерживая другъ друга, стали переправляться черезъ сильно разлившуюся рѣку; глубина доходила мѣстами до плечъ. Переправившись черезъ рѣку, дружина быстро поднялась и, какъ было приказано, стала на старой позиціи. Только что успѣла занять позицію, съ лѣвой стороны показались, по своему обыкновенію, кобулетцы съ цѣлью отбросить еще не устроившихся гурійцевъ; съ обѣихъ сторонъ завязалась сильная перестрѣлка, но гурійцы всякую попытку кобулетцевъ съ успѣхомъ отражали, даже, отбросивъ непріятеля, преслѣдовали до самой рѣки Кинтриши. Все это время 1 баталіонъ Ленкоранскаго полка стоялъ на мѣстѣ по лѣвой сторонѣ Кинтриши, укрытый за крутымъ оврагомъ; наконецъ, когда послѣднія части поднялись на самый Хуць-Убань, кто то доложилъ начальнику Кобулетскаго отряда о томъ, что 1-й баталіонъ, не получившій никакого распоряженія объ отходѣ, стоитъ на мѣстѣ и ждетъ приказанія.

Генераль Комаровъ, убѣдившись въ этомъ, приказалъ своему адъютанту отправиться съ приказаніемъ 1-му баталіону Ленкоранскаго полка отходить и присоединиться къ полку. 1-й баталіонъ Ленкоранскаго полка, получивъ приказаніе, сталъ отходить и въ то самое время, когда весь баталіонъ сталъ переправляться черезъ рѣку, турки, подойдя къ самому берегу рѣки, и увидя въ нѣсколькихъ шагахъ отходящихъ русскихъ, стали съ берега въ упоръ разстрѣливать и почти полъ баталіона, нѣсколько офицеровъ были ранены и убиты и унесены рѣкою, такъ что въ этомъ мѣстѣ рѣка была окрашена кровью убитыхъ и раненыхъ. Въ томъ числѣ былъ раненъ и командующій баталіономъ, командиръ 1 роты капитанъ Абеловъ въ плечо и былъ вынесенъ своими нижними чинами.

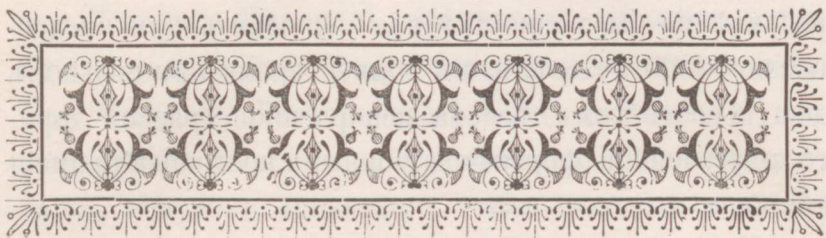
Не прошло и 2-хъ часовъ по занятіи всей Хуцъ-Убанской позиціи, какъ было заключено перемиріе. Этимъ закончилась военная исторія Гурійской дружины.

Считаю своею обязанностью по возможности ознакомить—какая была разница между первымъ и вторымъ штурмами Цихидзирскихъ позицій: безъ ошибки и съ увѣренностью могу сказать, что второй штурмъ былъ гораздо труднѣе перваго по времени года, по численности и перемѣнѣ начальствующихъ лицъ. Если при численности 25000 штыковъ, при значительно лучшей погодѣ и при хорошо знакомыхъ какъ съ людьми, такъ и съ самою мѣстностью прежнихъ начальствующихъ лицахъ невозможно было овладѣть Цихидзирскими укрѣпленными позиціями, то это

несомнѣнно было еще труднѣе исполнить при численности 10000 человекъ, въ зимнее время при сильномъ дождѣ со снѣгомъ, весьма испорченной грязной дорогѣ и усиленной фортификаціонными постройками линіи обороны.

Если генераль Денибековъ, любимецъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, начиная отъ послѣдняго рядового до генерала, при томъ самъ истинный несомнѣнный воинъ и въ высшей степени распорядительный, спокойный и храбрый, при большой численности войскъ и значительно лучшей погодѣ, благодаря неприступности непріятельскихъ позицій, не могъ овладѣть ими, не смотря на то, что всѣ части Кобулетскаго отряда, не щадя себя, какъ львы, рвались для овладѣнія позиціями, въ особенности доблестный, выдающійся 2-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, который нѣсколько разъ предпринималъ штурмъ и всякій разъ безуспѣшно, только десятками укладывалъ мертвыми на мѣстѣ храбрыхъ стрѣлковъ, то трудно было допустить, чтобы второй штурмъ могъ быть удачнымъ.

Второй штурмъ Цихидзирскихъ укрѣпленныхъ позицій былъ произведенъ 19-го января, не то что при морозѣ, а еще хуже—при сильномъ дождѣ со снѣгомъ, при невылазной грязи, слякоти, такъ что пѣхотнымъ солдатамъ, для болѣе удобнаго наступленія, приходилось снимать сапоги и двигаться босикомъ; гурійцы же благодаря легкости своей обуви—чусты съ наговицами,—не снимали, но и тутъ вся обувь пропитывалась водою и еще труднѣе было двигаться.

Глава IX.

Съ окончаніемъ войны съ Турціею все дружины и милиціонерныя части были расформированы, а также должны были распустить и 1-ю пѣшую Гурійскую дружину, но она была оставлена, какъ болѣе всехъ выказавшая за все время войны такія выдающіяся отличія, что удостоилась высокой Высочайшей награды Георгіевскаго знамени. Помимо этого признано было необходимымъ оставить гурійцевъ во вновь прибрѣтенныхъ пограничныхъ земляхъ, для занятія кордонной линіи, какъ части знакомой съ вновь покоренными мѣстностями и при томъ знакомой съ мѣстнымъ языкомъ, и по этому, по окончательномъ занятіи русскими Батумской области, 1-я дружина была назначена на смѣну регулярныхъ частей и она по распоряженію начальства заняла въ началѣ апрѣля мѣсяца 1878 г. болѣе выдающіеся пограничные пункты по лѣвой сторонѣ рѣки Чорохъ, начиная съ г. Артина до сел. Борчи въ слѣдующемъ порядкѣ: въ са-

момъ г. Артвинѣ 1-я и 2-я сотни и штабъ-квартира дружины, 3-я—въ 25 верстахъ впереди рѣки Чорохъ въ Макріалахъ и 4-я—въ сел. Борчхѣ, выставивъ отъ себя по полувзводу въ Ахалдабѣ и въ Мургульскомъ ущельѣ.

Къ концу ноября мѣсяца начальникъ Батумской области генераль Комаровъ, желая болѣе расширить русскую территорію въ занятыхъ гурійцами мѣстахъ, приказалъ командиру дружины назначить комиссію подъ личнымъ своимъ предѣдательствомъ или старшаго офицера дружины съ командою вооруженныхъ гурійцевъ произвести рекогносцировку впереди рѣки Чорохъ, пройти верстъ 30, выбрать мѣсто для постройки казармы хоть на одинъ баталіонъ или дружину. Съ этою цѣлью была сформирована команда охотниковъ въ числѣ 30 человѣкъ, подъ прикрытіемъ которой комиссія, состоящая изъ казначея, адъютанта подъ предѣдательствомъ завѣдывающаго хозяйствомъ маіора Чхеидзе, въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца 1878 года выступила изъ дер. Борчхи, прошла черезъ Мургульское ущелье и нѣсколько турецкихъ деревень, жители которыхъ съ удивленіемъ спрашивали другъ друга на грузинскомъ языкѣ; „что тутъ нужно, вѣдь эти мѣста не переданы русскимъ, а владѣетъ нашъ Палишахъ?“ И во все время нашего движенія впередъ, въ каждой деревнѣ толпами встрѣчали насъ и говорили одно и то же, наконецъ доѣхали до такого пункта, гдѣ нашли самое удобное мѣсто для постройки казармы, остановились, слѣзли съ лошадей и стали эту мѣстность подробно осматривать и мнѣ, какъ адъютанту,

пришлось снять планъ этой мѣстности. Жители деревень, догадавшись въ чемъ дѣло, толпами стали собираться, такъ что до 500 человекъ окружили насъ и стали требовать удалиться, въ противномъ случаѣ будутъ стрѣлять въ насъ и силою выгонять; при этомъ говорили, что тутъ не мѣсто вамъ, а ваше мѣсто до рѣки Чороха. Комиссія, видя сильное сопротивленіе со стороны вооруженныхъ жителей и не въ силахъ противустоять окружавшей ее толпѣ, которая все болѣе и болѣе увеличивалась, принуждена была удалиться и ни съ чѣмъ возвратиться обратиться въ Борчху. Сотни остались на зимнихъ квартирахъ до самаго апрѣля мѣсяца: на мѣстахъ прежняго своего расположенія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года было получено распоряженіе отъ начальника Батумской области: „дружинѣ оставить Артвинъ, передать городъ 1-му пластунскому баталіону, передвинуться ближѣ къ Борчхѣ, имѣя въ этой деревнѣ двѣ сотни и штабъ-квартиру, а остальные двѣ сотни по кордонной линіи до сел. Ахалдаба“. Согласно новаго распоряженія, 1-я и 4-я сотни заняли сел. Борчху, 3-я сотня осталась въ Макріалахъ, а 2-я сотня въ Мургульскомъ ущельѣ, выставивъ отъ себя команду въ Ахаллаба и впереди по Мургульскому ущелью. Жители были возмущены и противъ такого распоряженія, но благодаря начальника участка извѣстнаго умнаго, вліятельнаго аджарца Мамедъ-Бега, умѣвшаго убѣдить жителей въ вѣрности занятія русскими границъ, было спокойно и ничего не заявляли противъ занятія этихъ пунктовъ.

Еще съ января мѣсяца 1879 года стали поговаривать въ дружинѣ о смѣнѣ командира дружины ротмистра князя Гуріели; наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ этотъ слухъ осуществился: Ротмистръ князь Гуріели съ производствомъ въ штабъ-офицеры былъ уволенъ и вмѣсто его былъ назначенъ 162 го пѣхотнаго Ахалцихскаго полка подполковникъ князь Нижерадзе (Ермоложъ), которому сдалъ дружину маіору Чхеидзе, такъ какъ князь Гуріели былъ въ Озургетѣ и не пожелалъ принять участіе въ сдачѣ дружины и передалъ завѣдывающему хозяйствомъ маіору Чхеидзе, при моемъ участіи, какъ адъютанта дружины.

Въ половинѣ апрѣля мѣсяца 1879 года новымъ командиромъ дружины былъ отданъ приказъ по дружинѣ: „Сего числа вступивъ въ командованіе 1-й пѣшей Гурійской дружиной, предписываю всѣмъ чинамъ дружины по всѣмъ дѣламъ, касающимся службы, обращаться ко мнѣ, маіору Чхеидзе и дружинному адъютанту Поручику кн. Макаеву, приготовить все дѣла и имущество къ сдачѣ и приему“.

Къ сдачѣ дружины наличный составъ ея въ сотняхъ почти на половину уменьшился въ виду того, что бывшимъ командиромъ дружины, безъ разрѣшенія высшаго начальства, были многіе распущены сейчасъ же по заключеніи мира въ отпускъ, изъ котораго уже не возвращались, отказываясь продолжать службу, такъ какъ имъ поставили въ условіе и сами они заявили при поступленіи на службу, что выходятъ на службу только на случай войны. Большинство ушедшихъ были кавалеры знака отличія военнаго ордена. Помимо

ушедшихъ почти вся дружина заявляла о нежеланіи болѣе продолжать службу и просила уволить. Командиръ дружины зналъ, что съ увольненіемъ всѣхъ дружинниковъ посты останутся не занятыми, о чемъ неоднократно доносилось начальнику Батумской области генералу Комарову, но все таки долго не дѣлалось никакого распоряженія; наконецъ, къ концу апрѣля командиръ дружины князь Нижерадзе получилъ предписаніе слѣдующаго содержания: „Съ полученіемъ сего предписываю Вашему Сіятельству немедленно выѣхать въ г. Озургеты для набора добровольцевъ желающихъ поступить на службу въ Гурійскую дружину на смѣну старыхъ милиціонеровъ; взять съ собою дружиннаго адъютанта; при этомъ предписано господину Озургетскому уѣздному начальнику оказывать вамъ содѣйствіе въ наборѣ желающихъ поступить на службу“.

Съ полученіемъ предписанія командиръ дружины прежде всего объѣхалъ со мною всѣ сотни дружины по постамъ для принятія опроса и претензій. Въ каждой сотнѣ по численности оказалось въ среднемъ не болѣе, какъ по 70 человѣкъ, остальные были распущены; изъ оставшихся никто претензій не заявилъ, а просили отпустить ихъ по домамъ, при этомъ говорили слѣдующее: „Ваше Сіятельство, мы съ большимъ удовольствіемъ пожелали, поголовно цѣлый Озургетскій уѣздъ съ малаго до большого, поступить на службу только на время войны, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи войны были бы освобождены, а вотъ проходить около года и мы все же продолжаемъ служить на кордонѣ; большинство изъ нашихъ, которые получили награды,

кресты и медали, уволены, а не получившіе никакой Царской награды за свою боевую службу Царю и Отечеству остались служить; жены и дѣти оставлены дома безъ присмотра, терпятъ голодъ и холодъ, просимъ освободить“. Командиръ дружины поблагодарилъ ихъ за ихъ боевую службу и сказалъ имъ: „Молодцы гурійцы, вы показали себя такими героями за все время войны и вѣрными слугами Царя и дорогого намъ Отечества, что вы удостоились Высочайше дарованной награды—Георгіевскаго знамени,—коего не достаивались даже старые русскіе полки. Подъ такою высокою Царскою наградой послужите, пока не придетъ вамъ смѣна. Вотъ я ѣду въ вашъ Озургетскій уѣздъ набирать молодыхъ милиціонеровъ, получите разрѣшеніе и мы васъ съ честью отпустимъ. Мнѣ не желательно поставить подъ эту высокую награду другую націю, а желательно только однихъ гурійцевъ, какъ ими заслуженную, я же съ своей стороны постараюсь какъ можно скорѣе замѣнить васъ вашими братьями гурійцами. За какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ не портите свою честную и добросовѣстную прошедшую службу, много терпѣли и потерпите еще“. При этомъ командиръ дружины пречелъ предписаніе начальника Батумской области о наборѣ молодыхъ милиціонеровъ.

Все сотни, послѣ рѣчи командира дружины, изъявили полную свою благодарность за дарованную высокую честь служить подъ заслуженнымъ ими Георгіевскимъ знаменемъ и вмѣстѣ съ симъ просили пожалѣть ихъ и ихъ семейства, оставленные на произволъ судьбы безъ присмотра; при этомъ заявили

также, что бывший командиръ дружины поступилъ съ ними крайне несправедливо: „всѣхъ награжденныхъ отпустилъ, а насъ задержалъ, вотъ теперь, надѣясь на милость вашего сіятельства, мы также дождемся освобожденія и пока насъ не замѣнятъ, мы ни въ какомъ случаѣ не оставимъ службу“.

По приѣмѣ дружины и объѣздѣ всѣхъ постовъ, согласно предписанія военнаго губернатора Батумской области генерала Комарова, командиръ дружины, подполковникъ князь Нижерадзе, взявъ меня съ собою, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1879 года выѣхалъ въ г. Озургеты, для набора охотниковъ гурійцевъ.

7-го мая прибыли въ Озургеты и въ этотъ же день пригласили къ себѣ озургетскаго уѣзднаго начальника барона Гейкина, который также долженъ былъ быть снабженъ предписаніемъ отъ Батумскаго губернатора. Хотя баронъ Гейкинъ по приглашенію немедленно прибылъ, но у него не оказалось предписанія. Прочитавъ предписаніе къ командиру дружины, онъ изъявилъ согласіе содѣйствовать набору и вмѣстѣ съ симъ высказался, что врядъ ли найдутся желающіе охотники поступить на службу, тѣмъ болѣе еще, что бывшимъ командиромъ дружины княземъ Гуріели разосланы урядники, служившіе съ нимъ и награжденные знакомъ отличія военнаго ордена, уговаривать не поступать на службу, устрашая ихъ тѣмъ, что съ ними будутъ обходиться нехорошо: плохо будутъ кормить, жалованье будутъ давать какъ русскимъ солдатамъ, а впослѣдствіи ихъ пошлютъ въ Россію въ ряды русскихъ полковъ и т. п. Несмотря на все это,

во исполненіе предписанія, уѣздный начальник баронъ Гейкинъ разослалъ приказъ черезъ приставовъ по всеѣмъ обществамъ Озургетскаго уѣзда о сборѣ въ канцеляріяхъ каждаго общества отдѣльно, съ указаніемъ времени самого сбора.

15-го мая къ 11 часамъ утра командиръ дружины и я, совмѣстно съ начальникомъ уѣзда, прибыли въ Шемокмедское общество, гдѣ въ канцеляріи общества дѣйствительно были въ сборѣ нѣсколько десятковъ крестьянъ большинство старики, мало молодыхъ людей.

Начальникъ уѣзда баронъ Гейкинъ подозвалъ всеѣхъ къ себѣ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Братья Гурійцы, по волѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора за выдающіяся боевыя заслуги въ войнѣ съ Турціею 1-я пѣшая Гурійская дружина какъ награжденная Всемилоствѣйшею Высочайшею высокою рѣдкою наградою — Георгіевскимъ знаменемъ, не расформирована, какъ все остальные дружины, но участники войны — дѣти и братья ваши, утомились служить и требуется имъ смѣна вами же, Гурійцами; вотъ съ этою цѣлью, дабы существовала бы эта доблестная дружина, приказано командиру дружины, который изволитъ стоять предъ вами, набрать изъ вашихъ, безъ примѣси прочихъ національностей, охотниковъ на смѣну старыхъ милиціонеровъ, для несенія кордонной службы во вновь покоренныхъ мѣстахъ, гдѣ вамъ прійдется имѣть столкновенія съ пограничными жителями турками и также придется отличаться,

какъ отличались въ дѣйствительной войнѣ и также будете награждаться крестами и медалями. Служба не тяжелая, содержаніе такое же, какое и было за время войны*.

Затѣмъ высказался самъ командиръ дружины, кн. Нижерадзе, на грузинскомъ языкѣ: Гурійцы, я считаю себя весьма счастливымъ, что по Высочайшему повелѣнію Государя Императора удостоился быть начальникомъ такой части, какъ 1-я Гурійская дружина, которая за все время войны показала себя доблестными героями, съ гордостью принимаю эту славную боевую дружину, заслужившую самую высокую награду—Георгіевское знамя, что трудно дается даже настоящимъ русскимъ полкамъ. Подъ эту высокую награду мнѣ желательно имѣть воиновъ только изъ гурійцевъ, безъ всякой другой національности. Я могъ бы во всякое время набрать изъ настоящихъ грузинъ, имеретинъ и мингрельцевъ, но мнѣ нежелательно подъ дарованную вамъ высокую награду—Георгіевское знамя поставить другихъ. Предлагаю желающимъ явиться записаться у адъютанта“. Посрединѣ площади былъ поставленъ столъ. Старшина Шемокмедскаго общества вызывалъ желающихъ; по вызову изъявили желаніе два молодыхъ челоѡка и тѣ съ большими физическими недостатками: одинъ слѣпой на одинъ глазъ, а другой хромоі. Командиръ дружины, видя, что нѣтъ желающихъ, приказалъ мнѣ разузнать причину. Я подходилъ почти къ каждому отдѣльно и спрашивалъ, почему отказываются поступить на службу. Почти все заявили,

что ихъ предупредили не поступать, устрасая тѣмъ, что возмуть въ солдаты и отправить въ Россію, содержание будетъ отпускаться такое же, какъ обыкновенному пѣхотному русскому солдату. Я ихъ увѣрилъ, что ничего подобнаго не можетъ быть, что ихъ содержание будетъ такое же самое, какое получали въ военное время, послужать каждый два года и затѣмъ отпустить домой, если же пожелаютъ продолжать службу, снова примуть на другія два года. „Вѣрите мнѣ, я васъ надувать не стану, все что говорить вамъ—неправда“. Собравшіеся старики, выслушавъ мною имъ переданное, отнеслись съ довѣріемъ ко мнѣ и высказались такъ: „Мы вамъ вполнѣ довѣряемся; гурійскій народъ знаетъ васъ очень хорошо, приведемъ своихъ дѣтей и братьевъ въ Озургеты и тамъ запишемъ на вѣрность службы Царю.“

Такъ окончился наборъ въ Шемокмедскомъ обществѣ.

На слѣдующій день наборъ начался въ Двубзускомъ обществѣ; тамъ также желающихъ оказалось не болѣе 5-ти человѣкъ и всѣ они записались; такимъ образомъ объѣхали нѣсколько обществъ, всего набрали не болѣе 100 человѣкъ, которымъ было приказано черезъ 5-ть дней явиться въ Озургеты. Въ Чахатаурскомъ обществѣ во время самого набора командиръ дружины получилъ предписаніе военного губернатора Батумской области, слѣдующаго содержания: „Жители, расположенные по лѣвой сторонѣ рѣки Чорохъ, производятъ нападеніе на посты, занятые ввѣренной вамъ дружиной, съ цѣлью удаленія съ этихъ постовъ въ

томъ предположеніи съ ихъ стороны, что русскимъ постами не мѣсто по лѣвой сторонѣ рѣки Чорохъ, а лишь не переходя рѣку по всей правой сторонѣ, а потому предписывая съ полученіемъ сего немедленно выѣхать въ штабъ-квартиру въ сел. Борчху, принять всѣ возможныя мѣры къ недопуску названныхъ жителей; передайте наборъ своему адъютанту“. Командиръ дружины, съ полученіемъ предписанія, прекратилъ продолжать наборъ и совмѣстно со мною выѣхалъ изъ сел. Чахатауры въ г. Озургеты, откуда на другой же день выѣхалъ, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, и въ этотъ же день къ вечеру пріѣхалъ въ сел. Борчху. Дѣйствительно, въ отсутствіе командира дружины жители, расположенные по лѣвой сторонѣ рѣки Чорохъ, поголовно вооружились и производили нападеніе съ цѣлью удаленія сотенъ Гурійской дружины съ занятыхъ постовъ, но всякій разъ были отбиваемы; производились частыя одиночныя перестрѣлки, на постахъ со стороны дружины были раненые, и самъ командиръ 4-й сотни, поручикъ кн. Микеладзе (Парсаданъ), былъ контуженъ въ голову. Съ пріѣздомъ командира дружины прекратилось со стороны турокъ нападеніе, хотя долгое время не переставали изрѣдка беспокоить кордонные посты.

Цѣлый май и іюнь мѣсяцы 1879 года продолжался наборъ, по вызову въ самый городъ Озургеты молодыхъ людей, желающихъ поступить на службу и за это время явилось 300 человекъ вполне способныхъ для службы. Объ успѣхѣ набора всякій разъ мною доносилось командиру дружины. Во время самага

набора получилъ предписаніе командира дружины о высылкѣ сколько есть набранныхъ молодыхъ людей, а вмѣстѣ съ симъ продолжать наборъ. Согласно предписанія 10-го іюня выслалъ всѣ 300 человѣкъ, подъ командою вахмистра 1-й сотни Глonti, при помощи нѣсколькихъ урядниковъ, а еще 150 человѣкъ, уже записанныхъ, въ половинѣ іюня привелъ съ собою. По пріѣздѣ моемъ всѣ прибывшіе молодые милиціонеры были, согласно приказа по дружинѣ, разбиты поровну по 4-мъ сотнямъ, такъ что на смѣну старыхъ милиціонеровъ поступило всего 450 человѣкъ, что было вполнѣ достаточно для занятія всѣхъ постовъ по кордонной линіи, о чемъ было допесено военному губернатору Батумской области и вмѣстѣ съ симъ испрашивалось разрѣшеніе объ освобожденіи старослужащихъ. Въ ожиданіи разрѣшенія, командиръ дружины не отпускалъ милиціонеровъ; между тѣмъ разрѣшеніе долго не получалось; тогда 1-я и 4-я сотни по приводѣ первой партіи 300 человѣкъ, черезъ своихъ вахмистровъ просили командира дружины отпустить, что они болѣе не въ силахъ продолжать службу и просятъ принять отъ нихъ казенное имущество.

Командиръ дружины, выслушавъ отъ вахмистровъ заявленіе 1-й и 4-й сотенъ, собралъ эти двѣ сотни и объявилъ имъ, что безъ разрѣшенія высшаго начальства онъ не вправѣ отпустить ихъ и что каждый день ждетъ разрѣшенія, какъ только получится—одного дня не будутъ задерживать ихъ и они будутъ распущены съ почестью домой; при этомъ сказалъ

имъ, что на этихъ дняхъ прїѣдетъ адъютантъ кн. Макаевъ и съ нимъ еще 150 молодыхъ милиціонеровъ и тогда все рѣшится относительно вашего отпуска, а если вы уйдете самовольно, то, во-первыхъ, будете сильно законовъ наказаны, какъ бѣглецы, а во-вторыхъ, вся ваша доблестная и честная служба запачкается, а потому совѣтую еще нѣсколько дней повременить и вы уѣдете съ честью и славою. На предложеніе командира дружина высказалась, что они готовы дожидаться адъютанта кн. Макаева и тогда убѣдительно просить отпустить.

Въ половинѣ іюня мѣсяца съ 150-ю молодыми милиціонерами прибылъ я и представился командиру дружины. Командиръ, какъ только увидѣлъ меня, тутъ же предупредилъ о желаніи старыхъ милиціонеровъ самовольно оставить посты, о чемъ заявили 1-я и 4-я сотни, а потому предложилъ мнѣ пойти къ сотнямъ и уговорить ихъ ждать разрѣшенія начальства и ни въ какомъ случаѣ безъ разрѣшенія не оставлять своего поста. Выслушавъ командира дружины о намѣреніи старо-служащихъ милиціонеровъ, я немедленно пошелъ къ нимъ; увидя меня, вся 4-я сотня, какъ бывшая моя сотня, окружила меня и все поголовно въ одинъ голосъ обратились ко мнѣ со слѣдующими словами: „Ваше сіятельство, мы наконецъ дождались вашего прїѣзда, единственная надежда на васъ, что вы выхлопочите у командира дружины освободить насъ; намъ необходимо идти на помощь къ семьямъ своимъ, пожалуйте насъ и не держите“. Я на просьбу ихъ противъ ожиданія отвѣтилъ такъ

„Братья гурійцы, мы не вправѣ васъ отпустить безъ разрѣшенія высшаго начальства, о чемъ на дняхъ получите приказъ, и вотъ доносимъ о прибытіи на смѣну вашу, не пройдетъ и недѣли, какъ вы все будете отпущены“.

На мое предложеніе вся сотня высказала окончательное рѣшеніе, что ими уже наняты на завтра каюки, просятъ принять съ утра завтрашняго дня ружья и все казенное имущество, въ противномъ случаѣ уѣдутъ съ ружьями и тогда что хотятъ, то съ ними и дѣлаютъ. „Мы болѣе не можемъ терпѣть, почти круглый годъ все общаете отпустить, на васъ надѣялись, но и вы намъ отказываете“. Я имъ послѣдній разъ сказалъ—не дѣлать этого на срамъ всего гурійскаго народа: „Какъ вамъ будетъ угодно, я доложу командиру дружины о вашемъ незаконномъ рѣшеніи“. Послѣ долгихъ уговоровъ, я явился къ командиру дружины и доложилъ объ окончательномъ рѣшеніи этихъ двухъ сотенъ. Командиръ не соглашаясь съ моимъ докладомъ, изволилъ высказаться такъ: „Какъ они смѣютъ, за оставленіе своего поста будутъ сильно наказаны и примѣнять къ нимъ законъ военнаго времени“.

На другой день въ семь часовъ утра вахмистръ 1-й сотни Глonti доложилъ мнѣ, что 1-я и 4-я сотни, несмотря на мои уговоры, вышли съ ружьями и патронными сумками предъ своими казармами и потребовали принять оружіе и снаряженіе. Убѣдившись въ правильности доклада вахмистра, я немедленно доложилъ командиру дружины, а самъ вышелъ къ

сотнямъ съ цѣлью уговорить вернуться обратно въ казарму и вслѣдъ за мною подошелъ и командиръ дружины и скомандовалъ имъ разойтись по своимъ казармамъ, а главарямъ бунта выйти впередъ; вышли 5 человѣкъ и доложили, что они все безповоротно рѣшили уйти и вотъ у нихъ наготовѣ каюки. Командиръ дружины приказалъ арестовать этихъ 5 человѣкъ, но сотни поголовно все, съ шумомъ, требовали не арестовывать, ибо они все являются виновными, командиръ дружины все-таки приказалъ арестовать; сотни повернулись назадъ съ ружьями и на нашихъ глазахъ сѣли на каюки и поѣхали по рѣкѣ Чороху; къ 3-мъ часамъ эти двѣ сотни прибыли въ Батумъ и вступили въ городъ съ пальбою и въ присутствіи множества собравшагося народа и военного губернатора высадились на берегъ. Выстроились въ полномъ порядкѣ и старшій изъ нихъ доложилъ, что они безъ разрѣшенія оставили посты, переданные вновь приведеннымъ на смѣну молодымъ милиціонерамъ а сами они уходятъ домой на помощь семействамъ своимъ, погибающимъ съ голоду. Начальникъ Батумской области приказалъ принять отъ нихъ оружіе и снаряженіе и приказалъ продержатъ нѣсколько дней для разбора дѣла и полученія донесенія командира дружины.

Разобравши въ чемъ дѣло и найдя, что гурійцы хотя не вправѣ были оставить посты свои, но принимая во вниманіе неоднократное ихъ заявленіе объ освобожденіи и то, что они прекрасно несли службу сверхъ времени, даннаго ими условія, что послѣ

войны желающіе будутъ распущены, то приказалъ освободить ихъ и тѣхъ зачинщиковъ главарей, которые были арестованы командиромъ дружины.

Взамѣнъ распущенныхъ старо служащихъ посты заняты были частью старо служащими, изъявившими желаніе продолжать службу и частью вновь прибывшими молодыми милиціонерами; о зачисленіи ихъ по сотнямъ составленъ былъ списокъ и отданъ окончательный приказъ по дружинѣ. Я, какъ адъютантъ, закончивъ все дѣла дружины, просилъ командира дружины дать мнѣ отпускъ. Въ это время пріѣхалъ въ дружину подпоручикъ 162 пѣхотнаго Ахалцхскаго полка Думбадзе (Николай), заранѣе намѣченный подполковникомъ княземъ Нижерадзе въ принятіи его въ дружину на должность дружиннаго адъютанта, о чемъ мнѣ не было извѣстно; когда же я въ началѣ іюля попросилъ отпускъ, то командиръ дружины разрѣшивъ мнѣ, приказалъ сдать должность адъютанта и заявилъ, что я приму сотню. Я за его распоряженіе, безъ предупрежденія меня заранѣе, поблагодарилъ командира дружины и при этомъ доложилъ, что „все готово въ дружинѣ, все строевое дѣло приведено въ полный порядокъ, пусть приметъ вашъ новый адъютантъ, а мнѣ за понесенные мною труды въ дружинѣ разрѣшите на родину; затѣмъ пріѣду или не пріѣду—будетъ дѣло мое, пока прошу дать отпускъ. Я въ этой дружинѣ все, что возможно хорошаго, по долгу службы и присяги сдѣлалъ, пусть послужатъ вашему сіятельству другіе“. И такъ, согласно даннаго мнѣ отпуска, я въ половинѣ іюля мѣсяца 1879 года, сдавъ долж-

ность адъютанта, выѣхалъ и болѣе въ дружину не возвращался.

Далѣе о службѣ дружины мнѣ неизвѣстно.

Знаю только, что въ послѣдствіи постигло эту доблестную, боевую, награжденную молодую часть высокой выдающейся, какъ рѣдкость, наградой — Георгіевскимъ знаменемъ — дружину, которая несмотря на такія заслуги, какъ бы въ наказаніе, была окончательно расформирована, въ одно время со старой 1-й Грузинской дружиной, существующей болѣе полувѣка. Эти двѣ дружины: 1-я Грузинская и 1-я Гурійская, настолько выказали себя своими боевыми дѣйствіями достойными слугами Царя и Отечества, что ни въ какомъ случаѣ не подлежали столь суровому наказанію. Я съ своей стороны священнымъ долгомъ считаю заканчивая свои записки, высказаться, что не расформировавъ эти двѣ выдающіяся доблестныя части, положеніе дѣла мирнаго времени было бы болѣе благопріятное. Разъ они находились на службѣ подъ такую высокую награду, какъ Георгіевское знамя, то и самолюбіе ихъ не позволило бы, при какихъ бы обстоятельствахъ не находились, измѣнить данной присягѣ служить вѣрою и правдою Царю и Отечеству; опять повторяю при болѣе вѣрныхъ ихъ начальникахъ, хотя бы подъ начальствомъ чисто русскихъ офицеровъ, что я замѣтилъ во время службы, съ какимъ уваженіемъ и любовью гурійцы и грузины относились къ назначаемымъ къ нимъ отъ другихъ частей офицерамъ, и наоборотъ съ полнымъ недоувѣріемъ и нелюбовью къ своимъ гурійскимъ офицерамъ. Смѣло

и ничуть не ошибаясь говорю, что подъ начальствомъ инструкторовъ офицеровъ, назначенныхъ съ постороннихъ частей, ничто не поколебало бы во всякое время исполненіе честной и безукоризненной службы. Часто мнѣ приходилось слышать впослѣдствіи, во время моей службы въ полку, какъ знакомые мнѣ гурійцы высказывали свое неудовольствіе по поводу уничтоженія дружины. Разъ въ 1901 году, мнѣ пришлось по распоряженію командира 65 резервной бригады, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ поѣхать въ г. Озургеты для разбора одного офицерскаго дѣла и меня встрѣтили служившіе во время турецкой войны старые гурійцы съ Георгіевскими крестами, которые въ разговорахъ со мною высказывали свое неудовольствіе о томъ, что Георгіевское знамя они заслужили и сами не знаютъ за какое преступленіе эта высокая Царская награда отъ нихъ отобрана.

Заканчивая свою настоящую записку, приношу извиненія предъ читателями, что въ нѣкоторыхъ числахъ могла вкратѣться ошибка и быть можетъ кто либо найдетъ неточности и поставитъ меня въ извѣстность, ибо вся записка о Гурійской дружинѣ составлена безъ всякихъ руководствъ, а на память.

З а к л ю ч е н і е .

Къ заключенію настоящей записки, какъ очевидецъ боевыхъ дѣйствій 1-й пѣшей Гурійской дружины, считаю долгомъ доложить читателямъ слѣдующее:

1) Прежде всего вся Гурія состоитъ только изъ одного небольшого Озургетскаго уѣзда, въ которомъ 26 обществъ; численность народонаселенія въ этомъ уѣздѣ мнѣ въ точности не извѣстна, но приблизительно, полагаю, не болѣе 25000 душъ мужскаго пола, а если ошибаюсь, то покорнѣйше прошу исправить мою ошибку кому будетъ угодно. Этотъ маленькій уѣздъ съ началомъ войны съ Турціей выставилъ отъ себя 4 дружины тысячнаго состава каждая, всего 4000 воиновъ, около 20% всего состава населенія, готовыхъ положить голову за Батюшку Царя и дорогое Отечество.

2) Вся Гурія съ нетерпѣніемъ ожидала объявленія войны Россіи съ Турціей, чтобы наконецъ нака-
зать вѣковыхъ враговъ своихъ, пограничныхъ жите-

лей кобулетцевъ, которые въ мирное время, какъ сосѣди, не давали покоя жителямъ Озургетскаго уѣзда, въ особенности пограничнымъ селамъ; часто нападали на дома ихъ, уводили скотъ и лошадей, даже женъ и дѣтей и продавали ихъ туркамъ, въ чемъ я убѣдился при занятіи Гурійской дружиной г. Артвина отъ стариковъ и старухъ, настоящихъ гурійцевъ, которые объяснялись со мною на грузинскомъ языкѣ, и они говорили мнѣ, что они грузины, проданные еще молодыми. Особенно въ этомъ случаѣ много терпѣли пограничныя села Лехауры, Шемокмеды, Суреды и прочія, не смотря даже на то, что кобулетцы съ нѣкоторыми гурійцами состояли даже въ родствѣ, такъ напримѣръ кобулетецъ дядя — магометанинъ; а племянникъ гуріецъ — христіанинъ. Кобулетцы, аджарцы и жители Батумской области не говорили инымъ языкомъ, какъ грузинскимъ; несмотря на все это гурійцы готовы были при первомъ удобномъ случаѣ наказать ихъ.

3) Помимо всего этого каждый гуріецъ въ душѣ — истинный воинъ, безъ оружія не выходитъ изъ своего дома. Оружіе его состоитъ изъ наръзного ружья кремневаго, пистолета и кинжала продѣтаго въ поясъ; они большіе ходоки; вообще гурійцы народъ въ высшей степени подвижной, смѣтливый и находчивый; стройностью и красотою особо выдѣляется отъ прочихъ Кавказскихъ народовъ — чистый типъ картвельскаго племени.

4) Вся Гурія съ объявленіемъ войны поднялась, всѣ, начиная даже съ дѣтей 10-го лѣтняго возраста и кончая стариками, всѣ высказали ревностное желаніе

поступить на службу на случай войны, такъ что если было бы разрѣшено, ибо съ одного Озургетскаго уѣзда можно было бы сформировать не 4 дружины, а еще болѣе. Во время самага набора охотниковъ мнѣ пришлось присутствовать и приходилось видѣть, что совершенные мальчишки, не болѣе 10-ти лѣтъ, со слезами упрашивали принять на службу, но имъ приходилось отказывать и принимали съ 14 до 40 лѣтъ, не моложе, не старше; въ особенности были довольны этимъ проявленіемъ любви къ родинѣ владѣтельные князья Гуріели: генераль-маіоръ князь Дмитрій, Леванъ и полковникъ Григорій, не говоря о самомъ командирѣ дружины кн. Яесе Гуріели.

Одинъ изъ старшихъ князей — генераль-маіоръ князь Дмитрій Гуріели съ особою гордостью высказывалъ всеѣмъ вліятельнымъ начальствующимъ лицамъ о преданности гурійскаго народа. Князь не пропускалъ никого изъ всеѣхъ пріѣзжавшихъ начальствующихъ лицъ; при самомъ вѣздѣ въ г. Озургеты, верхомъ на своемъ бѣломъ высокоросломъ и красивомъ конѣ встрѣчалъ и приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ. Былъ такой случай, что ему пришлось встрѣтить Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича и тутъ при разговорѣ доложилъ о гурійцахъ слѣдующими словами: „Ваше Императорское Высочество, гурійскій народъ настолько преданъ Царю и Отечеству, что готовъ на защиту выйти поголовно и драться съ вѣковымъ врагомъ—турками, будьте въ томъ увѣрены, что отъ малаго до большого готовы положить головы, доказательствомъ чего мо-

жетъ служить то, что одинъ маленькій Озургетскій уѣздъ выставляетъ 4 дружины“. Великій князь остался очень доволенъ докладомъ и изволилъ выразиться такъ: „Князь, я вполне убѣжденъ въ вѣрноподданническихъ чувствахъ гурійскаго народа Царю и Отечеству и что онъ покажетъ себя истиннымъ защитникомъ и будетъ драться съ врагомъ до послѣдней возможности“.

5) Въ заключеніе всего мною изложеннаго долгомъ считаю смѣло и безъ ошибки доложить, что если въ настоящее время пришлось бы объявить войну Турціи, то гурійскій народъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ въ прошедшую войну, станетъ на защиту Царя и Отечества, конечно подъ начальствомъ довѣренныхъ имъ лицъ, но, повторяю,—въ войнѣ именно съ турками; что же касается въ войнѣ съ прочими державами не могу вѣрно и утвердительно сказать, но надѣюсь, что своею ревностною службою каждый гуріецъ и вообще грузинъ въ рядахъ русскихъ солдатъ не только не уступитъ въ своихъ боевыхъ качествахъ даже, смѣло могу сказать, еще болѣе покажетъ себя достойнымъ воиномъ. Я въ этомъ случаѣ болѣе другихъ являюсь компетентнымъ лицомъ потому, что мнѣ пришлось служить и начальствовать въ качествѣ командира роты 9-тъ лѣтъ въ составѣ чисто русскихъ солдатъ, 4 года—армянскихъ и 2 года грузинскихъ, и всѣ эти три національности мнѣ хорошо извѣстны по качеству ихъ мирнаго и военного положенія.

Имѣя въ этомъ отношеніи большой опытъ различать, такъ какъ съ чина прапорщика безсмѣнно ко-

мандоваль 15 лѣтъ, 14 лѣтъ былъ командиромъ баталіона, не отдѣльнаго баталіона, и 4 года начальникомъ отдѣльной части, участвовалъ въ двухъ важныхъ выдающихся кампаніяхъ—войнѣ съ Турціею и съ Япоііею и на этомъ основаніи смѣло могу сказать, что имѣю большое знакомство съ боевыми качествами всѣхъ національностей.

Въ случаѣ найдутся такія личности, которыя будутъ съ недовѣріемъ и даже упрекомъ относиться къ моему настоящему описанію и при этомъ выскажутся, что гурійцы показали себя не дѣйствительно вѣрно-подданными во время самой революціи 1905 и 1906 года, а ярыми революціонерами, то эти упреки будутъ касаться не меня, ибо это было такое время, что невозможно было разобратъся: кто въ этомъ случаѣ виновенъ, —русскій народъ, или прочія національности, въ томъ числѣ гурійцы. Вѣдь въ этотъ періодъ даже въ самомъ сердцѣ Россіи—Москвѣ устраивались баррикады, и вооруженный мятежъ москвичей пришлось подавлять войсками.

Одно только могу доложить читателямъ, былъ такой случай: еще въ 1903 году, предъ самой войной, въ мѣстечкѣ Михайловѣ мастеровые Закавказской желѣзной дороги въ числѣ 1000 человекъ подняли бунтъ, остановили поѣзда; противъ нихъ, для усмиренія, были выставлены—мѣстная команда въ 30 человекъ и стражники, которые старались усмирить, но не могли, тогда командѣ и стражникамъ пришлось дать залпъ по рабочимъ и на мѣстѣ были убиты 39 человекъ.

На усмиреніе экстренно изъ Горійскаго полка былъ вытребованъ баталіонъ и былъ назначенъ ввѣренный мнѣ 1-й баталіонъ, который въ продолженіи 2-хъ часовъ прибылъ въ Михайлово, но дѣло было уже кончено,—рабочіе были усмирены. Мнѣ пришлось стоять въ Михайловѣ и быть очевидцемъ разбора дѣла офицерами жандармскаго управленія, какъ мнѣ помнится, подполковникомъ Редровымъ и въ то время капитаномъ, нынѣ градоначальникомъ г. Баку, полковникомъ Мартыновымъ. Имъ приходилось арестовывать молодыхъ людей, большинство коихъ оказывались пришлые молодые люди, большинство русскіе, конечно были и прочихъ націй, въ томъ числѣ и грузины (имеретины и гурійцы). Доказательствомъ моего настоящаго заявленія можетъ служить то обстоятельство, что когда, спустя 3 дня послѣ бунта, пріѣхалъ на вокзалъ начальникъ штаба генераль Бѣлявскій и ему я отрапортовалъ о благополучномъ состояніи, то онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Все хорошо князь, но что позволяютъ ваши кавказцы-грузины?“ Я на это доложилъ: „Ваше Превосходительство, тутъ кавказцы не причемъ, по деревнямъ шныряютъ какіе то пришлые молодые люди и мутятъ народъ, нѣкоторыхъ уже захватили, большинство ихъ русскіе“. Тогда генераль Бѣлявскій согласился со мною и сказалъ „Да, вы совершенно вѣрно докладываете“. Вотъ изъ этого можно судить, кто правъ и кто виноватъ.

Дѣлая общее заключеніе изъ вынесеннаго мною боевого опыта и знакомства съ условіями быта туземныхъ дружинъ, можно сказать слѣдующее:

Въ томъ, что въ прошедшую войну съ турками дружины и милиційскія части принесли большую пользу, нѣтъ никакого сомнѣнія, иначе, благодаря географическому положенію страны, необходимо было бы громадное количество регулярнаго войска, при томъ на такой мѣстности, какую представляетъ изъ себя Приріонскій край, включительно до самой границы рѣки Чорохъ, доступный только партизанскому дѣйствію и невозможный для веденія правильной войны. Непріятель имѣлъ въ своемъ распоряженіи изъ мѣстныхъ жителей лишь кобулетцевъ, частью аджарцевъ и батумцевъ, численностью не менѣе 12000 человекъ, которые безпрепятственно могли проникать черезъ разные пункты въ Озургетскій уѣздъ и эта громадная сила, вооруженная большею частью ружьями Пибоди, очутилась бы въ тылу всего Гурійскаго и Кобулетскаго отряда, что не удалось врагу благодаря только именно всѣмъ 4-мъ пѣшимъ Гурійскимъ дружинамъ и помимо ихъ чуть ли не съ cadaго дома выставлялись вооруженные гурійцы для защиты своихъ деревень отъ случайнаго нападенія враговъ кобулетцевъ.

Въ этомъ именно заключалась существенная и сильная поддержка регулярнымъ войскамъ Кобулетскаго отряда, который по своей малочисленности безъ того долженъ былъ вести наступательную и оборонительную войну противъ чуть ли не въ двое по численности сильнѣйшаго врага, при томъ прекрасно вооруженна-

го, тогда какъ ниоткуда не ожидалось увеличенія войска Приріонскаго края, хотя командующимъ войсками Приріонскаго края неоднократно посылались ходатайства о присылкѣ войскъ.

Что мѣстныя милиційскія части были крайне необходимы, это видно еще изъ войнъ съ Турціей въ 1829 и 1853, 1854 и 1855 годахъ, когда онѣ принесли не малую пользу. Въ эти года какъ Грузинскія, такъ и Гурійскія милиційскія части съ большимъ рвеніемъ съ объявленіемъ войны выходили сражаться съ врагомъ своимъ, даже на собственныя свои средства. Для примѣра привожу одинъ изъ эпизодовъ войны, переданный мнѣ однимъ изъ очевидцевъ, гурійскаго дворянина подпоручика милиціи Георгія Глonti, получившаго прапорщика милиціи и знакъ отличія Военнаго Ордена еще въ 1854 году за бой при Чолокѣ и вторично участвовавшаго въ войнѣ 1877—1878 г.г., а также отъ многихъ старыхъ гурійцевъ, о сраженіи подъ Чолокомъ въ 1853 г. подъ начальствомъ доблестнаго героя князя Ивана Андроникова. Очевидцы рассказывали мнѣ такъ: „Генераль князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего полкъ русской пѣхоты, полкъ казачій, до 2000 пѣшей милиціи и 8000 туземной кавалеріи, составленной изъ однихъ дворянъ и князей грузинскихъ, гурійскихъ и имеретинскихъ, имѣвшихъ собственное свое вооруженіе на быстрыхъ Карабахскихъ лошадяхъ, такъ что въ распоряженіи князя было не болѣе 15000 пѣхоты и кавалеріи, изъ коихъ $\frac{3}{4}$ войска—милицій-

скія части. Съ этимъ войскомъ онъ расположился по правой сторонѣ рѣки Чолокъ.

По разсказу тѣхъ же самыхъ очевидцевъ, армія турецкая, численностью 40000 человекъ, внезапно появилась на противоположной сторонѣ, на высотахъ Чачхотскихъ и разбила лагерь съ цѣлью на другой день атаковать русское войско. Какова мѣстность какъ праваго, такъ и лѣваго берега рѣки Чолока было сказано раньше, повторяю, что мѣстность по лѣвой сторонѣ рѣки значительно командуетъ надъ правой и при томъ весьма пересѣченная, покрытая лѣсомъ, только со стороны Чолокекаго поста могла дѣйствовать кавалерія на довольно большомъ разстояніи до самого турецкаго лагеря, на лѣвый флангъ турецкаго расположенія.

О появленіи турецкой 40000 арміи адъютантъ генерала князя Андроникова, офицеръ Генеральнаго штаба (чина не помнилъ) Комаровъ*) докладываетъ князю: „Ваше Сіятельство, сильная турецкая армія появилась на Чачхотскихъ высотахъ“, при этомъ указываетъ самое направленіе и разбитый лагерь. Князь Андрониковъ, убѣдившись черезъ подзорную трубу въ дѣйствительности доклада, совершенно спокойно, не смутившись, приказываетъ немедленно собрать всѣхъ начальствующихъ лицъ, включительно командировъ баталіоновъ и въ томъ числѣ командира дворянской кавалерійской милиціи.

*) Тотъ самый генералъ Комаровъ, что начальствовалъ въ сраженіи подъ Звиномъ и во время штурма Цихисъ-Дзирскихъ укрѣпленій.

Все вызванные начальствующія лица были собраны, къ 12-ти часамъ къ ставкѣ начальника отряда генерала князя Андроникова, куда адъютантомъ Комаровымъ были принесены планъ мѣстности и книги законовъ. Составился совѣтъ о томъ, какъ поступить отряду, имѣющаго надъ головой сильнаго по численности врага и при томъ еще расположеннаго на труднодоступной позиціи.

Долго велась бесѣда; когда князю открыли планъ и законъ, то онъ отложилъ въ сторону и сказалъ: „Мнѣ вашъ планъ и законъ не нуженъ, а мнѣ нужно побѣдить нашего врага, котораго вы считаете сильнымъ, а вотъ посовѣтуемся какъ намъ поступить“. При этомъ князь Андрониковъ поставилъ вопросъ такъ: „положимъ я буду турецкій главнокомандующій, (обращаясь на ломанномъ русскомъ языкѣ къ адъютанту, какъ единственному офицеру генеральнаго штаба), а вы будете начальникомъ русскаго отряда; я буду на васъ наступать, что вы предпримете?“ Адъютантъ отвѣтилъ князю: „отступлю въ Озургеты“. Князь говоритъ: „приду въ Озургеты, отброшу васъ, зажгу городъ и буду преслѣдовать васъ. Вы далѣе что будете дѣлать?“ — „Отступлю въ Самтреди и далѣе къ Тифлису, въ ожиданіи подхода новыхъ частей“. На это князь Андрониковъ продолжаетъ: „Буду все время преслѣдовать васъ и по дорогѣ буду предавать все огню, буду уничтожать все какія только попадутся села и дойду до Кутаиса. зная, что къ вамъ не подойдетъ подкрѣпленіе. Нѣтъ, дорогой мой адъютантъ, я на это согласиться не могу, позволь мнѣ дѣйство-

вать, какъ начальнику русскаго отряда, какъ мнѣ хочется и такъ какъ дѣло лучше васъ понимаю и знаю самихъ турокъ. Мы, господа,—обращаясь къ начальникамъ частей,—должны всѣ до единого солдата умереть на мѣстѣ и ни одного шага не только уступить туркамъ, но сами должны атаковать ихъ, для чего приказываю на завтра къ 4-мъ часамъ утра, предъ самымъ разсвѣтомъ, быть готовымъ такъ: полку подвинуться заблаговременно незамѣченнымъ сколь возможно впередъ, перейти рѣчку Чолокъ и стать противъ самаго центра турецкаго лагеря; казачьему полку правѣе пѣхотнаго полка, на мѣстѣ, удобномъ для атаки, что между Чолокскимъ и Какутскимъ постами. Всей пѣшей милиціи со стороны Музарскаго поста лѣвѣе полка. При пѣхотномъ полку имѣть хоръ полковой музыки. Дворянской кавалерійской дружинѣ быть при мнѣ: Я укажу самъ лично мѣсто стоянки. Къ 5-ти часамъ вечера прислать ко мнѣ со всѣхъ частей барабанщиковъ и горнистовъ. Прошу, господа, точнаго и непрекословнаго исполненія даннаго мною приказанія. По первой сигнальной ракетѣ всѣмъ частямъ безъ выстрѣла, не оставиваясь, двигаться въ атаку. Имѣйте въ виду, что турки ведутъ весьма плохо сторожевую службу и вы стремительною атакою можете привести ихъ въ полное разстройство и врагъ нашъ будетъ разбитъ, въ противномъ случаѣ всѣ мы положимъ голову и не отступимъ, ибо мой законъ такой, что я незнаю, что такое отступленіе; съ Богомъ, господа, прошу исполненія моего закона, а не книжнаго закона, который мнѣ подносить мой адъютантъ“.

Какъ было приказано къ 5-ти часамъ собрались къ ставкѣ начальника отряда всѣ барабанщики, числомъ около 30 человекъ. Князь Андрониковъ на мѣстѣ лично распредѣливъ ихъ по ротнo въ нѣсколько группъ и старшему изъ каждой группы указаль приблизительно мѣсто, къ которому засвѣтло должны придти и остановиться. Группы барабанщиковъ разставлены были по всему лѣсу съ лѣваго фланга всего отряда, согласно приказанію, лично самимъ адъютантомъ; при этомъ отдано было всѣмъ старшимъ въ группахъ слѣдующее приказаніе: по сигнальной ракетѣ всѣмъ барабанщикамъ бить бой къ атакѣ и въ тоже время скрытно двигаться впередъ, все болѣе и болѣе учащая бой къ атакѣ.

Князь Андрониковъ лично, съ наступленіемъ темноты, незамѣтно повелъ всю дворянскую дружину и на заранѣ осмoтрянной мѣстности, по которой кавалерія съ успѣхомъ могла дѣйствовать, остановилъ и приказаль, по второй сигнальной ракетѣ, дружинѣ пуститься всею силою въ атаку и преслѣдовать отступающаго непріятеля. Все вышесказанное приказаніе князь Андрониковъ отдаваль вполнѣ разсчитывая, что непріятель будетъ разбитъ, во всякомъ случаѣ не имѣя въ виду отступленія, иначе говоря, или побить врага, или положить весь отрядъ, — другого разсчета у него не было. Всѣ приказанія, — разсказываль прапорщикъ милиціи Георгій Глonti, — отдаваль князь Андрониковъ при немъ, такъ какъ онъ состояль въ качествѣ конвоя при князѣ. Въ минувшую войну 1877 и 1878 г. г. прапорщику Глonti было не менѣе 65

лѣтъ. Такъ продолжаетъ свой разсказъ прапорщикъ Глonti: „Какъ было приказано, такъ по повѣркѣ адъютантомъ все въ свое время было исполнено, всѣ части были на своихъ мѣстахъ и ожидали только сигнальной ракеты; наконецъ настало время, въ 4 часа утра пущена была сигнальная ракета и къ этому времени пѣхотныя части, пользуясь плохимъ несеніемъ турками сторожевой службы, сколько возможно незамѣтно подошли на разстояніе почти версты.

По первому сигналу полкъ и пѣшая милиція съ музыкою пошли въ атаку съ мѣста безъ выстрѣла, не останавливаясь; въ это же самое время по лѣсу съ нашей стороны забили атаку всѣ разсыпанные барабанщики. Турки, ошеломленные внезапною атакою, при томъ съ просонья, и видя, что со всѣхъ сторонъ русскія войска идутъ на нихъ въ атаку, смутились, смѣшались въ кучу, не находя оружія, между тѣмъ въ это самое время пѣхота и казачій полкъ дружно бросились въ атаку. Турки безъ оружія бросились въ бѣгство по всѣмъ направленіямъ. Князь Андрониковъ, сидя на бѣломъ конѣ, въ бѣлой буркѣ, видя безпорядочное бѣгство непріятеля, лично направилъ туземную дворянскую конную дружину въ догонку бѣгущихъ турокъ. Конная дружина, одушевленная самимъ княземъ, быстро пустилась въ атаку и, погнавъ убѣгающаго непріятеля, немилосердно рубила ихъ направо и налево. И такъ, побѣда оказалась за нами, турки дрогнули и бѣжали, оставивъ весь лагерь, множество оружія, орудій и все имущество и заготовленные припасы. Объ этой побѣдѣ князя Ивана Мал-

хазовича Андроникова извѣстно по всей русской исторіи. Этотъ же герой, князь Андрониковъ, взялъ и городъ Ахалцихъ. О взятіи Ахалциха есть русская пѣсня, которая начинается такъ: „Князь Андрониковъ съ егерями, да грузинскими князьями во время поспѣлъ. Турки дрогнули, бѣжали, все пожитки растеряли, еле успѣлись“.

Молодецкое и полезное дѣйствіе милиційскихъ дружинъ доказано и въ послѣднюю войну. Какъ подготовленные 1-я Гурійская и 1-я Грузинская дружины, а затѣмъ, спустя два мѣсяца и вторыя Грузинская и Гурійская дружины, дѣйствовали прекрасно, правда подъ начальствомъ офицеровъ, $\frac{3}{4}$ которыхъ назначены были изъ регулярныхъ частей, подготовленныхъ по тому времени въ лучшихъ школахъ военной науки, въ строгой дисциплинѣ. Хотя командиры были изъ своихъ же, но большинство ихъ прекрасно подготовлены къ военной службѣ, испытаны въ бояхъ. Примѣрно, полковникъ князь Иванъ Сулхановичъ Чавчавадзе, о которомъ я уже упомянулъ и командиръ 2-й Грузинской дружины, князь маіоръ Леванъ Джорджадзе, вполне также соотвѣтствовали, какъ командиры частей, своему дѣлу: да они были офицерами изъ частей регулярныхъ войскъ.

Хотя во всѣхъ Гурійскихъ дружинахъ и были командирами свои же князья, большинство ихъ мало грамотные по русскому языку, но они своимъ вліяніемъ много содѣйствовали дѣлу; большинство гурійцевъ, поступившихъ въ дружины, были временно обязанные крестьяне, которые еще тогда глубоко со-

храняли старое строгое отношеніе помѣщика съ крестьянами и всецѣло оказывали, говоря по совѣсти, даже изъ одного страха, полное безпрекословное повиненіе. Я былъ очевидцемъ, какъ командиръ 1-й Гурійской дружины, князь Гуріели, чуть не до смерти засѣкъ милиціонера за неисполненіе самаго пустого приказанія и, вообще, за княземъ Гуріели, за время моего пребыванія въ дружинѣ, числилось не мало подобныхъ примѣровъ, его боялись даже милиційскіе офицеры.

У этого князя была своеобразная строгая дисциплина, которая въ высшей степени необходима для пользы службы милиційскихъ частей. Хотя самъ онъ далеко былъ отъ настоящей боевой обстановки, за то строго требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ; да вдобавокъ къ нему больше всего были назначены офицеры изъ полковъ 41 пѣхотной дивизіи, большинство коихъ прошли стрѣлковую школу.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное въ моей заключительной запискѣ, нахожу цѣлесообразнымъ при настоящихъ и подобныхъ положеніяхъ дѣла, всегда имѣть въ виду, что на эти милиційскія части, на случай войны съ турками, можно положиться и ничуть нельзя сомнѣваться въ ихъ преданности боевому дѣлу, конечно опять повторяю подъ начальствомъ строевыхъ вполне подготовленныхъ офицеровъ, опытныхъ и умѣющихъ обращаться съ подчиненными, чтобы вселить въ нихъ любовь и страхъ въ исполненіи присяги и строгой степени дисциплины. Въ особенности въ высшей степени принесетъ пользу служба

принятаго грузина въ ряды русскаго добраго солдата и хорошаго честнаго дядьки. За такого своего товарища каждый солдатъ изъ грузинъ готовъ всегда и вездѣ положить голову свою. Солдатская служба — ихъ гордость, каждый изъ грузинъ, оканчивая службу, прїѣзжаетъ на родину, гдѣ ему оказываютъ уваженіе и почтеніе, конечно если онъ сохранилъ, находясь въ запасѣ, высокое солдатское достоинство!

Заканчивая записку, я по своему убѣжденію, какъ болѣе другихъ знакомый со службою разныхъ національностей, осмѣливаюсь выразиться такъ: допущена была большая несправедливость, что были расформированы двѣ выдающіяся боевыя дружины: 1-я Грузинская и 1-я Гурійская. Первая изъ нихъ, какъ старая, имѣющая за собой множество боевыхъ заслугъ, о которыхъ говоритъ исторія и чуть ли не полъ вѣка существовавшая и давно удостоившаяся столь высокой награды, какъ Георгіевское знамя и добавочныя отличія за послѣднюю турецкую кампанію.

Тѣмъ болѣе не должна быть такъ сильно наказана совершенно молодая, вновь сформированная доблестная 1-я Гурійская дружина, которая во всѣхъ отношеніяхъ до глубины сердца и души была предана боевому дѣлу, отличалась красотой душевною и видомъ своимъ и образцовою дисциплиною. Не смѣю говорить о другихъ дружинахъ, но эти двѣ дружины заслужили болѣе высокаго поощренія со стороны начальства, чего другія, даже старыя, части не заслуживали, между тѣмъ вмѣсто поощренія подверглись сильному нравственному наказанію: лишились всего

доблестнаго званія и той высокой Высочайше дарованной Царской награды — Георгиевскаго знамени, которымъ гордится вся доблестная русская армія.

Могу сказать только послѣднее слово: грѣшно за выдающіяся боевыя дѣйствія вмѣсто награды подвергать часть сильному наказанію. Если въ вину поставить событія, происходившія въ 1905 и 1906 годахъ, то всѣмъ извѣстно, что въ то время даже нѣкоторыя части нашей арміи въ это смутное время поколебались и пошли противъ присяги, но всѣ эти полки существовали и существуютъ, даже награждаются. Я вполне убѣжденъ, что если за это смутное время существовали бы эти двѣ дружины, то остались бы вѣрными слугами Царя и Отечества.

Простите, господа читатели, если въ своей запискѣ, можетъ быть я увлекся въ чемъ либо, но извиняюсь, что мое сужденіе и опытность продолжительной 45-лѣтней, службы въ разныхъ частяхъ и начальникомъ частей состоявшихъ изъ трехъ національностей: русскихъ, грузинъ и армянъ, даетъ мнѣ нѣкоторое преимущество высказываться по своему убѣжденію.

СПИСОКЪ

г.г. офицеровъ 1-й пѣшей Гурійской дружины,
раненымъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г.г.

1) Прапорщикъ милиціи Бажунайшвили, бывшій вахмистръ 4 сотни Гурійской дружины, раненъ въ ногу 13-го апрѣля 1877 г. командуя 2-й полусотней, выбивая непріятеля съ занятыхъ позицій.

2) Прапорщикъ милиціи Копанадзе (Ираклій), командуя 1-ю полусотнею Гурійской дружины раненъ въ ногу 29-го апрѣля 1877 г. во время взятія штурмомъ передовыхъ Хуць-Убанскихъ позицій.

3) Помощникъ командира дружины, маіоръ Чхеидзе (Борисъ) при 1-мъ штурмѣ Цихисдзирскихъ позицій, 11-го іюня 1877 г. раненъ въ голову съ нашей артиллеріи.

4) Прапорщикъ милиціи Арошидзе—при 1-мъ штурмѣ Цихисдзирскихъ позицій 11-го іюня 1877 г., гранатою съ нашей артиллеріи оторвало окончательно одну ногу и повредило другую, лѣчился въ лазаретъ Ея Величества, гдѣ ему придѣлана искусственная нога.

5) Поручикъ Беридзе Георгій, при 1-мъ штурмѣ Цихисдзирскихъ позицій 11-го іюня 1877 г. контуженъ въ руку нашей артиллеріей.

6) Подпоручикъ милиціи князь Микеладзе (Парсаданъ), при второмъ штурмѣ Цихисдзирскихъ позицій 18-го января 1878 г. контуженъ въ голову. Получилъ незначительную рану въ голову во время нападенія жителей селеній, расположенныхъ по лѣвой сторонѣ рѣки Чорохъ передъ сел. Борчха въ іюнѣ мѣсяцѣ 1878 г.

7) Поручикъ милиціи Беридзе, вр. командующей 2-й сотней Гурійской дружины, при 2-мъ штурмѣ Цихисдзирскихъ позицій 18-го января 1878 г. сильно раненъ въ обѣ ноги, вынесенъ изъ взятыхъ нами ложементовъ своимъ вахмистромъ Антадзе (Эстате).

8) Прапорщикъ милиціи Джакели Кишварди, при 2-мъ штурмѣ Цихидзирскихъ позицій 18-го января 1878 г., раненъ при самомъ отбытіи у непріятеля передовыхъ ложементовъ

Что же касается убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, по неимѣнію при себѣ точныхъ свѣдѣній, не имѣю возможности описать кто именно, но количество убитыхъ и раненыхъ во всей 1-й пѣшей Гурійской дружинѣ насчитывается за все время до 250 человекъ.

5

44723
сч. 1111

10083

Цѣна 60 коп.

37.43.3.96.

1-3616095